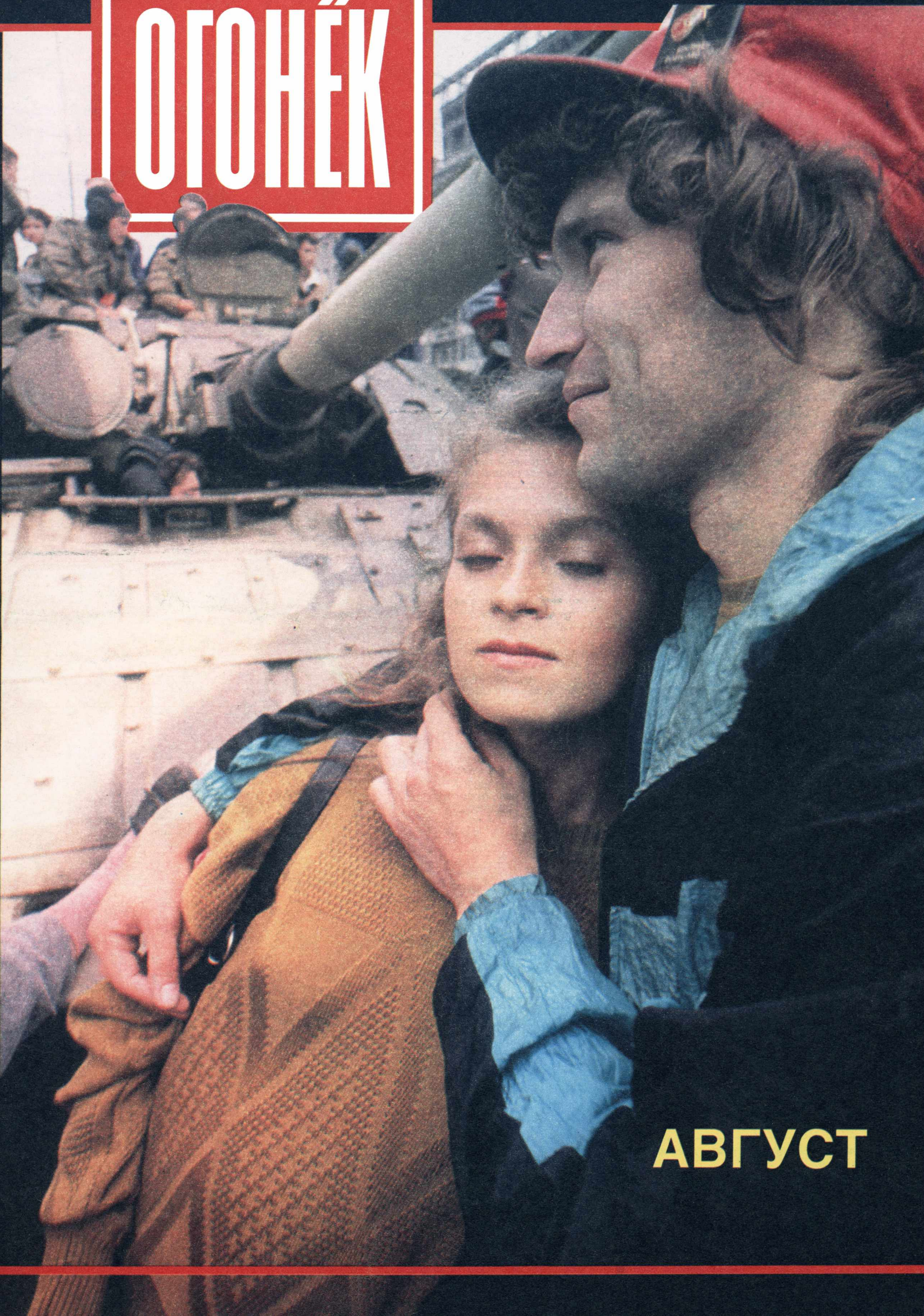
ISSN 0131—0097
ОКТЯБРЬ № 41 1991
THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

АВГУСТ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 41 (3351)
5 — 12 октября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Марка ШТЕЙНБОКА. (См. в номере материалы рубрики «Мужчина и женщина».)

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 16.09.91. Подписано к печати 01.10.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 892. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

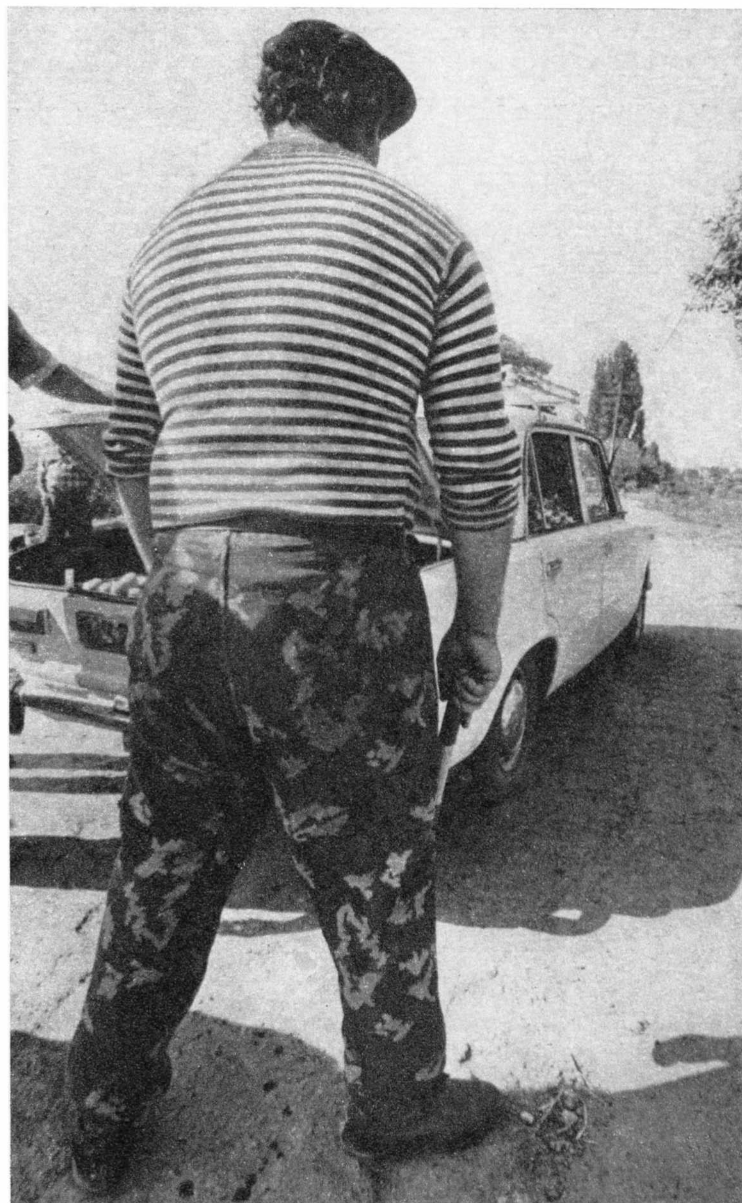
Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Сегодня, так уж живем, любая новость в журнале опаздывает. Всю неделю, пока верстался этот номер, на страницах газет, в радио- и телерепортажах сталкивались два потока информации из Молдовы. Опровергая друг друга, оба, по сути, означали одно: противостояние. Но этот конфликт разве первый и разве, самое страшное, последний для нас? Если могучая империя кроила территории одним-единственным росчерком пера, не задумываясь о последствиях,— неужели и теперь, под ее обломками, мы пойдем тем же заминированным путем? Где же они — мудрость, добрая воля суверенных парламентов, Президента СССР, Госсовета? Устремившись с космической скоростью по суверенным квартирам, мы словно забыли, что обломки от «общего дома» тоже, увы, будут общими...

БЕРЕГ

Ирина ЖУРАВСКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото Владимира МАШАТИНА

Президент Республики Молдовы Мирча Снегур.

А, МЕЖДУ КОТОРЫМИ НЕ ТОЛЬКО ДНЕСТР

Голос навис над городом. Почти левитановский металл, отчеканенный в слова, сотрясал репродукторы:

«На пороге нашего дома стоят молдавские волонтеры. Граждане свободной Приднестровской республики, жители города Тирасполя! Мы обращаемся к вам, мужчинам и женщинам, работникам милиции, офицерам и прапорщикам, истинным патриотам города: республика в опасности, город в опасности. Не допустим румынского сапога на нашу землю. Защитим наших матерей, жен, сестер от поругания...»

Генетическая память советского человека велела стоять у столба вместе с толпой и слушать. Профессиональный долг корреспондента в «горячей точке» — бежать туда, где горячее. И только спустя минуты я сообразила, что толпы у столба нет и рядом со мной лишь неопасно покачивается дядечка, наконец рискнувший спросить, где здесь ресторан. А мимо все так же неторопливо, вечерним субботним шагом движутся симпатично одетые тираспольцы. Может, им и так хорошо слышно, может, привыкли.

Еще одна странная декорация в нашем общем театре абсурда? Какой сюжет приготовлен на этот раз? И в Кишиневе, и в Приднестровье просили в общем-то об одном: расскажите объективно. Простая такая задачка... Уже потом, в Москве, мне очень хотелось просто механически перемешать диктофонные записи. Чтобы слушала не я, чтобы слышали друг друга. В какой-то мере, да простит меня читатель, я так и не смогла избавиться от этого искушения.

* * *

Трудно сказать, сколько женщин дежурит на рельсах одновременно. До двухсот, очевидно, будет. Когда приехала с «ночной сменой» из Тирасполя, показалось даже больше. Но и днем, и вечером здесь окунаешься в какую-то странно-зыбковатую ауру перепадов человеческого настроения. От раздумчивых воспоминаний и споров о консервировании овощей до «Уберите его, уберите — провокатор». От старой доброй «Катюши» у почти пионерского костра до трубного голоса мегафона, сообщившего, что слева нас охраняют злые собаки и что-то где-то, возможно, заминировано. И опять вспоминают, опять поют. И горячими пирогами закормят, и чаю с мятой нальют...

— Я сына одного оставила. Ничего, переночует. Муж соседкин присмотрит.

— У меня муж молодец, истинный коммунист. Другой бы не пустил, а он говорит, иди, сам все уберу, пропылесосю...

— Соседку встретила, все выпытывает, как у нас на «железке». Так я ей и сказала! Пусть сама приходит. Закатывать банки, видишь ли, ей надо. А нам не надо?

— Знаете, я ведь раньше мало кого в городе знала. А сейчас зайду в мага-

зин, лица все знакомые — ночевали на рельсах вместе.

Я не знаю, как наши матери и бабушки ходили на демонстрации. На меня того энтузиазма уже не хватило. Но здесь — как споткнулась. Что-то бесконечно близкое, знакомое, почти забытое, из общей нашей прошлой уже, наверное, жизни. Брошено в очередной общественный разлом на очередные рельсы, не на прорыв, так на блокаду...

Светлану Мигулю первый раз увидела с мегафоном в руке. Депутат Тираспольского горсовета, по профессии — экономист, сейчас, правда, не работает, в отпуске по уходу за ребенком. А мегафон Светлане даже идет. И темные очки ей идут, и варенка, и даже парень в пятнистом, с дубинкой, который не отходит от нее ни на шаг и про которого сама говорит: «Ну, телохранитель мне еще зачем, скажите?»

— Тут всего можно ждать. Депутатов-то как арестовывали... Устала я, честно говоря, про все это говорить, но чтоб вы поняли, придется сначала, да?

Видимо, да. Что, собственно, мне известно? Одним из первых в стране Тирасполь прогремел забастовками. Повод — Закон о государственном языке. Год назад — провозглашение Приднестровской Молдавской советской социалистической республики, никем, кроме самих ее граждан, не признанной. Противостояние с руководством Молдовы. В ноябре — до сих пор до конца не расследованная дубоссарская трагедия. Кровь трех погибших. Снова противостояние. И, наконец, вслед за провалом путча арест лидеров Приднестровья и Гагаузии... С начала сентября — женская блокада железной дороги сначала в Тирасполе, потом в Бендерах.

— Вы поймите, мы никогда не отказывались молдавский изучать, на курсы ходили. А после курсов — с кем разговаривать? Только друг с другом. По всему Приднестровью — 40 процентов молдаван. А в городах вообще русскоязычное население. Но если язык государственный, все документы на молдавском. Звонят мне как-то из Кишинева, начинают по-молдавски. Я вежливо объясняю: вы согласны, что я ваша подчиненная? Да, говорит. А в законе сказано: язык избирает подчиненный.

— Этот закон несколько экспертиз прошел, ничего дискриминирующего не нашли вроде...

— Да при чем здесь закон? Его просто использовали для чистки кадров. Естественно, руководящих. У станка можно на любом говорить. А лучше вообще помолчать.

— В Приднестровье тоже чистили?

— Здесь не дали. А в Кишиневе — будь здоров! Многие к нам побежали. Вы поймите, у нас интернационал. Три языка государственных — русский, молдавский, украинский. В названии республики слово «Молдавская» оставили, чтобы они тоже себя, как в родном доме, чувствовали. Нас ведь с детства учили — наш адрес не дом и не улица...

* * *

Да уж, песенки наши! Гремел тогда приемник — кто слушал? Так, набор слов. Только сейчас смысл разбираем. Всесоюзная лимита, мы покладисто сбивались в «единую общность — советский народ», справедливо не замечая особой разницы между хозяевами — обкомом где-нибудь в Вологде или ЦК в Кишиневе.

«Раньше у нас, как везде, никто национальностей не разбирал»,— говорили мне в Тирасполе и Бендерах. Память, память. Сильному ли старшему брату помнить про пятые пункты в анкетах, про вымирающие без школ и книг языки?

Когда комплекс национального меньшинства рождается вместе с тобой и водит за ручку на протяжении долгих лет, к нему привыкаешь. Появляются даже свои преимущества: трудно устроиться на работу, значит, больше вкалываешь, активней набираешь очки. Обидят в очереди, зато соратники по комплексу не оставят в одиночестве... Мало ли что? Но если комплекс застигает тебя внезапно, когда прожита жизнь, где ты имел неотъемлемое, казалось, право большинства, тут больно, невыносимо, тут непонятно. И принять невозможно.

Мне не раз рассказывали, перечисляя первые шаги обид, как приходили на приднестровские предприятия документы из Кишинева сплошь на молдавском, как в ответ на «издевательство» их высылали обратно. Непонятно, зачем присылали, если переходный период рассчитан на семь лет. Непонятно, зачем отсылали: посади переводчицу, и вся проблема. А унижение — забыть? И разве только это? Разве не им кричали — «оккупанты», или «Чемодан, вокзал, Россия»?

«А разве не унизительно,— говорили мне спустя день в селе Кутиера Дубоссарского района,— что в школе кто-то провел границу между русской и молдавской половиной? На русской написали — люди, а на молдавской — быки, дебилы! Не унизительно, что молдавской школы у нас до сих пор вообще нет? Не унизительно, когда, обратившись на молдавском, слышишь в ответ: говори на человеческом языке?»

Обычно о Приднестровье говорят как-то в целом. Но и оно в сегодняшнем политическом спектре отнюдь не однотонно. И здесь под триколором слышны другие голоса.

Сергей Попа, депутат парламента Молдовы, председатель колхоза «Виктория» Дубоссарского района:

— Мы проснулись, конечно, проснулись. Но, может, действительно воздуха нахлебались столько, что слегка закружилась голова. Где-то торопились, где-то недодумали. Надо было, может, в Приднестровье 10—15 лет дать на переходный период. Но никогда не было у простых людей настроений против русских. С чего сейчас они выдумали эту румынскую опасность? Нет такого вопроса. И для народа, и для парламента. Только единая и неделимая, независимая Молдова. Кого отделять в Приднестровскую республику? Молдаван от молдаван? Тех русских, что на правом берегу, от тех, что на левом? Этой несуществующей угрозой объединения с Румынией сейчас толкают людей на рельсы и Бог знает куда...

О «румынском сапоге» я слышала и на рельсах, и в исполкоме Тирасполя, из громкоговорителя на улицах, из разговоров в магазине — «Придут румыны...»

Страх, домыслы и слухи что-то всегда питает. Так что? Мне объясняли в Тирасполе, что великая идея объединения румын выше неких сиюминутных виражей политики. Общая история, общий язык рано или поздно сведут под одну крышу два государства. (Кстати, достаточно просмотреть газеты Молдовы, чтобы заметить — идея довольно популярна.) И ради Бога, считают в Приднестровье, народ Молдовы вправе решать самостоятельно свою судьбу. Но при чем, скажите на милость, здесь левобережье? Еще одна непризнанная жертва пакта Молотова — Риббентропа? В 1940 году бывшую Молдавскую АССР в составе Украины — территории на левом берегу Днестра — разодрали на части и ряд районов присоединили к «освобожденной» Бессарабии. «Ряд районов» и есть нынешнее Приднестровье, исторически ориентированное на Украину и Россию.

Какие доказательства румынизации вам еще нужны, спрашивали меня. Вузовские учебники и то из Румынии привозят...

— С учебниками действительно любопытная история,— рассказывал мне ректор пединститута М. Ф. Кошкодан, депутат и Тираспольского горсовета, и парламента Молдовы.— Да, получаем из Румынии (свои маленьким тиражом печатать невыгодно), только они ведь с русского переведенные, советские учебники, не худшие, надо сказать... Проблема, конечно, серьезна. Какое-то время действительно витала в воздухе идея: мол, не вырваться Молдове из объятий империи без помощи соседа. И кое-кто из интеллигенции ее поддерживал. Но после провала путча, после декларации независимости Молдовы это теряет всякий смысл, даже если таковой и был. Нет румынизации, есть возвращение языка и культуры. Но раздувать эту угрозу некоторым выгодно...

Знаете, как принимали здешнего лидера Игоря Смирнова в Москве? Гостиница «Октябрьская», правительственная «вертушка» сразу по приезде. Не очень понятно, если учесть, что он лишь председатель Тираспольского горсовета (или даже лидер непризнанной республики). Но другой момент многое проясняет. Когда в прошлом году здесь собрался съезд, провозгласивший республику, мы провели встречу около 500 депутатов Приднестровья. Был образован комитет «Интегралитэ» — целостность в переводе. Члены комитета были делегированы в Москву, принял Горбачев. Рядом, как всегда, Лукьянов. Выслушав, Анатолий Иванович заключил: если будете подписывать Союзный договор, эти республики исчезнут. Не будете — еще две создадим... Так что противостояние здесь, я думаю, в основном не национального — политического характера.

Честно говоря, поначалу само существование Народного фронта под боком местной власти удивило. Такого плюрализма я не ожидала. Но ничего, соседствуют. Не без инцидентов, правда. То на рельсах мегафон предупреждает ребят в пятнистом, охраняющих женщин,— «уберите Народный фронт», то вдруг перед фотокорреспондентами появится пожилая женщина, вся измазанная черной краской: «Хулиган из Народного фронта обрызгал». Штефана Урыта, зам. декана того же пединститута, не раз после попыток выступить где-нибудь на «не своем» митинге сажали под арест, правда, быстро выпускали. Но как бы то ни было триколор и в Тирасполе присутствует.

* * *

У Андрея Пантелеевича Манойлова в первый тираспольский день взять интервью не удалось. Из всех руководителей Приднестровья он остался в городе фактически один: кто в Москве, кто арестован. Встретились утром, после бессонной, видно, для него ночи, перед очередным заседанием.

— Андрей Пантелеевич, вы считаете, что руководство Молдовы способно перейти к силовым мерам? Если б хотели, наверное, нашли бы способ разблокировать рельсы.

— Можно предполагать, что они избрали другую тактику: блокирование автодорог волонтерами скажется на снабжении города, на работе предприятий. Думают вызвать недовольство людей и обернуть его против руководства Приднестровья. Но народ знает, откуда ноги растут.

— Какого статуса республики вы намерены добиваться и от кого?

— К сожалению, мы стали разменной картой в политических играх Центра, но, провозгласив свою республику, люди сделали выбор. Независимая республика, но не от Союза ССР.

— Вы считаете, он существует?

— В том или ином виде он будет жить. Поэтому мы надеемся, что именно Госсовет рассмотрит наш вопрос.

— Вы считаете, что провозглашение Приднестровской республики было законным?

— А провозглашение Молдовы независимой — законно?..

* * *

Два дня в Тирасполе и Бендерах прошли, в общем, тихо. По-прежнему ни на кого не нападали стоящие у порога молдавские волонтеры. По-прежнему менялись смены пикетов на железной дороге и специальный автобус три раза в сутки привозил пополнение из Тирасполя. По-прежнему радио на весь город призывало граждан мобилизоваться и вступать в ряды Приднестровской республиканской гвардии, а не самое сознательное их большинство гуляло, что-то покупало, катило коляски. Нарушали спокойствие лишь то и дело возникающие тревожные сообщения: ОМОН блокировал... Что и где блокировал, выяснить никак не удавалось, то ли ушел, то ли в садах спрятался...

Вечером стало известно — завтра приезжает делегация российских депутатов во главе с Сергеем Красавченко.

Это был странный день, словно все накопленное издерганными жителями электричество зависло в грозовом облаке.

«Что их слушать-то! И так все ясно. Из Кишинева ведь едут».— Коренастый молодой человек охотно разъяснял женщинам политобстановку. Я тоже не знала, зачем они собрались в этом зале. Депутаты, неосторожно посматривая на часы (рассчитывали на деловую встречу с руководством, а привезли их на митинг), следовали логике невмешательства в дела суверенной Молдовы и пытались с экономико-государственной точки зрения доказать, что блокировать железную дорогу, равно как и автомобильную, нехорошо и все вопросы надо решать за столом переговоров, а не на рельсах... Но зал жил своей жизнью.

— Эх, плакатик не успел написать: «Да здравствует Кубинско-Приднестровская ССР!» Пригодился бы.

— Да, вот и Кубу предали. Это ж надо заявить — войска выводим.

Предали Кубу, предали Приднестровье, предали социализм...

Один из российских депутатов не выдержал:

— У меня такое чувство, будто попал на несколько лет назад.

Мне так не казалось. Три проведенных в Тирасполе дня были не из вчера. Это тоже сегодня. Хочется нам того или нет.

И последняя фраза Светланы Мигули, сказанная мне тогда на рельсах: «Вы своим «Белым домом» тоже дел натворили». И заставившие вздрогнуть президиум слова другого лидера приднестровских женщин, Галины Андреевой: «Мы, женщины, уже вооружаться начали...» И гневный вопрос Сергею Красавченко вечером на рельсах: «А вы спросили нас, нужна ли нам ваша перестройка?» Это все из сегодня.

И дело даже не в том, поддержало или нет путч руководство Приднестровья.

Аресты лидеров Приднестровья, хотя и произошли сразу после провала путча, пока, как заявляют правоохранительные органы, с делом ГКЧП не связаны. Им предъявлено обвинение по статье 203-прим. УК Молдовы в связи с антиконституционной деятельностью и призывами к неповиновению действующим законам. Следствием чего явилось само создание Приднестровской республики. Уголовные дела были возбуждены еще год назад. Но аресты, их жесткость, особенно возмутившая Приднестровье, вопреки ожиданиям Молдовы, послужили сильнейшим толчком к сплочению тех, кто не хочет, не может проститься — не с принципами, не с идеалами, нет — с образом своей жизни. Тем самым, осмеянным и отвергнутым другой частью общества, но им бесконечно дорогим и, уверены, единственно возможным. Потому что он свой для этих не слишком счастливых наших женщин, поющих «Подмосковные (приднестровские) вечера» и «Катю-

шу», не одно десятилетие любые невзгоды встречавших вздохом: «Лишь бы не было войны».

И не их вина, что небогатенькое, доперестроечное наше житье кажется им теперь вершиной благополучия. Что еще оставило им время?

Страшнее неизвестности что?

* * *

В Кишиневе, как и несколько лет назад, русская речь рядом с молдавской мирно наполняла гомоном улицы. О напряженной политической жизни напоминало, пожалуй, лишь оцепление здания, где заседал парламент. Серьезное оцепление.

О возможности интервью с президентом Мирча Снегуром договаривались еще до поездки в Приднестровье. Видимо, благодаря этому обстоятельству «Огоньку», единственному представителю совпрессы, удалось оказаться в числе приглашенных на пресс-конференцию президента в перерыве между заседаниями парламента. Хотя надежду на отдельную беседу и пришлось оставить до лучших времен. Но в конце концов всех нас в тот момент волновали одни и те же проблемы:

— Господин президент, каким вы видите дальнейший сценарий независимости Молдовы?

— Республика, во-первых, не отказывается подписать экономический договор. В комитете господина Силаева работает и наш представитель. Во-вторых, мы и не помышляем о разрыве экономических связей с суверенными республиками. И третье — интеграция с другими странами, без указания Центра, думаю, пойдет гораздо успешней.

— В Приднестровье считают, что для снятия напряженности необходимо освободить под поручительство арестованных депутатов и сесть за стол переговоров, возможно, с участием России и Украины. Как вы относитесь к этому плану?

— Я хотел бы сообщить, что Молдова, как и все суверенные республики, претендует на честь правового государства. Поэтому исполнительная власть отделена от судебно-правовой. И вряд ли правоохранительные органы поинтересуются у меня, как им быть с арестованными. Что касается моего личного мнения, то, если закон допускает и есть основания, могут быть использованы и другие меры пресечения. Что касается диалога, то если раньше ему препятствовала диктовка Центра, который управлял процессами в Приднестровье, то сейчас, после провозглашения независимости, по-моему, мы в состоянии сами провести конструктивно этот диалог.

— Если ситуация обострится еще больше, не предпочтете ли вы конфликту создание автономной, к примеру, республики?

— Любые проблемы можно решать мирным путем. Но я, как президент, никогда не поставлю свою подпись под таким документом. И, думаю, буду поддержан парламентом. На территории Приднестровья 40 процентов молдаван, все этнические группы, там проживающие, имеют свои основные государства, и нет никаких резонов, исходя из международных документов, образовывать еще одну республику.

— Судя по всему, в основе стремления Приднестровья к независимости — предполагаемая возможность объединения Молдовы с Румынией...

— В последнее время вокруг этого вопроса в обществе идет непонятное нагнетание. Даже в селе, откуда я родом, уже обсуждается. Родственникам моим говорят: что он там задумал, передайте — ни одного голоса на выборах президента от нас не получит. Думаю, что сейчас необходимо выступить с официальным заявлением, что я и сделаю. Но скажу и здесь: для нас главное — независимая Молдова.

* * *

Как и кем нагнетался конфликт, какие историко-архивные корни его питали, об этом можно, очевидно, рассуждать долго. Но часть общества, отстаивающая свои интересы,— реальность. И потому, где бы ни задавались вопросы — на митингах, пресс-конференциях или на рельсах, решать их придется мучительно долгими, скучными для митингующих и даже журналистов переговорами за официальными столами. Ничего разумнее человечество не изобрело.

Выходя из дома правительства Молдовы, увидела делегацию Приднестровья. Исторический день. Очень хочется написать, как говорят в президиумах: подвижка есть...

Но помню и испуганную женщину в Бендерах, что, хватаясь за ручку машины Сергея Красавченко, шептала: не верьте, здесь такие сталинисты, здесь такое творится...

И знаю, что растут списки желающих поменять Кишинев на... Куда, все равно. Чемодан, вокзал, Россия?

И на кассете — дрожащий голос молдавской радиожурналистки из Дубоссар, которую 19 августа местные власти выгнали из радиоцентра за то, что отказалась читать документы ГКЧП, и до сих пор не пускают к микрофону.

И из первой же полученной в Москве газеты узнала о перестрелке ночью под Тирасполем, где то ли замминистра МВД Молдовы хотели похитить, то ли его приднестровского коллегу.

И под этими заметками придется поставить число, потому что кто скажет, каким будет завтра.

Мы были очень (и слишком!) терпеливы 74 года. Этого бы терпения, хоть немного — под ветром перемен.

21 сентября, 1991 год.

СОВЕТСКИЙ ПИНОЧЕТ: ВТОРАЯ ПРИМЕРКА

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Они проиграли. Почему, если всерьез стремились к победе?

В числе многих журналистов, так или иначе писавших с начала 91-го года о возможности военного переворота (а кто же был таким смелым, чтобы вопреки общей тенденции о нем не писать?), я мог бы 19 августа воскликнуть: «Предвидел!»

Ни черта я, разумеется, не предвидел... Комбинировал некие логические выводы, не более того. Но одна статья все же получилась довольно любопытной. Она называлась «Советский Пиночет: первая примерка» («Горизонт» № 8) и вышла, странно сказать, прямо накануне путча.

Любопытна она, однако, не этим совпадением. Речь в ней шла про Лаврентия Берия как несостоявшегося советского Пиночета. В последней подглавке «Берия — наше будущее?», оценивая шансы военно-гэбэшных «переворотчиков» сегодня, я писал, что они слабее Берия по четырем основным позициям.

«Берия имел идеально отлаженную машину МГБ и военно-промышленного комплекса. Ясно, что сегодня разложение коснулось и этих структур.

Берия имел еще неплохую экономику. С 1953 г. советская власть жила тем, что паразитировала на «папином» капитале. Ныне он протрачен до конца. Все размотано.

Берия имел перед собой двести миллионов, стоящих на коленях. Сегодня выходят 50 тысяч солдат, а толпа не боится.

Берия был цельным человеком. У него бы не дрогнула рука. ...Он мирно ел сырое мясо, понятия не имея, что бывает вареное. Нынче таких нет, а от частого повторения слова «плюрализм» лицевые мускулы вконец слабеют».

Что ж, вот это «предсказание», в общем, оправдалось. Только меня смущает такой вопрос: неужто все это было так невозможно трудно предусмотреть самим заговорщикам? Как говорится, «тоже мне бином Ньютона». И не люблю я расхожих разговоров: вот такие они идиоты, эти путчисты-коммунисты, настолько глупее нас, умненьких писателей и читателей... «Козлы», словом, как невольно выразился о себе Янаев, «мудаки», как якобы отозвался Горбачев о своих друзьях-однополчанах из политбюро.

Не знаю, не знаю... Может, чье-то самолюбие и тешат такие оценки, кого-то, может, они и успокаивают, я, простите, считаю подобные «рассуждения» просто смешными. Покойный философ Мамардашвили любил выражение «презумпция ума философа». Так вот, давайте уж допускать презумпцию ума заговорщиков тоже. Конечно, это не ум, нужный, чтобы создать философскую теорию, доказать теорему, написать роман или даже несчастную газетную статью (наверное, поэтому-то газетная братия и чувствует превосходство перед теми «козлами», которых она описывает, добывая себе дневное пропитание). Но ведь эти ребята вроде бы не доказывали нам 19 августа теорем, не играли на виолончели и шпаги не глотали. Они занимались своим делом — плели заговоры. А в этом они, кажется, профессионалы? Иначе бы они не оказались в Политбюро. Почему же у профессионалов не хватило «ума, чести и совести» учесть простейшие факторы, что же у них все так скверно вышло?

ПУСТЫЕ МУДРСТВОВАНИЯ

За эти месяцы народ времени даром не терял: версий выписали столько, что известные мне (конечно, я прочел далеко не все) впору классифицировать.

Ну, первая, как уже говорилось, «козлы». Хотели организовать крутой путч, а забыли о простейших вещах (не арестовали Ельцина, не отключили телефоны — это всех особенно умиляет! — и т. д.).

Вторая. Геройское сопротивление Ельцина и москвичей сорвало планы путчистов. Да тут еще и армия не та стала, непокорная.

Третья, самая распространенная. Нет, слишком уж все странно...

Путчисты со всей их мощью ни с того ни с сего поскользнулись — неведомо на каком «подсолнечном масле» — и загремели под трамвай истории. «Неужели вы думаете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?»

Вот эту самую ходовую и вроде бы самую «хитрую» версию давайте рассмотрим внимательнее.

Итак, игра, провокация. Замечательно и интересно. Чья же игра, с какими целями?

Сначала эту версию запустили те, кто мечтал о победе путча и повесил нос при виде провала. Признать простое поражение «наших», разумеется, невозможно. И вот Кургинян, Невзоров, газета «День» и все остальные, чтобы преуменьшить победу своих врагов и накал борьбы (кстати, допускаю, что это желание отчасти даже не осознается), ищут более сложные ходы. Они рассуждают по старому принципу — «кому выгодно?». Выгодно демократам, Ельцину. Значит, они как-то хитро «подставили» правых: а) спровоцировали путч, б) изнутри контролировали, точнее, блокировали действия заговорщи-

ков. Но кто же этот демократический Штирлиц в ставке Янаева — Крючкова, кто этот Сусанин, заведший путчистов в болото? Ну, имена таких «сверхшпионов» всегда узнаются через десятки лет.

Некоторые версии еще мудренее. Они исхитряются как-то объяснить, что провал путча был выгоден Горбачеву. Он и организовал, он и контролировал из Фороса, он и пустил под откос — с помощью Ельцина и по договоренности с ним. Наконец, особо умудренные (тот же Кургинян) роют еще глубже — обнаруживают, что, оказывается, провал путча выгоден самим правым, которые свой путч и провалили... нарочно!

Что же касается «левых» журналистов и политологов, то они включились в разгадывание «тайной интриги псевдопутча» немного позже — все-таки не в их интересах преуменьшать значение победы, кроме того, многие из них были у «Белого дома», и им как-то трудно убедить себя, что все это была «игра», что они, оказывается, были фишками в игре... Но, включившись в бег за лидером, они, в общем, повторили — с вариантами — те же немудреные рассуждения.

Во всем этом есть известный психологический резон.

Классики марксизма некогда банально, но верно заметили: «История есть не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека». Вот мы (пусть и не помня цитату, но думая точно так же) и пытаемся «вычислить»: кто же этот человек? Результат известен. Кто же мог бы преследовать такие цели?

Здесь, правда, начинается легкая путаница, поскольку непонятно, что же все-таки результатом-то считать. Ельцин преследовал цель укрепить свою власть? Резонно. Но, может быть, в разваливающейся стране, когда ясно, что в обозримом будущем недовольство людей будет только нарастать, кто-то, наоборот, преследовал цель свалить с себя непосильную ношу власти, перекинуть ее на широкие плечи того же Ельцина, скажем? Тоже резонно, черт возьми!.. В первом случае провал путча выгоден демократам, во втором — неким «коммунистически-военным структурам». А может, это Горбачев хотел избавиться от «мудаков», которых он нарочно вокруг себя собрал, чтобы смести их всех вместе, одним махом (версия Владимира Дашкевича)? А может, это Крючков хотел... Чего? Вот тут както непонятно. Отдохнуть на свежем воздухе? Похудеть на простой пище? Нет, тут что-то, воля ваша, не выходит...

Это относится к любому историческому событию. Результаты его всегда неоднозначны, действие равно противодействию, а значит, любое действие можно при желании считать обманным и провокационным, а можно и не считать, видеть в нем только прямой, буквальный смысл. Поэтому и нет «окончательных» версий исторических событий — и старых, и новых. Кстати, поэтому недорого стоят и заявления тех же заговорщиков (равно как и других участников событий), скажем, на следствии, на суде. Раз уж мы не верим делам, ищем их тайный смысл, то тем более имеем все резоны не верить словам.

Но это все хорошо, если считать, что какой-то человек (группа людей, социальный институт) контролирует события, добивается поставленных результатов. Если же исходить из того, что при столкновении разных целей, разных воль, разных групп в результате получается какой-то совершенно новый вектор, не совпадающий с изначальными целями ни одной участвующей группы, если считать, что человек предполагает, а Бог располагает, тогда мы и вовсе запутываемся. Да и вообще — что считать «результатом», «конечным счетом»? Жизнь-то, история-то бесконечна. Сегодняшняя победа — залог завтрашнего поражения, и наоборот... Как говорится, «дуракам полработы не показывают», но история, когда на нее ни посмотри, всегда полработы. «Вся работа» будет только в Судный день.

Эти «пустые мудрствования» — простенькая попытка на конкретном примере проследить общую трудность, заведомо неразрешимую трудность точного исторического объяснения. В отличие от детектива в истории точной, бесспорной разгадки не бывает и быть не может. Это слишком сложная система со слишком многими степенями свободы. Но это, конечно, не значит, что само разгадывание — пустое, ненужное дело. Мы не узнаем всей правды, но можем к ней стремиться, строить более и менее удачные модели этой правды.

ВЕРСИЯ

Первое. Я исхожу из доброго английского принципа, известного, как «бритва Оккама»,— не стоит умножать сущности без крайней необходимости. Попросту говоря: если действие можно объяснить как прямое, преследующее те цели, которые открыто провозглашены, то этому объяснению надо верить, не стоит искать подземный ход, второй, тайный, противоположный смысл. Иногда — и довольно часто! — даже политики открыто показывают свои подлинные намерения. Далеко не всегда они движутся к заветной цели задом наперед, обманными ходами и провокациями. Например, Крючков и Павлов много раз прямо объявляли свои цели, даже на Верховном Совете. И Ельцин свои цели не скрывал. С Горбачевым, конечно, посложнее...

Второе. Никто не контролирует ситуацию. Путч организовали Крючков, Бакланов и К°. Он провалился. Но это вовсе не значит, что они (или некие силы, стоящие «за ними») так хитро его планировали, чтобы именно провалиться. Нет, они его планировали, чтобы выиграть. Или, с другой стороны, провал путча очевидно выгоден Ельцину и демократам. Но это не значит, что они как-то хитро, изнутри вызвали этот результат, например, через своих агентов в тылу врага. Просто было столкновение нескольких сил, результата которого никто не мог знать заранее, как и вообще никто, кроме Господа Бога, не знает заранее ничего наверняка. Политик только предполагает. И под эти предположения строит свою политику. А Бог смешивает карты, как ему нужно, «располагает».

Вот, приняв такие исходные допущения, и давайте вместе думать.

Ясно, что путчисты вполне могли сделать в тысячу раз больше того, что сделали, уж по крайней мере могли захватить «Белый дом» и совершить много других подвигов. Не сделали. Проиграли. Почему, если всерьез стремились к победе?

Так. Теперь давайте подумаем: а что такое для них «победа», к чему, собственно, они стремились?

Вспомним один из исходных пунктов, который, наверное, никто не будет оспаривать: эти люди далеко не Берия и К°. И личные, и социальные качества у них не те, и система — как они отлично понимают! — им досталась не та, расшатанная, ржавая. И они — винтики именно этой системы, политики горбачевской генерации. И их «бунт» — это продолжение их политики чуть-чуть другими средствами. Неверно, разумеется, изображать членов хунты какимито жуликами, которые стремились вырвать для себя личные блага. Это неверно и потому, что каждому из них лично абсолютно ничто не угрожало и при подписании Союзного договора, и даже при быстром (все-таки не столь быстром, как сегодня) распаде империи. В самом худшем случае угрожали роскошные пенсии при сохранении особняков и капиталов, положение Рыжкова — Лигачева. Недурное совсем положение! А главное, это неверно потому, что, дерясь за свои личные, кровные цели, они бы дрались совсем по-другому, начали бы куда более бурно и сильно.

Эти люди преследовали не частные, а общие политические цели. Какие же? Восстановить тоталитарный строй? Нет. Они и по биографии, и по складу характера на это не способны и понимали, что это невозможно. Даже в брежневские времена они не хотели возвращаться. Их предел — отмотать ленту на 3—4 года назад, в 87-й год, когда, как они много раз говорили, «правильная» андроповская перестройка поехала «не туда» благодаря таким людям, как Яковлев, Шеварднадзе. Этих людей они отстранили от власти в своем Центре (то есть в узкой группе лиц, окружавших Горбачева, и формально даже не объединенной в Политбюро, в общем, в этом самом ГКЧП). Отлично. Но как повернуть дело реально? Как перевести стрелку на пути, по которому идет страна? Как вдавить пасту обратно в тюбик?

Здесь очень важный вопрос: возглавлял ли их Горбачев? Я думаю, что Горбачев создал у них полную иллюзию, что он их возглавляет и, из тактических соображений обеспечивая себе алиби, готов к ним присоединиться после реального успеха. Скорее всего так искренно думал и сам Горбачев.

В самом деле, Горбачев не мог, наконец, не видеть, каких гигантских успехов достигла перестройка с 87-го года. 18 августа 91-го года Президент СССР и Генсек ЦК КПСС отлично понимал: успехи таковы, что скоро не будет ни СССР, ни КПСС. С 87—88-го года он, сидя задом наперед и вцепившись в седло, несся на диком мустанге по имени «перестройка», куда — он и сам не знал. Только все сильнее подбрасывает, да ветви все больнее хлещут. Бац — на ходу отлетели литовская подкова, грузинское стремя. Еще пять минут этой бешеной скачки, которую он и не направляет, и боится,— и он, пожалуй, летит через голову лошади, да на всем скаку. Этого ему — при всех его демократических убеждениях — наверное, не хотелось...

И под давлением справа, и чтобы остановить «это наводящее ужас движение», Горбачев начал с конца 90-го года поднатягивать вожжи. Чувствуя это, Шеварднадзе и подал в отставку, предупреждал о готовящемся перевороте. Нет, Горбачев и его окружение думали не о перевороте, а о довольно крутом повороте в политике. Пожалуй, это можно было бы назвать если и переворотом, то уникальным — переворотом с целью сохранения существующего строя! Строя, который уже сам все быстрее переворачивался. А надо было падающую башню вновь выпрямить, вернуть в исходное состояние.

Рычаг для поворота вроде был — армия, гэбэ. Но нужна точка опоры — ясная цель. Цель же в 91-м году у Горбачева и горбачевцев могла быть еще более туманная, чем когда-либо раньше. Не точка, а беспомощное, гнилое, чавкающее болотной водой «многоточие опоры»... Кое-как подтянуть Союз, повысить ставки ВПК, продолжить медленную номенклатурную «приватную приватизацию», не допустить широкой приватизации, в связке «чиновник — кооператор» усилить позиции чиновников. Вот такие клочки и обрывочки, перемена акцентов, тональностей, не более того. А в общем-то великая пустота и растерянность. Кто же в такой обстановке идет на путч? Бред же! Верно. Но, как резонно заметил по другому поводу один герой Достоевского: «А коли не к кому, коли идти больше некуда! Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!» Вот примерно в таком положении я вижу Горбачева и горбачевцев 18 августа. Впереди — крах, провал в небытие всей системы, вне которой они себя все-таки не мыслят. Позади — гора трупов и реки крови, тоталитарный режим, который их все равно вытолкнет и перемелет. Выход?

Выхода, вообще говоря, нет. А в частности — остается попробовать задержать падающую монету в воздухе. Ничего себе задачка: подтащить оползень метров на 200 вверх и опять усесться в середину этого оползня! Но другой перспективы уже не было.

Главное противоречие в исполнении этой задачи вот в чем: для решения таких чисто политических, тактических в конце концов вопросов единственно пригодны политические медленные волнообразные движения. А эти движения уже никак не идут. Приходится избрать иной способ — хирургический. Но этого способа сами горе-заговорщики боятся как огня. Значит, не хирургический, а псевдохирургический, имитация хирургического. Уколоть — не дай Бог, до крови — и отойти. Война, как известно, есть продолжение политики другими средствами. Им пришлось пытаться решить квадратуру круга — вести псевдовойну, продолжая свою политику... имитацией других средств! Если угодно, это была агония самой «методологии» горбачевской перестройки — те же полушаги, только с использованием БТРов, та же манная каша пополам с киселем, только залитая в моторы танков. Собственно, такие точно приемы — с неизменным провалом — они уже использовали в Баку, Вильнюсе, да и в Москве 28 марта. Но, может быть, провалы связаны с локальным размахом операций? Значит, надо сделать то же в большем масштабе. Тем более что ничего другого все равно не придумаешь...

Итак, это — имитация путча. Только имитация не с целью проиграть, а с целью выиграть.

Общий план мне видится примерно таким.

Объявлено «чрезвычайное положение». Республики — кто мытьем, кто катаньем — смиряются, но ропщут. Проходит неделя. Из укрытия выходит Горбачев (Янаев говорил святую правду, что надеется с ним еще поработать), снимает «крайности» и окончательно примиряет хунту с миром. Впрочем, никакая это и не хунта — то же самое советское руководство, чуть-чуть укрепившее свои позиции. В общем, с грехом пополам вернулись-таки на пару лет назад и начали новый тур политической игры в «стабилизацию». Весьма вероятно, кстати, что создали бы чтото вроде современного Госсовета. Скажем, включили бы в ГКЧП лидеров республик. Так что это был бы тот же Госсовет, только, конечно, соотношение сил «республики — Центр» было бы совсем другим.

Таков был план членов ГКЧП. Они, конечно, понимали, что Горбачев, имея алиби, может — в случае неудачи — отойти от них, больше того, выступить против них. Но Горбачев им был нужен именно в таком качестве — как резерв на случай поражения, как арбитр в случае победы. Со своей стороны, и Горбачев понимал, что члены ГКЧП могут так «заиграться», что не захотят обратно подпускать его к пирогу, когда он вернется из форосского заключения. Но он им слишком нужен — для заграницы, да и для «левых» внутри страны, которые все-таки не смогут вести диалог напрямую с Янаевым. Так что риск был — и для Горбачева, и для ГКЧПистов, но такова уж политическая игра...

18 августа. Гонг. Начали. С Богом!..

ВСТРЕЧНЫЙ БОЙ

Все события у всех в памяти, и повторять их не стану. Если принять высказанную выше версию насчет целей заговорщиков, то все вроде бы (или почти все) становится на свои места.

Почему не арестовали Ельцина? А зачем? Чтобы точно не получить никакого компромисса с ним, да еще и спровоцировать забастовки, вообще начать гражданскую войну? Так что никакое это не упущение. Не арестовали — потому что незачем было.

Холостые танки, закрытие газет и т. д.— это была, конечно, демонстра-

ция силы. Члены ГКЧП были убеждены, что демократы крепко подожмут хвосты. Будут, конечно, ерепениться, ну проведут там свои митинги. А тут — идут переговоры с Ельциным и с другими лидерами республик. Напряжение нарастает, но вдруг появляется посвежевший и загоревший Горбачев, и все приходят к «консенсусу» в виде расширенного ГКЧП... Вот в эти заранее расставленные силки и гнали дичь 19-го числа.

Путч сорвал Ельцин! Он не принял такой игры, занял однозначную позицию: танки не «символические», а железные; хунта не «символическая», а настоящая; Горбачеву не алиби обеспечивают, а в тюрьме держат. С вами, друзья, переговоры будет вести не Президент России, а прокурор в Лефортовской тюрьме.

В какой мере Ельцин говорил, что думал, а в какой играл? Надеюсь, что отчасти играл — слишком страшно думать, что наш Президент такой уж никудышный политик, что режет всю правду-матку. Конечно, отчасти играл, предполагая подлинную закулисную механику путча, и вместе с тем рисковал головой, рисковал по-настоящему. Ведь с какими бы целями ни начался путч, дальше его участники могли, в новой ситуации, изменить стратегию. Ах, вы с нами, как с натуральным Пиночетом?! Ладно, раз вы так хотите... Мы с тобой, Б. Н., поговорим, как говаривал генерал Аугусто Пиночет, как говаривал маршал Берия! Шансов на это было не очень много? Возможно. Но ведь и жизней у Ельцина не так чтобы очень много...

19 августа, налетев лбом на Ельцина, ГКЧП заметался. Возможно, и впрямь обсуждались бредовые планы штурма «Белого дома». Но генералы уже трубили отбой, а главное... Главное — сценарий такого поворота не предусматривал. Они двинулись 19-го вперед, крепко держа ногу на тормозе. Сбросить ногу, дать «полный вперед!» — и прямо в гражданскую войну? Этого они не хотели и не могли. И предпочли капитуляцию перед не имеющим сил противником.

Но события 19—21-го имели и еще один смысл. Часто говорят, что эйфория обманчива — народ не забастовал, к «Белому дому» из всей 10-миллионной Москвы ходило тысяч 50—100. Во-первых, это чушь: забастовки по всей стране не вспыхивают за один день, а у «Белого дома» перебывало (я говорю о митингах, не только о ночных дежурствах) за эти дни миллиона полтора людей. А во-вторых, где же и когда революцию совершает большинство, арифметическое большинство населения? Арифметическое большинство всегда молчаливо, всегда принимает любую победившую власть. А вот кто именно победит — это как раз решает активное меньшинство. Оно, это активное меньшинство, создает не арифметическое, но моральное большинство, дает решающую моральную силу. Активное меньшинство четко поддержало Ельцина, пассивное большинство приняло (и не без радости!) его победу, а за ГКЧП не вступился вообще никто (хотя пассивно ГКЧП сочувствовало около 40% населения). Напрасно троцкисты в своих листовках вопили: где же рабочий класс?! Почему не придет вслед за танками расшвырять мелкобуржуазную сволочь, русских националистов, антикоммунистов, сгрудившихся вокруг «Белого дома»? Рабочий класс либо помалкивал, либо строил баррикады. Так что народ высказался «не числом, а уменьем». И высказался твердо.

Это и определило поведение Горбачева. «Освобожденный» Силаевым и Руцким (понимали ли они, какую радость приносят узнику форосского «замка Иф»?), он явно сменил заготовленный сценарий. Вместо планировавшегося «спуска на тормозах» он сперва гневно осудил заговорщиков, покусившихся на душевное здоровье его внучки (я, кстати, ничуть не иронизирую. Для нормального любящего деда это очень больно. Правда, глава страны вроде бы должен думать и о другом...), еще спасал КПСС и прежнее руководство Министерства обороны и КГБ. Однако уже на следующий день — поворот на 180 градусов! Горбачев распускает КПСС. Не могу не заметить, что даже если принять официальную версию о соратниках, предавших Президента, то им все же далеко до Генсека, росчерком пера ликвидировавшего ту партию, которая привела его к власти...

Но интересна не моральная оценка этого поступка (какая уж мораль в советской политике, с любой стороны!), а его причины. Дешевое детективное объяснение — «Ельцин, мол, держал Горбачева «на крючке» и пообещал выдать настоящую историю «форосского пленения» — я отвергаю. Мы не в фильме «Спрут», а в реальной истории (хотя три знаменитых самоубийства все-таки чертовски напоминают этот самый «Спрут», будь он неладен!). Я думаю, что причина капитуляции (а по сути-то дела, политического самоубийства) Горбачева была все-таки и проще, и серьезнее. Он ощутил новое соотношение сил, понял, что загнать джинна в бутылку уже невозможно, с многомиллионными толпами не справиться. Понял, что в этот момент: а) или эти толпы во главе с Ельциным опрокинут и его, вслед за ГКЧП; б) или он должен поговорить с народом куда более резко, чем это себе позволял злосчастный ГКЧП; в) или, наконец, ему остается сделать хорошую мину при чертовски плохой игре и изобразить свое тягчайшее поражение как победу.

СЕЗОН ПЕРЕВОРОТОВ ОТКРЫТ

Падение системы принесло много незамеченных открытий. Например, еще 18 августа даже самые отчаянные демократы в душе плохо себе представляли, что же это будет, если их лозунги вдруг сбудутся. Как это — без империи, без КПСС? Оказалось, очень даже просто.

Это напоминает рассказ об Атланте, который много лет держал Землю на каменных плечах, жутко устал, обозлился на людей, которые больше не верят в атлантов, а болтают какую-то чушь про «круглую» и «вращающуюся» Землю. Ах, так?! Ладно. Атлант выводит могучие плечи и, злорадно усмехаясь, уходит. И что же произошло? Вот это-то и есть самое удивительное! Ровным счетом ничего. Тот же эффект был, когда помер Атлант, державший на каменных плечах одну шестую часть суши,— папа Сталин. Все думали о его смерти как о каком-то конце света, а оказалось, что это всего-навсего 5 марта, за которым наступило 6-е.

Итак, Атлант исчез. Народ, который — если верить народным писателям — больше всего озабочен будущим Союза, судьбами страны и т. д., с поразительным равнодушием перенес исчезновение империи. Ни единой демонстрации, ни единого волнения. Поразительно! Растаяла империя, «как сон, как утренний туман», и все спокойны.

Чего же ждать в обозримом будущем?

Ни путч, ни антипутч не решили ни единой социально-экономической проблемы. Исчезновение КПСС, которого миллионы ждали как манны небесной, абсолютно никак не отразилось на их повседневной жизни.

Что же все-таки изменилось?

Те структуры (ЦК КПСС, армия, КГБ), которые стояли за ГКЧП, здорово надломлены. Больше они на путч не пойдут, хотя бы потому, что незачем.

Во-первых, восстановить империю и имперский Центр теперь уже окончательно невозможно — это все понимают. Конечно, раз «окраинных» республик нет, то в Москве легче идти на переворот — можно не бояться реакции республик. Но только ради чего идти на переворот?.. Во-вторых, отдельные люди, входившие в эти структуры, постараются (и очень успешно это делают) мигрировать в разные российские институты, так что их корыстные интересы соблюдены.

Это, однако, вовсе не значит, что путчи больше невозможны. Напротив, они очень вероятны.

Сейчас в игру вступают три основные социальные силы, действующие в России. Остатки старой и новая номенклатура; бизнесмены; люди наемного труда. Эти три группы будут разыгрывать великую битву за приватизацию, это советское «первоначальное накопление».

Номенклатура, понятно, теснейшим образом завязана на бизнесменов (и наоборот). Однако между различными кланами здесь неизбежны «схватки боевые, да, говорят, еще какие» — последний пример дает борьба К. Борового против Г. Попова. Кроме столкновений частных групп за место под солнцем, возможны и более общие конфликты — скажем, между бизнесменами, которые уже «схватили» властные структуры, и теми, кто находится вне их. Эти последние могут стать спонсорами соответствующих оппозиционных партий. Нормальная борьба, нормальное столкновение интересов. Но на фоне падающего производства и обнищания народа все это может провоцировать и соблазн использовать ситуацию — не разыгрывать политико-экономическую партию по правилам, а просто перевернуть доску, благо есть такая возможность... Итак, не ждите путчей «правых», но вполне возможны путчи различных групп «левых» дельцов и политиков друг против друга, с опорой на деклассированные элементы.

Второй источник возможных путчей — профессиональные авантюристы. Если группы, которые дерутся за куски пирога в процессе приватизации, хотя бы имеют некие «разумные» (корыстные, экономические) причины для путча и представляют, что они хотят делать «на следующий день», то авантюристы типа Жириновского или «памятников» действуют во многом вслепую, подгоняемые мощным инстинктом — не упустить свою рыбу в мутной воде, «использовать момент». Это особенно опасно. Не сдерживаемые ни малейшим чувством ответственности, они безудержно готовы нападать на власть, беспредельно врать, но если, на свое — и наше общее — несчастье, совершат некий путч и прорвутся на миг к власти, то тогда начнется такой развал, о котором 17—20-е годы не дают даже слабого представления.

Третий возможный путч — взрыв голодных масс. Ясно, что демократии удержаться невероятно трудно. Ведь в ближайшие годы предстоит систематически делать народу больно, а тот демократический правитель, который захочет «облегчить жизнь» своим подданным, только дополнительно запутает ситуацию.

Что касается перспектив этой зимы, то и здесь двойная ситуация. Паника — «голод, холод» провоцируют волнения народа, ажиотажный спрос подгоняет тот же голод. Но, с другой стороны, если люди уже подготовлены к «самому худшему», то даже сохранение того же (или почти того же) нищенского уровня жизни уже воспринимается чуть ли не как «достижение», что не только не приведет к волнениям, а скорее наоборот — еще и спровоцирует благодарность народа руководству, которое все-таки «спасло от смерти» зимой...

* * *

Что было 19—21 августа? Корабль, который семь лет волчком вертелся на месте, наконец-то был сорван мощной волной со старого, слабого якоря.

Куда ж нам плыть?..

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

Пока наша страна будет без крестьянства, она будет без рук. Нам дали свободу говорить и вроде бы свободу делать. Но без свободы инициативы сельское хозяйство не возродится.

И. ИЛОВАЙСКАЯ
Ташкент

Большевики принесли немало зла. Они уничтожили много церквей, храмов и других исторических зданий. Теперь «благодарные потомки» отвечают им тем же: сносят памятники, поставленные в их честь. Но я все-таки не понимаю, почему нашему народу всегда необходимо что-то ломать?

В. ПЯТКОВ
Орехово-Зуево

Моя мама рассказывала внуку о том, как хорошо было жить двадцать лет назад, как в магазинах все продавалось свободно, но, правда, она ничего не покупала, потому что у нее не было денег. И я подумал о том, что мы привыкли катиться вниз, и о том, что, глядя назад, принимаем край обрыва за вершины гор.

В. ВАСИЛЬЕВ
Москва

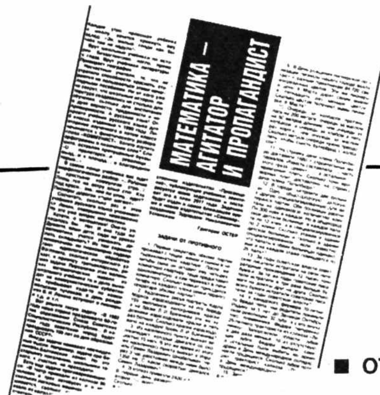
С детства я слушал сладкие сказки о мире, где все будут равны и смогут бесплатно брать в магазинах все, что им нужно. Не ловушка ли это для умов тех, кто хочет хорошо жить и ничего не делать?

М. КУЗИН
Калуга

Мы содержим самую большую в мире армию. Кому же она такая нужна? А нужна она прежде всего нашим бесчисленным генералам, которые главным образом нужны сами себе. И еще, как показали события августа, армия необходима путчистам для борьбы против своего народа.

Б. ГАВРИЛОВ
Санкт-Петербург

■ **ОТКЛИК**

Вновь «Огонек» заметками Г. Остера «Математика — агитатор и пропагандист» (№29, 1991) «обстрелял» школьные учебники, выпущенные «Просвещением». Правда, на этот раз, кроме чувства благодарности за справедливую критику, испытываю чувство недоумения...

Опять стрельба на поражение: «Врут школьные учебники по истории, беззастенчиво, нагло, прямо в глаза. Врут учебники литературы. Привирает география... Кстати, о математике! Она-то уж, казалось бы... Нет. И она туда же». И опять беспросветная тьма впереди (вплоть до «2917 года»!) и, увы, как раньше, непримиримое нежелание узнать, что изменилось или меняется после столь серьезных выпадов. Может быть, важнее ударить, чем помочь?

А ведь меняется, хотя, конечно, не так быстро, как порой хочется: и министерства образования перестают предписывать, что и как давать в учебниках, и авторы свободнее и естественнее начинают размышлять о своем предмете, и само издательство смелее берется за создание учебников, принимая на себя ответственность за их содержание. В последние два года вышло уже немало действительно новых или серьезно обновленных учебников и пособий, в том числе по литературе для начальной и средней школы, по истории, русскому языку. И, конечно, хочется узнать от «острых» людей, что и как получилось. Но нет, не замечают этого критики, «не поступаются принципами» и все стреляют, стреляют по излюбленным целям...

Школа, как говорил в свое время Януш Корчак, — очень тонкий и хрупкий организм: расстроить его можно быстро, а настроить сложно. Тут как нигде нужны время, терпение, забота, соучастие. Дело это общее, мирное, созидательное. Негоже разводить его участников по разные стороны баррикад.

Д. ЗУЕВ,
директор издательства «Просвещение»
Москва

■

Когда в присутствии великой русской поэтессы Анны Ахматовой случайные люди начинали рассуждать о событиях тридцатых годов, она, как вспоминали очевидцы, презрительно прищуривала глаза и протяжно говорила о том, что «их там не стояло». Это выражение очень актуально сегодня, когда полтора месяца спустя после переворота появляются оценки ночных событий людьми, «которых не стояло», их умозрительные аналитические обзоры. Это смешно и грустно.

Я — один из тех, «которых не стояло». Нас, увы, много, гораздо больше, чем должно было быть. Я не могу говорить от имени всех, не имею на это права, но многие мои знакомые, не попавшие к «Белому дому» в ночь с 20 на 21 августа, думают так же, как я. Нам стыдно. И, какими бы ни были причины, по которым нас не оказалось там, где мы должны были быть, там, где были наши друзья (кто-то не смог, кто-то испугался, кто-то решил, что будет там нужнее на следующий день, потому что не верилось, что все завершится так быстро), главным остается то, что нас там не было. Мы провели ужасную ночь у радиоприемников, содрогаясь от ужаса, гнева и бессилия. Многие рано утром поспешили туда, на Краснопресненскую набережную, другие готовились заступить в следующую ночь, но все это уже не объясняет и не оправдывает. Поэтому сейчас мы можем сказать только одно: «Простите». Простите за то, что нас не было рядом с вами.

М. ТРОСТНИКОВ
Москва

■

Рост числа верующих и сочувствующих церкви в нашей стране — реальность наших дней. Немногие люди ограничиваются абстрактной религиозностью, религией для себя. Подавляющее большинство идет под конкретные купола и к конкретным кафедрам. Появилась тенденция: вся Россия автоматически «записывается в православие». Мы часто видим беседы православных священников, слушаем православные песнопения.

Но мнение о том, что все верующие русские — православные,— заблуждение. Россия — страна многих вероисповеданий. Наряду с православными в России существуют католики, лютеране, реформаты, баптисты... Причем католицизм исповедуют не только поляки и литовцы. В 1917 году в России была обширная община русских католиков. К сегодняшнему дню самой большой группой русских протестантов является церковь евангельских христиан-баптистов.

Однако в результате репрессий русский католицизм практически прекратил свое существование. Во многих городах, в том числе и в нашей Твери, были закрыты, а затем взорваны прекрасные лютеранские кирхи. Но баптисты выжили. И сейчас официальные религоведы признают баптистов наиболее жизнеспособной и активной протестантской церковью в стране. Преследования, ничуть не меньшие, чем у православных, закалили баптистскую церковь.

В былые времена Тверь была одним из центров русского евангелизма. В 20-е годы здесь жил лидер русского евангелического движения И. С. Проханов. В Твери существовали евангелические трудовые коммуны — одна из специфических форм церковной организации. Но кто об этом знает сегодня? А ведь это тоже часть нашей истории и часть сегодняшней жизни.

В. ЛЕБЕДЕВ,
проповедник церкви евангельских христиан-баптистов
Тверь

■

За смутное пятилетие наше искалеченное сознание все же развилось до стадии естественного восприятия руководства страной. Восприятие это стало простым. Сыт, одет, свободен — хорошее руководство. Нет — плохое.

Несмотря на последние события, есть еще немало политиков, которые говорят о недопустимости чрезмерной имущественной дифференциации. Но бывает ли рынок без значительной дифференциации доходов? Или мы собираемся его строить на свой лад? Стоит ли вообще заниматься предпринимательством, если в самом начале пути тебе грозят подрезать крылья? С соседом-миллионером, выпускающим нужные товары для людей, я уж как-нибудь примирюсь. Но мне трудно примириться с тем, что у моего приятеля, талантливого хирурга и кандидата наук, порвались туфли, истлели последние носки, обтрепался костюм. Он звонит мне и сообщает, что ему не в чем идти на работу.

Навязывая нелепый груз «социалистической целесообразности», которая всех держит за ноги, руководство вело страну в непроходимую чащобу нищеты. Я опасаюсь, что создаваемый советский рынок будет просто извращен. Какой ненормальный займется предпринимательством, если государство вместо налогового инструмента держит в руках оружие экономического гангстеризма. Или события августа не показали, что деловые люди куда большие сторонники демократии, чем те, кто душил их налогами?

Но еще не вся разнищена Отчизна. Еще есть что украсть. Еще имеется часть забитых и охмуренных «хомо советикус», которые покорно несут свою голову на плаху нищеты. По-настоящему страшной приметой дня может стать кризис терпения законопослушного обывателя. «Бойтесь гнева терпеливого человека»,— предупреждал английский поэт.

В. ДОБКИН
Дзержинский Московской области

■

45 лет прошло со дня нашей Победы над немецким фашизмом. И с каждым днем у нас, фронтовиков, все сильнее болят раны, а от тяжких контузий мы все чаще падаем в обморок. Но врачи ВТЭК закрывают на это глаза и не приравнивают нас к инвалидам войны из-за отсутствия военно-медицинских справок из фронтового госпиталя. Подумайте, как нелепо и как жестоко! До справок ли нам было тогда! Мы сражались до последнего вздоха и не шли в санбаты, умирая на полях сражений, потому что Родине была нужна победа. Разве могли мы тогда предположить, что придется доказывать врачам ВТЭК то, что ты был ранен или контужен!

После перенесенной во фронтовом госпитале операции, после двух контузий, после двух послевоенных инфарктов меня сделали инвалидом труда второй группы. И как будто не было в моей жизни войны. Много лет я прошу о переосвидетельствовании меня на военную инвалидность. Даже слушать не желают, требуют только справку из фронтового госпиталя. Я хочу сказать на всю страну, что у большинства наших фронтовиков, израненных и контуженных, нет никаких справок, у них есть только победа и ноющие зарубцевавшиеся раны.

И. БЛАЖНОВ
Санкт-Петербург

■

Все попытки предать прах Ленина земле, начиная с выступлений Марка Захарова и Юрия Карякина и кончая победой в августовском кризисе, не сдвинули глыбы кровавого мрамора на Красной площади ни на шаг. Более того, возникло движение учеников, готовых, вероятно, пустить в расход, как любил их учитель, любого, кто попытается предать лжепророка земле. Воистину какое-то нечеловеческое извращение по отношению к усопшему!

Представьте, умер ваш отец или друг. По решению членов семьи из него сделали чучело, которое, как в анатомическом музее, открыто для всеобщего обозрения. А по праздникам близкие друзья и родственники забираются на крышку могильной плиты и, улыбаясь, болтая о разных делах, стоят на ней и весело машут руками проходящим мимо... Интересно, что должна испытывать ваша дочь или жена, которая в любое время может сходить в подвальчик и посмотреть на сделанное из вас чучело? Что должно при этом происходить в ее душе? Все это не укладывается в рамки цивилизованного поведения. И это одна из составляющих коммунистической морали! Если главную площадь страны превращают в элитное кладбище, то, по логике вещей, вся страна должна стать подступами к этому экстравагантному погосту. Большевики многое сделали, чтобы так оно и было. Но здравый смысл восторжествовал. Не пора ли довести дело до конца и поступить, как это издавна было на Руси,— похоронить их всех на кладбище, а не на площади. Это стало бы точкой в затяжной болезни нашей истерзанной страны.

Д. СВЯТОГОРОВ
Липецк

■

Путч провалился! Первые дни вселенской эйфории остались позади, но до сих пор мало кто задумывается над тем, что это мнимая победа. Миллионы тех, кто на разных уровнях повелевал судьбами людей, не исчезли по мановению волшебной палочки и ждут, стиснув зубы, момента, когда смогут взять реванш. Пусть многие из них лишились кабинетов, а кто-то попал за решетку. Их образ мыслей и их намерения остались прежними. Они вряд ли начнут партизанскую войну: для этого они слишком любят себя. Их надежда на реванш основана на другом. Они ждут, когда демократы совершат первую крупную ошибку. И не напрасно. Демократы — неоднородная масса. В стране, раздавленной семьюдесятью годами тоталитаризма, путь к процветанию — это путь проб и ошибок. И в отличие от их противников демократы разобщены и часто вступают в конфликты, пытаясь разными путями прийти к одному и тому же решению.

Предстоит трудная зима с дефицитом топлива и продуктов. Эмиссия «бывших» обесценила деньги до крайности, а это значит, что и государственные, и коммерческие цены будут расти. Не исключена и денежная реформа, которая в первую очередь отразится на тех, кому и так живется туго. И тогда многие с умилением вспомнят о брежневской водке и колбасе — «тогда в магазинах все было»!

Учитывая это, демократам нужна не только моральная поддержка и понимание, но и вполне конкретная помощь. Помощь всех, кто может дать стране шанс удержаться на плаву год-два, пока законы рынка не выравняют чаши весов. В этом положении надо просить у всех и брать все — у Запада, у Востока, у «третьего мира». Это не попрошайничество. Это борьба за лучшее завтра страны и живущих в ней людей, даже тех, кто не любит демократов.

В. ТИТОВ
Санкт-Петербург

ПОПРАВКА

В «Огоньке» № 25 неверно указана фамилия автора плаката, помещенного на обложке журнала. Автором является художник ПЕШКОВ Р. В. Приносим наши извинения автору и читателям.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

ВОПРОС НА ЗАСЫПКУ

«Понимаете ли вы, что сегодня вы совершили государственный переворот?» — эти слова Тани Малкиной, журналистки из «Независимой газеты», прозвучали как андерсеновское «Да ведь он голый!» И все вдруг увидели, что у «короля» дрожат руки и вовсе не королевский вид... Правда, «камергеры шли за ним, поддерживая мантию, которой не было», еще два дня. Но «все стали передавать друг другу слова ребенка»...

Вопрос Тани, заданный на пресс-конференции в первый день переворота самозванному президенту, обозначил для миллионов людей суть происходящего. В тот день она стала знаменитой.

Таня МАЛКИНА: 19 августа — мой день рождения. Мама встала в шесть утра, чтобы приготовить огромное количество еды — везти в редакцию, отмечать. У нас все отделы в одной большой конюшне, бывшем цехе фабрики «Восход». Мы друг друга безумно любим. Я решила накормить сразу всех. Вдруг мама меня будит: «Таня, вставай, там такое по радио говорят...» Я спросонья злюсь: «Мама, ну как не стыдно, хоть раз в год дай поспать». Она включает радио на полную громкость. И вот представьте, сидит в кровати такой ангельский именинник и страшно ругается. При матери родной. Пришлось будить сослуживцев, препираться, кто разбудит главного...

Но ведь угощение-то никто не отменял. Возбужденные коллеги встретили яства громом оваций. В редакции Таня первым делом стала звонить помощнику Янаева...

Таня МАЛКИНА: Последние два месяца мы в «Независимой газете» частенько выстраивали версии подобного переворота. Думали, гадали, кто кем станет. Я большая любительница одиозных фигур. И мы договорились в отделе еще тогда, что Геннадий Иванович — мой...

Почти все лето Таня активнейшим образом добивалась встречи с вице-президентом. Помощник, Владимир Николаевич, был сама любезность и обещал, что уж если Геннадий Иванович и даст какому-нибудь изданию интервью, то только «НГ»... Потом доверительно сообщал: мол, только не сейчас. У Янаева посол... Мавритании, Танзании... Перечень государственных дел Геннадия Ивановича был бесконечен (может, к перевороту готовились?). Таня два раза в неделю пунктуально названивала Владимиру Николаевичу, он ее уже стал узнавать.

Таня МАЛКИНА: Периодически я озверевала и говорила: «Послушайте, Геннадия Ивановича пресса, что ли, балует? Неужели полчаса найти трудно?» — «Что вы, Танечка, для вашей газеты полчаса мало, нужен серьезный разговор». В конце концов редактор мне сказал: «Да ладно, брось ты его. Кому он нужен, этот Гена!» А тут и ГКЧП подоспело.

Звоню 19-го. «Владимир Николаевич, вы же должник мой. Все так здорово, так чудесно изменилось. Так интересно стало, Геннадий-то Иванович теперь и вовсе президент...»

Он, как повелось, ласково так отвечает, что у Янаева много дел, он страшно занят. И просит перезвонить через час. Звоню через час. Владимир Николаевич стал суров. Сказал, что сегодня с интервью ничего не получится, но в пять часов будет пресс-конференция. И ни слова не обронил про разовые спецпропуска и что пройти туда — дело безнадежное.

На пресс-конференцию Таня поехала с коллегой. В дверях дикая давка, охрана и проход только по «пулу». Журналисты — народ привычный к неожиданностям, и после долгих препирательств с охранниками коллега оказался внутри и из-за спин стражей передал Тане чей-то пропуск.

Таня МАЛКИНА: А там еще двойной контроль. Рамки перед входом в зал, где опять нужно предъявлять пропуск. Снова пришлось изворачиваться и проходить по одному «пулу» вдвоем. Шмональщик почти держал в руках мой газовый баллончик, прикрытый носовым платком. Но не понял, что это. Ой, говорю, это мои женские мелочи, и давай со страху перечислять все виды косметики. В общем, проскочили...

На пресс-конференции хотелось встать, сделать тупое такое лицо и серьезно сказать: «Геннадий Иванович! Вы знаете, у меня сегодня день рождения. Вот в 68-м году в эти дни в Чехословакию ввели войска, но мне всего год был, а вот сегодня вы мне такой подарок сделали. Это такой класс! Спасибо!» И по возможности прослезиться... Мы чуть не опоздали, вошли одновременно с этими... руководителями. И что-то у меня вдруг жутко испортилось настроение. Ну такие козлы... И не то чтобы негодяи, преступники, нет, просто паноптикум... Батюшки, матушки, думаю, они же за пределами разумного, а раз это иррационально, значит, возможно, и укоренится. Знаете, они заставили меня испытать такое чувство бешенства, ну просто задушить их хотелось... А тут еще журналисты задают какие-то вялые вопросы. Несчастного Игнатенко всегда так и тюкают, а тут сидят красавцы — и ни гугу... Все зарубежники как будто спали... Единственный серьезный вопрос журналист из «Стампы» задал. Но такие вопросы не для этих горе-правителей.

После пресс-конференции Таню стали узнавать на улице, в метро. Реагировали по-разному. Так, в редакцию позвонила телезрительница, требовала главного редактора и очень возмущалась поведением Тани на пресс-конференции. Почему-то больше всего ей не понравилось платье. Потом какой-то юноша стихи прислал... Там тоже про платье было.

Это платье в молодости носила Танина мама. Оно считалось праздничным, и Таня надевала его, если с вечера решала: «Завтра буду барышней». Вот и девятнадцатого была в нем: день рождения все-таки... А обычная-то форма одежды — джинсы и свитер.

Таня МАЛКИНА: Я не хочу остаться в памяти сограждан героиней одного вопроса. Любой журналист из «НГ» задал бы подобный вопрос. На пресс-конференции был чисто эмоциональный момент, ведь мы уже с утра понимали, что все это — мыльная опера и кто-то двигает декорации.

В «НГ» Малкина всего полгода. После журфака, в 1989 году, пыталась вместе с однокурсниками сделать свою газету «Вести». Но шестеро выпускников журфака так и не смогли справиться с трудностями нулевого цикла. Потом год работала в «Московских новостях».

Таня МАЛКИНА: Я до сих пор потрясена тем, что Третьяков взял меня в «НГ» на корреспондентскую должность. Сначала не могла решиться, и тогда он сказал: «Таня, вы не первое перо в этой стране, и если вы подумаете еще некоторое время, я не предложу вам даже место уборщицы...» В «НГ» у меня был месяц такой паники... Ночами просыпалась от ужаса, что ничего не умею. У нас в редакции удивительный климат любви и нежности, наверное, паника прошла из-за этого. За каждым корреспондентом закреплен определенный участок, я вот ведаю Москвой. Мы учреждены Моссоветом, но находимся в крайне напряженных отношениях с учредителем. Тут и я свою лепту внесла. Меня считают экстремисткой. Редактор читает и говорит: «Таня, давай то же самое, но как-нибудь величаво». Я очень люблю, когда меня правят. У нас нет никакой цензуры. Третьяков иногда читает какие-то суперважные вещи, но не по цензурным соображениям.

После того как ГКЧП арестовали, Таня стала добиваться встречи с Геннадием Ивановичем. Этой идеей прониклись все. Главный редактор сделал все, что мог, и ему удалось договориться с прокурором. И Янаев наконец согласился встретиться с журналисткой из «НГ». На сей раз встреча не состоялась по каким-то высшим соображениям властей.

Таня МАЛКИНА: Геннадия Ивановича ужасно жалко. Ясно же, что он никакой не организатор, не глава хунты. Он ведь пешка, может быть, сшантажированный, скомпрометированный... Я всегда считала, что он такой... лопух. Ужасно раздражает создание какого-то официального мифа «о главаре путчистов». Он же типичный комсомольский деятель. Да еще из КМО... Сейчас главное — узнать, что же это такое было на самом деле. Мне кажется, их должен судить суд присяжных. Они непрофессионалы, они граждане. Пусть это будет независимый гражданский суд. Может быть, Геннадия Ивановича признают невиновным, дадут ему пенсию...

Среди тех, кто не дал развернуться информационной блокаде, было много молодых журналистов. Большинству сотрудников газеты «Россия» — не больше тридцати, все они в дни переворота не покидали «Белый дом», выпустили более сорока листовок. Таня Волошина, 27 лет, мама четырехлетней Саши, и Лена Москалева, 22 лет, у нее двое детей, провели в редакции «России», на пятом этаже «Белого дома», три дня и три ночи... «Эхо Москвы» не прекращало работы ни на один час, даже лишившись эфира. Демократические издания выпустили «Общую газету».

Вопрос, подобный Таниному, мог задать любой из молодых, не приученных к эзопову языку, к кукишам в кармане. Им не пришлось бороться с самоцензурой, подобно старшим коллегам. Они, похоже, и не знают, что такое Главлит. Эти журналисты воспитывались не на Праге шестьдесят восьмого, а на Прибалтике...

У нас появляется действительно независимая пресса.

А 24 августа состоялась встреча Межрегиональной депутатской группы с правительством России. Говорили о путче. И вдруг разговор взвинтился до крика. Уважаемые люди, кумиры демократов, яростно требовали расправы с политическими врагами.

Таня МАЛКИНА: Мне стало так стыдно. Снова требовать крови? Это же людоедство...

Она сказала это вслух. Громко. И ее услышали. И потребовали вывести.

Не просто быть независимым в нашей стране.

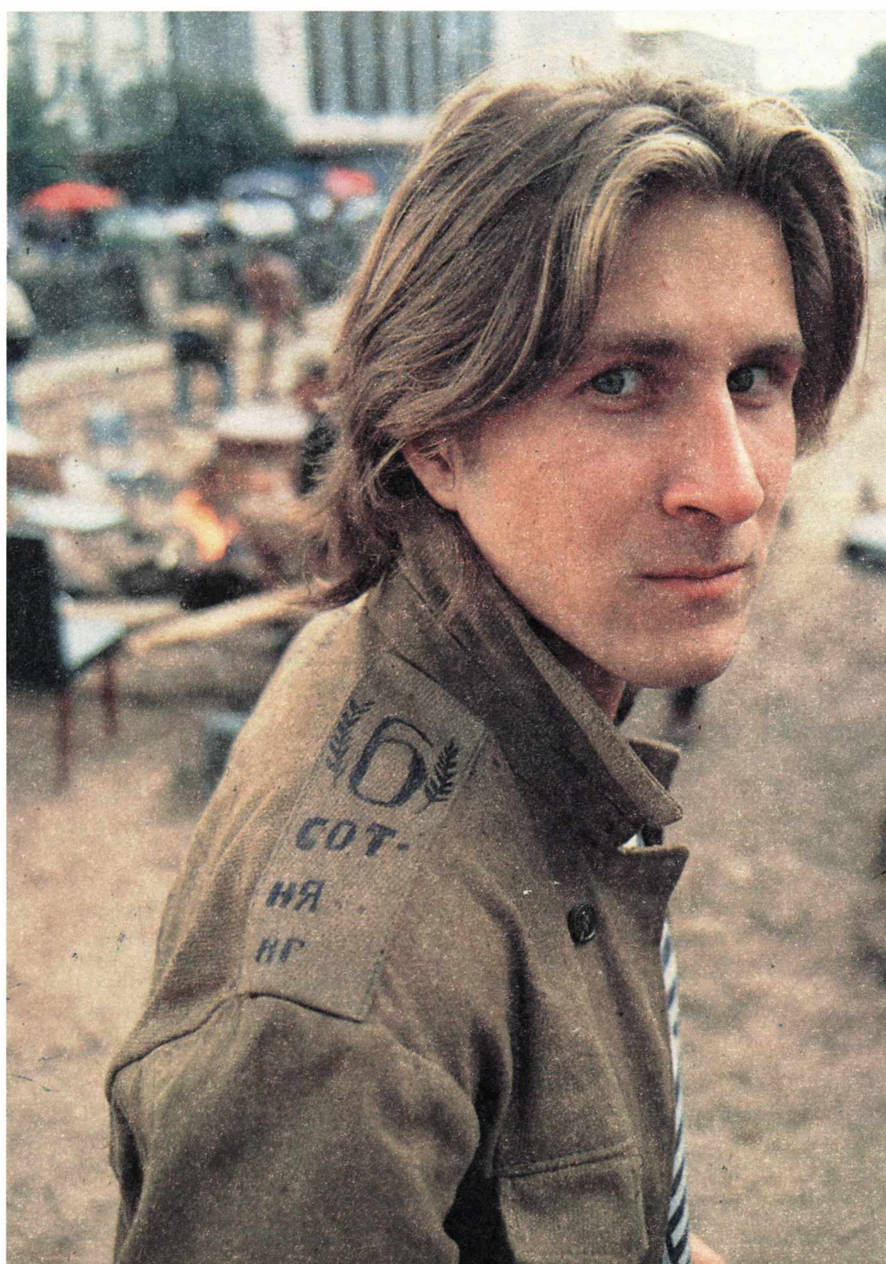
Ася КОЛОДИЖНЕР

На вкладке фото Марка ШТЕЙНБОКА

**Татьяна МАЛКИНА,
24 года, работает в «Независимой газете»:
«...вы совершили государственный
переворот».**

6
СОТ-
НЯ
НГ

ЧТО ВСПОМИНАЮ...

Я стоял там во время митинга. У меня текли слезы оттого, что за 45 лет своей жизни я впервые ощутил себя русским в России.

Я молилась.

Никогда прежде не ощущал такого возбуждения. Потом оно сменилось жуткой депрессией. Никогда я так не уставал.

Я была там счастлива. Там я была с любимым человеком. И именно там, в этой экстремальной обстановке, разрешились все мои личные проблемы.

Я вспоминаю бесконечный дождь, и некуда приткнуться, и тягостное ощущение неопределенности, неясности того, что будет с нами, и лица, лица...

Сергей БРАТЧИКОВ, 32 года, работает в фирме «Интерброк»: «Серег, рискни погонами-то...»

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Утром 22 августа к нам в редакцию пришел молодой человек с пачкой фотографий и стал рассказывать, где, как и кого он снимал в дни путча. К сожалению, фотографии оказались низкого качества, но рассказ показался нам интересным, и не как достоверный документ тех трагических событий (слишком уж он субъективен, да и как тогда можно было быть объективным), а как любопытный пример пробуждения гражданской активности человека, благополучного во всех отношениях.

Мы включили диктофон, и получилась хроника трех дней жизни одного из многих тысяч москвичей, что в дождь и холод ушли из теплых, уютных домов, от жен и детей к «Белому дому» защищать Россию и свое человеческое достоинство.

Алла ЦЕНИНА, Сергей ФИЛИППОВ

ЧЕЛОВЕК ИЗ ТОЛПЫ

В понедельник, 19-го, я шел по мосту от «Украины» к «Белому дому». Все там было как-то зыбко. Людей мало. Расклеены воззвания. Люди возводили баррикады. Видно было, что это они сами, без приказа. Какие-то машины разворачивали. На мосту стояла колонна войск, люди разговаривали с солдатами. Я так понял: уговорили, сагитировали. Колонна развернулась и начала уходить в сторону Кутузовского проспекта. Я подумал: что же мне-то делать?

Справа, на спуске к набережной, стояли четыре танка, первый танк № 104. Там сидел майор. Фамилия его была Евдокимов, Сергей Владимирович. Он сказал, что это Таманская дивизия. Мы с ним очень близко сошлись. Еще и тезками оказались не только по имени, но и по отчеству. Четыре часа я вокруг него крутился. Отходил, возвращался. И каждый раз начинал все о том же: как же это ты, Сергей Владимирович, идешь против Президента России, которого за всю историю впервые избрали всенародным голосованием? Как ты можешь быть против? Он говорит: «Я не против, но у меня приказ. Обещаю: народ давить не буду, стрелять не буду. У меня и боекомплекта-то нет. Но уехать не могу. Приказ».

Я ему говорю: «Серег, рискни погонами своими, погонами-то рискни. Подумаешь, снимут погоны с тебя! Ты посмотри, кругом же история происходит, ну... творится. Войдешь в историю. Погибнешь вместе со всеми или героем выйдешь». Согласился. А я побежал в «Белый дом» и стал кричать, что там танки, готовые перейти на нашу сторону. Надо идти за ними. А тут идет депутат, фамилии не знаю. Я его быстро сфотографировал и спрашиваю: «Как вы собираетесь себя защищать?» Он говорит: «А вот москвичи собираются, вон там с автоматами стоят милиционеры, из «Алекса» ребята охраняют». Я говорю: «Но это ж несерьезно. Техники же нет». «Что,— говорит,— ты предлагаешь?» Я говорю: «Если я получаю от вас добро, то сейчас танки приведу». Ему это понравилось, он сказал, что это надо обсудить, и повел меня к подполковнику Юшенкову, тоже депутату. Я ему объяснил идею. Ему тоже очень понравилось. Идем к Руцкому. Наконец, майор Евдокимов получил личный приказ Ельцина, и танки подошли к «Белому дому».

Тут Президент начал раздавать депутатам мандаты о чрезвычайных полномочиях, подписанные, с печатью. Я к одному из них подхожу, спрашиваю: «Помочь не надо?» Он говорит: «Надо. Есть у тебя группа?» Я говорю: «Да вон за окном тысячи». Он говорит: «Тысячи не надо, мне бы человек пятьдесят, чтобы поехать на «Эхо Москвы»,— радиостанция замолчала». Я вышел на улицу, и первыми мне попались чеченцы, которые пришли защищать Хасбулатова. Ну, и Ельцина в том числе. (Я к ним раньше не очень хорошо относился, но в тот момент они мне очень понравились.) Я их отобрал пятьдесят человек. Говорю: «Стойте здесь, сейчас приду». И мы с депутатом, фамилию не помню, но я его сфотографировал, взяли ребят и вышли в район зоопарка, на Красную Пресню. Депутат тут несколько озадачился, говорит: «А как же мы добираться-то будем?» Я ему говорю: «Так у вас же мандат, подписанный Президентом. Вы голову не ломайте. Вы нам приказывайте». Он засмеялся, говорит: «Приказываю: достать транспорт!» Мы перекрыли дорогу и остановили рейсовый автобус. Депутат предъявил водителю мандат. Но водитель сказал: «Я на работе, и пошли вы отсюда туда и сюда». Это говорит о том, что у нас темные люди в Союзе. Может, он был и не против, но почему-то не понимал именно вот этого текущего момента. Депутат говорит: «Я приказываю!» И мы сразу взяли его тогда за руки, за ноги и вынесли из кабины. Он только сумочку свою прихватил на ходу и убежал. Я сел за руль. Поехали. Я ребятам сказал в микрофон: «Будьте внимательны, веду автобус второй раз в жизни».

У Моссовета состыковались с другими депутатами. Я погасил в салоне свет, и нас никто даже не задержал. А ведь мы на самую Красную площадь выехали. На радиостанцию нас не сразу пустили. Пришлось дверь вышибить. Милиция, которая охраняла «Эхо Москвы», сначала сопротивлялась, но когда увидела мандат, подписанный Ельциным, сразу успокоилась. Мы заняли посты в холле у вахтера. А тем временем депутаты связались с министром связи и где-то через полчаса получили согласие, чтобы радиостанция работала в прямом эфире. После этого я вернулся в «Белый дом».

Там уже все организовалось. Формировались группы из добровольцев. На ксероксе размножали листовки, я вместе с другими разбрасывал их с балкона и тут вспомнил, что моя машина около «Украины» простаивает. Говорю: «Давайте я эти листовки развезу по ближайшим воинским частям». Взял большую пачку и поехал. Всюду разговаривал с командирами, разъяснял ситуацию. И все равно у меня еще целая пачка листовок осталась. Тогда я стал клеить их на стены. Но меня забрала милиция. Я им все объяснил. Они меня отпустили, но сказали: «Больше не клей, а то снова заберут и могут уже не выпустить». Поспать в эту ночь пришлось очень мало, два или три часа.

На следующий день я снова пришел в «Белый дом», но войти туда не смог: ввели строгую пропускную систему. Ладно, решил, буду делать что-нибудь на улице. Постоял, подумал и организовал небольшую группу: Пинаев Валерий Борисович, Зубков Юрий Дмитриевич, там еще у меня записаны некоторые люди. Они были со мной почти неотлучно. И вот в районе семи часов вечера 20-го числа обходили большими кругами подступы к «Белому дому» — вокруг него появились уже мощные баррикады.

У американского посольства перед туннелем на Садовом кольце Валера говорит: «Смотри, Сереж. Здесь нет ни одной баррикады, одни черные «Волги» эмпээсовские поперек движения стоят. Если сейчас пойдут танки, то эти машины тут же разъедутся и пропустят их». Осознав опасность, рванули к «Белому дому». Я объяснил людям, что происходит. Тут же все закричали, и мы, прихватив человек двести, пошли на Садовое строить баррикаду. Шел сильный дождь, мы промокли до нитки. Садовое кольцо широкое, а нас не так-то много. Черные «Волги» как-то незаметно все исчезли. Мы так торопились, что ничего не замечали. Помню, подлетел вдруг водитель на «хлебовозке» и сказал нам, что со стороны Павелецкого вокзала идут танки. Несколько человек побежали к «Белому дому» за подкреплением. У нас уже просто руки тряслись: не успеем. Мы стали просто останавливать машины.

Тех, кто не хотел оставлять машину, мы просто выкидывали силой и разворачивали машины в баррикаду. Развернули КамАЗ, два «Икаруса» интуристовских, ЗИЛ бортовой длинный. Подошла колонна мойщиков, ЗИЛы с бочками, и остановилась в сторонке. Какая-то пауза. И тут пошли танки.

Две или три тысячи народу взялись за руки. Шеренга получилась во всю ширину Садового кольца, и не в одну цепочку, а плотная такая. Танки шли колонной. Дошли до толпы и остановились. Тут женщины побежали вперед к танкам, крича: «Остановитесь!» Автоматчики вдруг начали стрелять. Тут я плохо стал помнить, какой-то порыв с нами случился непонятный, и человек около 150 бросились к танкам: «Что же вы делаете!» Я не помню точно, что я делал, и матом ругался, и водителя, который вылез перед башней, схватил за автомат. Но быстро пришел в себя, когда получил очередь в подмышку. Это меня сразу остудило. Я спрыгнул, кинулся в сторону. Толпа тоже в стороны. Кто-то начал кричать: «Всем в шеренгу, назад». А солдаты на танках стреляли и стреляли в воздух. Но мы уже обратно в цепь оттянулись, взялись за руки, и в этот момент танки пошли на людей.

И я, и многие другие чудом выскакивали из-под траков танков. Мы ведь до конца стояли, надеялись, что они остановятся. Гуськом, толкая друг друга, эта вереница танков как тараном пробила наш заслон. И пошла под мост крушить баррикаду из троллейбусов. Эх, думаю, задержать бы их там. И тут водители поливалок-ЗИЛов, которые в стороне стояли, подогнали свои машины к туннелю и заблокировали проем. Танкетки уже таранили троллейбусы. Скаты у них были спущены. Один троллейбус все-таки лег под танком, тот его начал мять, даже чуть на крышу не въехал, но сдвинуть не смог. Две машины ушло на одну сторону, одна пыталась пробиться через забор с левой стороны и завязла. Там люди сразу набежали справа, слева. Одна машина все-таки прорубилась через один-два троллейбуса и застряла в центре. Но вот эта, что чуть не переехала троллейбус, у нее номер 536, стала давить людей, и появились жертвы. Но мы уже сообразили, что стреляют вверх, а не по людям, поэтому многие горячие головы спрыгнули сверху к танкам. Мне очень понравился мужчина лет около сорока пяти, он был с рупором. Это чисто его заслуга, что две танкетки остановились. Все люди прятались, а он стоял на парапете, открыто под дулами автоматов и кричал: стреляйте в меня, у меня такие же дети, как вы, стреляйте, не бойтесь, здесь все мы безоружные. А 536-й в этот момент на другой стороне крушил троллейбусы, стрелял, давил людей. Один паренек вскрыл заднюю дверь, пытался проникнуть к экипажу для переговоров, за что и получил пулю в лоб. Танк таскал его минут пять туда-сюда. Кто-то пытался вытащить тело, вставлял в трак бревна, пруты. Его, по-моему, тоже зацепило и раздавило. С той стороны тоже закричала женщина, ее задавило.

Очень мне понравился водитель МАЗа с краном. Очень смелый человек — со всего хода он врубился в этот троллейбус, который танк было отодвинул, и передвинул его обратно, задылывая проход. И так несколько раз. Люди внизу уже просто озверели: как же так, их убивают, а они не могут ничего сделать. Конечно, мужики начали тут что-то предпринимать: ломать заборы, бросать в танки камни, прутья, бутылки с бензином. В основном, конечно, в 536-й. Он вспыхнул и продолжал метаться. Мужики на него брезент набросили, кто-то даже на нем сидел. По-моему, этот парень, который сидел на брезенте, погиб потом.

Запомнился мне майор, который бегал вокруг нас и заботился о людях. Когда танк загорелся, он закричал, что там может быть боекомплект и он может взорваться, и тогда многие погибнут. Потом оказалось, он был прав. Там был полный боекомплект. И даже один снаряд был загнан в ствол. Экипаж выскочил, перебрался в другие машины. А мы тушили этот их танк. Их майор, здоровый такой, выхватил у солдата автомат, дал несколько очередей, пробился через толпу и ушел, побежал куда-то в район Кремля.

Танки, которые сразу остановились, отошли под эстакаду, чтобы в них не летели бензин и камни. Солдаты держали автоматы на изготовку. Они, как волчата, чувствуют, что натворили черт-те что и отступать им некуда. И если б народ пошел на них дальше — а многие, увидев погибших, кричали: «Смерть им!» — жертв было бы гораздо больше. И майор, который нас предупреждал, стал уговаривать людей, успокаивать. Там и депутаты уже появились. Начались переговоры о сдаче. И ребята вышли, надели береты, оказались они при медалях, при орденах и строем ушли. И возраст у них был не молодой, старше 20 лет.

Я не помню, как эта ночь закончилась. Часов в 7 утра я лег спать, а в районе 12 был снова у «Белого дома». Кто-то чего-то опять говорил. И я почувствовал, что это почти победа.

СОЛДАТЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

С 1980 года в колониях страны начал появляться невиданный со времен «солженицынского периода» контингент — фронтовики. На первых «афганцев» смотрели как на экзотику, но постепенно привыкли, ибо их становилось все больше и больше и в итоге стало МНОГО. В те времена безгласности, когда страна основывала свое представление об афганской войне на глухих слухах и лубочных сообщениях прессы, в колониях знали правду, так как в те годы самым правдивым и свободным местом в стране была Тюрьма. З/к знали о «Черном тюльпане» и обо всем, что ему предшествовало, ибо фронтовики к тому времени уже шли в места лишения свободы густо и уверенно. Награжденные и без наград, здоровые и контуженные, они пришли в колонии разными путями, за разные преступления. Их дороги вытекали, разбегаясь в разные стороны, из одного пункта — Война и вновь сходились, сливались в другом пункте — Колония...

Так уж получилось, что между «афганцами» и родной землей возникла легкая дисгармония, взаимная неприязнь. Они ходили по этой земле и с недоумением обнаруживали, что родная земля скучновата и в высшей мере равнодушна к ним. Их глаза видели родных, друзей, любимых, но это уже были не те глаза, да и сами «афганцы» уже были не те люди. Они уже видели кровь, много крови и пришли к убеждению, что жизнь человека, в сущности, пустяк. «Человек — это кусок мяса, который болит, кричит и воняет, когда его ткнешь железом»,— говорил бывший «афганец», мой знакомый по лагерю, Сергей, по кличке «Контра», которого осудили за политическую акцию, направленную против засилья бюрократов в нашей стране. Руки «афганцев» уже почувствовали податливость человеческой плоти, когда в нее погружается штык-нож, а ноздри уже знали, как противен впервые и возбуждающ впоследствии запах свежей, еще пульсирующей жизнью человеческой крови...

«Афганцы» в местах лишения свободы выделялись среди остальных. Большинство из них были осуждены за страшные преступления, и тем не менее в каждом (почти в каждом!) можно было угадать истоки того, что эти пре-

ступления исключало когда-то. Почти во всех з/к «афганцах» присутствовал психологический парадокс. Он труднообъясним. Здоровые и привыкшие быть нравственно здоровыми молодые люди, чаще всего выросшие в любящей, простой семье с милыми, трогательными традициями и представлениями о порядке жизни, вдруг с полным недоумением обнаружили в себе страшную и сладкую, как наркотик, болезнь — тягу к преступлению. Обычные уголовники «естественные», и путь их в колонию, несмотря на жестокость этой формулировки, также «естествен». Этого нельзя сказать об «афганцах». Впрочем, у нас в стране почти все дороги могут привести в тюрьму. «Одни придут сюда путями подвига, другие — путями славы и богатства, третьи —путями усталости, четвертые — путями порока, и этими путями сюда придут все» — такую надпись предложил повесить перед входом в тюрьму бывший «афганец» Ст-ов, осужденный по полному «джентльменскому набору» войны: убийство без видимой причины, с признаками особой жестокости, в состоянии наркотического опьянения. Солидная газета поместила в свое время статью о награждении Ст-ова орденом Ленина, но, конечно, потом не сообщила о его уходе в мир тюрем на пятнадцать лет...

Самыми первыми в камере заболевают туберкулезом спортсмены, некурящие, крепкие и здоровые молодые люди. Наркоманы, страстные курильщики и другие прожигатели жизни, как правило, избегают этой участи. Яд тюрьмы в первую очередь разит здоровых людей, а для остальных это и не яд вовсе, а естественная среда. Так и клопы в камере кусают только чистое, с воли, тело, пропитайся тюрьмой — и клопы потеряют интерес к тебе. «Афганцы», попадая в колонии, гибли для общества сразу же и навсегда, как будто срезанные автоматной очередью.

Статьи Уголовного кодекса РСФСР 224, 218, 102, наркотики, оружие, прямое убийство, снимают наиболее обильную жатву с «ограниченного контингента советских войск в Афганистане». «Афганец»-убийца, как правило, совершает свое преступление с гораздо большей жестокостью, чем обычный убийца, но чувство негодования по отношению к нему стыдливо прячется, ибо в этом негодовании далеко не все нравственно. У «афганцев» были другие мотивы для убийства; в них полыхала и убивала других война, она не кончилась для них. Ветераны Вьетнама в Америке не забыли, воюют свою несправедливую войну, и не забудут свою войну наши парни. Она везде берет плату. «Если ты убивал часто, то в итоге это хочется делать всегда. Желание убивать всегда скрываемо, и оно всегда слаще всего. Слаще, чем любовь к женщине»,— говорил мне, видимо, зная толк в этом, «афганец» Петраков. Он учился на филфаке престижного университета и впитал там верность принципам. Настоял на призыве в армию, был направлен в Афганистан. Воевал, получил орден, вернулся с войны и попал в тюрьму на тринадцать лет. Сбросил с балкона седьмого этажа, пьяный, своего соседа, проводив его к земле словами: «Я тебе тысячу раз говорил: не включай ночью на всю громкость магнитофон».

Для таких, как он, прошедших мясорубку войны, слово и действие «убить» — пустяк, которым в принципе можно и не заниматься. Видимо, поэтому не все из них попадают в убийцы?..

* *.*

Он был подсохший, костлявый. Если бы еще раз (все, все возможно!) набирали для «выполнения интернационального долга» (прелесть, а не формулировка), так его бы, пожалуй, и не взяли. Куда такого? Высокий, до изумления худой, бледное лицо и впалые щеки. С Афгана привез орден Красной Звезды, а после него, в Союзе, получил пятнадцать лет лишения свободы с отбыванием первых десяти лет на тюремном режиме. В своей родной Чувашии, в колхозе «Заветы Ильича», убил двоих, бригадира и его сына. Такого преступления за всю историю не видела округа. Вся его родня, довольно многочисленная, в глазах селян стала носительницей порченности. Звали его Сергей, кличку в тюрьме дали «Садист». Тюрьма не любит автоматчиков, не любит она и убийц, убивающих «без надобности», орденоносцев презирает, называя их «овчарками», так что Сергей в тюрьме тихий стал и даже угодливый... Ну, убил он бригадира и его сына. А что он, в самом-то деле, бригадир этот, раздражает и хамит? Сергей охотился на зайцев далеко за селом и, уже возвращаясь домой, подошел к теплицам и прошелся по камышовым матам, которыми эти теплицы накрывают. Откуда ни возьмись — бригадир, и сразу же, по привычке, орать начинает: «Куда, придурок, по матам прешь?! Штраф, гад, заплатишь!» А вокруг тишина, настоянная на белом снеге, рядом река, спрятанная под лед, и все это нарушает орущий на Сергея бригадир. В общем, «Садист» психанул и застрелил бригадира выстрелом в упор. А в это время сын бригадира из сторожки выскакивает. Сергей и его со злости застрелил со словами: «Чего выскочил?» Он связал им веревкой ноги — и под лед, в прорубь бросил; веревка была длинная, и он ее привязал к дереву, чтобы трупы не унесло течением реки. Пошел в село, погулял на дне рождения у одноклассника. Вечером, взяв дома санки, вернулся к проруби и вытащил из нее, по его определению, «живцов». Положил трупы на санки, крепко привязал их и отвез в район, восемь километров, прямо в милицию, пробурчав: «Вот привез, забирайте»... Ну и что здесь зверского для Сергея? Он и под танки был вынужден людей

Фото В. ЗАПОРОЖЧЕНКО и А. ДОЛМАТОВА

бросать, и прикладом бить приходилось так, что «мозги на гимнастерку прыгали». Он был хорошим солдатом, орден дали, письмо благодарственное родители получили и фото в нем — Сергей возле знамени...

* * *

Пишу и робею, уж больно обнажен этот нерв общества.

Прошедшие Афганистан разошлись в основном в четыре стороны. Одна колонна ушла в небо, другая заполнила госпитали, уселась в инвалидные коляски, взяла в руки приклады костылей, протянула руки за подаянием в переходах метро и понуро расположилась в благотворительных комитетах. Третья колонна ушла в спецназ, ОМОН, рэкет и другие аналоги этих образований, а четвертая — ушла в страну тюрем и колоний. Немногие избежали этих ипостасей судьбы. Деклассированные герои-интернационалисты — шутка пророчества, шалость Закона взаимосвязи...

* * *

При выезде из Джелалабада, в местечке Самархели, был убит Витька Ботырев выстрелом из окна небольшого магазинчика. В кабине грузовика было четыре человека, Витька сидел с краю. Кровь, брызнувшая из его головы, окропила и трех живых. Стрелял глупый, неизвестно на что рассчитывающий человек... С автоматами наперевес они заскочили в эту паршивую лавчонку и в задней, за прилавком, комнате обнаружили девушку-афганку и дверь во двор, который имел выход на следующую, параллельную, улицу. Во дворе находились продавец кебаба и водоносхазареец. За Витьку расплатились сполна. В человека, оказывается, вмещается двадцать два кебаба, но последний нужно заталкивать шампуром, и только тогда человек, с кебабом в горле, умирает. А хазарейцу повезло, его сразу автоматной очередью убили. Но стреляла девушка, она пистолет, красивый такой, в трусы спрятала, стерва.

Это рассказывает «Висок». Он был каптерщиком 4-го отряда Оренбургской колонии. А я слушаю и верю услышанному. Почему бы и нет? Свои тринадцать лет лишения свободы «Висок» привез не из Афганистана. Это он здесь, в Союзе, убил свою жену, которая не нашла сил сохранить верность мужу. Обкурившись анаши, «Висок» отрубил ей голову ровно через две недели после демобилизации. Отрубленную голову поставил сверху цветочной вазы и по кругу, вокруг головы, насовал цветов. «Сюр был мрачный, жаль, я не художник»,— грустил «Висок». Он до войны был спортсменом, КМС, не пил, не курил. После войны каждое утро начинал с папиросы, набитой анашой, и постепенно в течение дня «догонялся» водкой. «Сколько еще вас оттуда приходить будет таких?!» — в отчаянии воскликнул во время суда прокурор и вследствие этого лишился должности. Год 1983...

* * *

Но немного отвлечемся от «афганцев». При желании из контингента осужденных, поставляемых армией, можно сформировать не одну дивизию.

Насмешливый мир деклассированных называл попавших в зону его влияния военнослужащих из группы советских войск в Германии (ГСВГ) «оккупантами». Если тебя везут этапом в сторону Минска, то уже в Воронежской пересылке начинаешь встречать осужденных «оккупантов». Вот переправляют из Потсдамской тюрьмы двух солдат, пять сержантов, трех прапорщиков по «серебряному делу». Офицеров, подполковника, двух майоров и капитана по этому же делу содержат в другой камере. С приборов отпаивали серебряные контакты, заменяли их другим сплавом, а эти контакты, превращая в слитки, продавали немцам. Вышеперечисленные солдаты и офицеры были уже пятой группой осужденных по этому делу. Несколько «гвардейцев» еще ждали трибунала в Потсдамской тюрьме, а десяток офицеров и солдат уже обжились в колониях. Встречаясь с «серебряниками» в разное время и в разных местах, я имел возможность слушать и сопоставлять их рассказы. «Серебряный период» длился несколько лет, и в нем проявились таланты не только среднего, но и старшего офицерского состава, на котором КГБ и прервал «серебряный дождь». Вообще эта группа советских войск в свое время отправляла солдат этапом в СССР регулярно и густо: изнасилования, кражи с товарных поездов, спекуляция бензином и т. д. и т. п.

Нет такой колонии в стране, где не было бы осужденных кадровых офицеров Советской Армии. Вот сапер, капитан (естественно, уже бывший), библиотекарь в 9-й колонии Краснодарского края. Всем рекомендует прочесть «Мать» Горького и «Джин Грин Неприкасаемый». Осужден за то, что послал своей теще посылку со взрывным устройством. Теща посылку получила и вскрыла в присутствии соседки и ее молодой дочери. Пострадали соседка и дочь, теща — нет. Вот Веселовский, подполковник, военный летчик, председатель секции правопорядка в 3-м отряде Ростовской колонии. Осужден за аферы, связанные с вылетами, и за хищение с последующей продажей со склада каких-то приборов (Не ночного ли видения, что у рэкетиров изымают?)... Лынник, Герой Советского Союза, полковник, заведующий военторговской сетью. Присвоил около четырех миллионов рублей на личные нужды. Получил пятнадцать лет. В свое время о нем даже Жуков в своих мемуарах упоминал как о лихом вояке. Лынник был шнырем-дневальным в комнатах личного свидания Ростовской колонии № 10. Просидел немного, сжалились — выпустили... А вот Басенко с подельниками, старшие лейтенанты,— продажа наркотиков: Оренбургская колония № 1. Да ведь умаешься перечислять всех поставляемых армией в колонии и тюрьмы.

Как это ни странно, из армейского контингента меньше всех в колонии представлены военные строители. Видимо, по той причине, что стройбат по сути своей сам является полууголовной школой жизни, где молодые люди получают первые представления о мрачной романтике уголовного мира... Я служил в стройбате, в Черноголовке, что под Москвой. Если наша часть строила десятиэтажный дом, то материала строительного уходило как минимум на пятнадцатиэтажный. Трудно вспомнить, кто в этой части не пользовался госимуществом в свою пользу. Так что стройбат во время прохождения службы не пытается своих питомцев «отгружать» в ИТК, как это делают строевые войска, хотя без этого, конечно же, не обходится.

* * *

...На броне БТРа сидел обкурившийся анаши десантник и дико хохотал. Он продолжал смеяться, стреляя из автомата, и после того, как начался обстрел колонны. Он, кажется, не прекратил смех и после того, как ему взрывом оторвало голову на глазах залегшего в придорожной канаве Толика Гусева...

«Без анаши плохо на войне. Это высший кайф... Если бы не анаша, у меня февраль бы в голове поселился... Анаша мне помогла понять Азию, минареты, пророки там всякие, кайфовая страна... Главное под анашой — это равнодушие и к своей, и к чужой смерти, и к жизни... Мне жаль тех, кто не курил анашу...» — выталкивал из пересохшей гортани слова Толик Гусев, год провоевавший в Афганистане и комиссованный после тяжелого ранения подчистую. Он с медалью на груди и без кисти левой руки. «Курили анашу почти все, ее там много, море. Дети торгуют палочками запаренной анаши, как леденцами. Домой ее многие везли. Тот, кто понял кайф анаши, тот пойдет на любой риск. Анаша — это любовь...» — угасая, закончил Гусев... После армии, через полгода, его арестовали. Он служил в Афгане водителем машины. Каждым рейсом из Войны в Мир он провозил большие партии наркотика. Толик, два сержанта, старлей и капитан были осуждены по статье 224 УК РСФСР. «Во имя кайфа, да и деньги иметь не вредно. Не за идею же жизнью рисковать?» — комментировал свой приговор Толик Гусев.

Бывший «афганец» Фоменко не был орденоносцем, не имел и медалей, но знак «Гвардия» украшал и его грудь. В нем жил и метался дух бизнеса той формации, носителей которого можно встретить в тюрьмах всех стран мира. Сначала он похитил миномет и продал его за 7000 афгани. Затем похитил два автомата (взял и унес!) и также продал — по дешевке. Потом наступил черед бочки с бензином — и неудача. «С тебя половина прибыли»,— сказал командир взвода, равнодушно глядя в мусульманское, раскаленное, небо. Он получил эти деньги. Затем: тридцать комплектов обмундирования, десять боекомплектов, пять автоматов (валяются они, что ли?), четыре армейских бинокля, 15 ящиков тушенки. Тут был взят

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ДАЙТЕ ИМ ПОХОРОНИТЬ СВОЮ ВОЙНУ

Некоторое время назад публике стало казаться, что война эта ушла в прошлое. Во всяком случае, ее редко стали вспоминать в официальной обстановке.

Это не та война, что осветит нам долгий ясный путь светом своих могильных звезд.

Мы ее долго хоронили и — в темноте.

У этой войны не было хроники — на нее сразу были брошены очеркисты, пишущий отряд специального назначения. Герои их очерков смеялись, читая про себя.

В «Правде» было написано о Герое Советского Союза рядовом Игоре Чмурове, что после боя товарищи с трудом оторвали его от пулемета.

Знаю, что был лимит на убитых и раненых: один убитый и два раненых на газетную заметку.

У войны не было территории, мы не знали, где погибали ребята и при каких обстоятельствах, предпочтителен был сюжет, когда наши бронетранспортеры, охраняющие афганскую колонну машин с продовольствием, внезапно атакованы душманами.

У этой войны не было армии (был контингент). Контингенту противостояла не армия и не народ (как в конце концов и оказалось), но дикие и жестокие бандиты.

Мнимая земля, испещренная мнимыми дорогами, по которым беспрестанно двигали беззащитные колонны с продовольствием, была населена мнимым, никогда не существовавшим на реальной земле народом. Этот мнимый народ исжаждался социализма.

Итак, я напоминаю очень кратко то, что известно ребенку?

Фантастическая война, подвешенная в воздухе, с тем чтобы быть понятнее нам, висящим в пространстве, насквозь простреливаемом идеологией, не могла заслонить ту войну, с которой нам везли трупы.

Ту войну пытались спрятать от публики с самого начала, как прятали убийство, конечно, плохого руководителя чужого, конечно, государства во дворце, обставленном с чуждой нам роскошью,— убийство, совершенное отлично подготовленными ребятами.

Ту войну «спрятанной» назвал Артем Боровик в «Огоньке» спустя некоторое время после ее завершения.

Ее прятали, а она вылезала из-под земли, еще живая, вся в солдатской крови.

А нам на стенку бросали тень бегущие фигурки, игрушечный грохот и пели песни времен Отечественной.

Когда к нам прибыли записи настоящих песен, всякий впервые услышавший их поразился эмигрантской надрывной ноте в них, разлуке с Родиной навсегда и страшному одиночеству певцов...

Девушки в тылу было стали выдавать себя за невест погибших героев, жалкие инженеришки другим девушкам было стали рассказывать афганские

в долю старший лейтенант З-в и продана за 4000 афгани портативная полевая рация. После чего все раскрылось, произошел скандал, который закончился расстрелом З-ва и пятнадцатью годами лишения свободы для остальных.

А вот «Сокол». Могучая стать и спрятанное, уже какое-то нервное, умирающее добродушие. «Афганец»-десантник, медаль за отвагу, вывозил, демобилизуясь, три килограмма анаши в сумке, дурачок. Деревенский парень, до войны считал, что самогонка — лучший наркотик в мире. Афганистан развеял иллюзии. Его задержал в Термезе патруль, а он с откровенной фронтовой непосредственностью весь патруль уложил на асфальт кулаками. Офицер, отбежав в сторону и прострелив «Соколу» ногу, тем самым избежал участи остальных. Так «Сокола» и взяли, за это его и осудили; наркотики, сопротивление властям и, естественно, хулиганство — шесть лет в колонии усиленного режима. Он и в колонии, простая душа, против козырной братии пошел, но это в кино только бывший «афганец» избивает в колонии вора под молчаливое одобрение заключенных. В жизни не так. Под такое же «молчаливое одобрение» накинули ночью «Соколу» петлю на шею и так отдубасили, что дрогнула, недоумевая, солдатская душа. Испугалась своей бесполезной, одиночной смелости, а затем и самому «Соколу» приглянулось уголовное братство. В конце концов «Сокол» попал под амнистию как ветеран войны. Освободился и кидал в колонию через забор чай и водку братве. Через некоторое время вновь был осужден за наркотики...

* * *

Я выбираю лишь «эффектные» преступления. О таких вызывающих своей «обыденностью» зевоту, как: «По пьянке пырнул ножом...», «В драке ударил кулаком, а он упал и умер...», «Сидели на берегу реки, а тут ребята с другого поселка...», я не упоминаю, им несть числа. Скучно...

Юрка по кличке «Грузин» был русским. Бывший «афганец», бывший сержант. В колонии был ярым активистом, работал на все службы, поэтому, несмотря на тяжелое преступление, был расконвоирован и работал телефонистом. Имел награды за Афган: орден, медаль. И пятнадцать лет за убийство... «Мы двоих дезертиров расстреляли, прямо возле могилы погибших ребят. Один шевелился, сука, я его дострелил»,— рассказывает «Грузин». На мой вопрос, почему бежали дезертиры и почему погибли ребята, Юрка угрюмо отвечает: «Значит, надо было». Для Юрки в этом плане нет проблем. «Солдат не рассуждает, а выполняет». Его раздражала неполноценность окружающей жизни — скучной, недоношенной, глупой. «Мы воевали, какие ребята в землю легли, а эти...» — гневливо пульсировало в нем отношение к миру, который заставлял о себе тосковать там и который стал тусклым, раздражающим и нелепым здесь.

...«Эй, служивый, угости сигареткой»,— раздался пьяный голос и чья-то рука ударила его по плечу. В Юрке что-то дрогнуло и насторожилось. Он оглянулся и увидел здоровенного, заджинсованного парня: кудрявые волосы, пьяное лицо и повадки хулигана. «Бычки собирай, тварь вонючая»,— дрожащим от злости голосом сказал Юрка и почувствовал мелкую дрожь головы от тика, который ему подарила контузия под Кандагаром. «Одурел, да?» — спросил парень самоуверенно и спокойно. И вот оно — рождение ярости! Проходивший мимо дачник с лопатой в руке сначала, когда Юрка выхватил из его рук лопату, возмущенно вскрикнул, а затем, когда эта лопата на его глазах раздвоила череп молодого парня, взвизгнул. Черенок лопаты сломался. Юрка взял укороченный, похожий на саперную, вариант лопаты и продолжал кромсать уже равнодушное ко всему тело. Затем оглянулся, увидел расширенные от ужаса глаза дачника и со всей силой оставшегося в нем гнева метнул в эти глаза обломок лопаты. Он сразу же успокоился, огляделся вокруг: к нему бежали люди, дачник с окровавленным лицом, спотыкаясь, удалялся от него. Юрка взглянул на свою гимнастерку: дембельские аксельбанты и орден были в крови, рукавом стер с ордена кровь и рухнул навзничь, на землю, забившись в припадке. «Признать вменяемым... учесть личность обвиняемого... пятнадцать лет лишения свободы...» — гласил приговор.

«Афганцы» уже вовлекались в круговорот «замкнутого цикла» ИТУ. Уже их много пошло «по новой», на строгий режим...

Александр ЭКШТЕЙН

байки, вычитанные из американских боевиков, как вдруг стало ясно, что ни живьем похоронить, ни спрятать эту войну не удастся. История принятия закона об амнистии вызывает и сейчас стыд и боль.

Когда Президент, еще не бывший тогда Президентом, назвал эту войну незаживающей раной, нам и этого было достаточно.

Когда они возвращались, появилась наконец хроника, и мы узнали названия перевалов.

Но, с тушем оркестра встреченные в Ташкенте, они были брошены прямо на пороге Родины. Тогда АФГАН стал перемещаться на нашу многострадальную землю, и звезды афганских смертей воссияли над нами.

Не забыть бы сказать: у этой войны не было монументов! Не было Триумфальных арок, не было обелисков. Там, на неведомой земле, остались маленькие памятники из жести со звездой. Каждый обозначал место смерти друга. Те скромные памятники не перевезешь. Да и ведь Боже упаси. У войны не было стольких потерь!

Войну не то что хоронили — тогда бы приличие почестей было соблюдено. Ее пытались поставить на службу, а на службу легче всегда поставить мертвых, но не преданных земле. Таковы мы были во всем.

Мы отмахивались от них как от чумы. (Отмахивались при помощи могучего средства — пропагандистского, то есть мнимого, фронтового братства. А то братство, что было на самом деле,— что мы знаем о нем? Не знаем и стараемся не смотреть: крови много.)

Вышедшие из этой войны парни знали о войне почти все. Они знали названия перевалов, смысл военных приказов и бессмыслицу военных операций.

Это они, вернувшиеся на Родину порой из госпиталей, знали всех погибших поименно. Каждый убитый известен хотя бы двоим: матери и другу, который шел рядом.

Они хотели бы похоронить войну по-людски.

Они и хоронят ее, по всем уголкам Родины — по закоулкам, по зонам... Похоронив, поднимут на нас глаза. А мы свои отведем, отведем.

Н. Ч.

ОТЕЛЬ «ВИНСЛОУ» И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Эдуард ЛИМОНОВ

В последнее время в «Советской России» и других коммунистически-официозных изданиях мелькало имя Эдуарда Лимонова. Ему с удовольствием предоставляли целые полосы, где он разоблачал демократов как «агентов КГБ», разоблачал интеллигенцию как «предателей и двурушников», разоблачал крах марионеточных режимов в Восточной Европе как результат «происков КГБ». Тон статей скандальный, направление —реакционное, аргументы — за гранью здравого смысла. Но кому-то, видимо, и такой тон, и такие аргументы по душе. Что ж, свобода печати. Мы не стали бы касаться этой темы, если бы не одно обстоятельство: читателям лимоновских статей наверняка невдомек, КАКОМУ писателю, КАКОГО направления и стиля, написавшему КАКИЕ КНИГИ, раскрыли свои объятия партийные чиновники. С другой стороны, и среди интеллигенции, безусловно, читавшей Лимонова в самиздате, разгорается спор о том, как относиться к Лимонову с его нынешней великодержавной и в то же время подчеркнуто классовой позицией. Причем спор не на шутку. Мы решили опубликовать фрагменты первой главы из первого (и самого нашумевшего) романа Э. Лимонова — «Это я — Эдичка». Первой — потому что она самая безобидная в смысле лексики.

Остальные главы этого произведения, выстроенного как цепь половых актов героя с женщинами и мужчинами, публиковать отдельно не представляется возможным — только прочтя книгу целиком, можно преодолеть нормальную человеческую брезгливость и понять авторский замысел.

Политическое поведение все-таки накладывает определенный отпечаток на образ писателя, на его человеческое лицо. И мы не можем от него абстрагироваться.

...Но разглядеть в Лимонове-писателе и Лимонове-человеке «изначального» подростка-изгоя, смертельно обиженного на весь мир за свои неудачи, попытаться можем. Хотя бы просто из жалости. К тому же именно из таких подростков часто вырастали большие писатели.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

Проходя между часом дня и тремя по Мэдисон-авеню, там, где ее пересекает 55-я улица, не поленитесь, задерите голову и взгляните вверх — на немытые окна черного здания отеля «Винслоу». Та́м, на последнем, 16-м этаже, на среднем, одном из трех балконов гостиницы сижу полуголый я. Обычно я ем щи и одновременно меня обжигает солнце, до которого я большой охотник. Щи с кислой капустой — моя обычная пища, я ем их кастрюлю за кастрюлей, изо дня в день, и, кроме щей, почти ничего не ем. Ложка, которой я ем щи,— деревянная и привезена из России. Она разукрашена золотыми, алыми и черными цветами.

Окружающие офисы своими дымчатыми стеклами-стенами — тысячью глаз клерков, секретарш и менеджеров глазеют на меня. Почти, а иногда вовсе голый человек, едящий щи из кастрюли. Они, впрочем, не знают, что это щи. Видят, что раз в два дня человек готовит тут же на балконе в огромной кастрюле, на электрической плитке что-то варварское, испускающее дым. Когда-то я жрал еще курицу, но потом жрать курицу перестал. Преимущества щей такие, их пять: 1. Стоят очень дешево, два-три доллара обходится кастрюля, а кастрюли хватает на два-три дня! 2. Не скисают вне холодильника, даже в большую жару. 3. Готовятся быстро — всего полтора часа. 4. Можно и нужно жрать их холодными. 5. Нет лучше пищи для лета, потому как кислые.

Я, задыхаясь, жру голый на балконе. Я не стесняюсь этих неизвестных мне людей в офисах и их глаз. Иногда я еще вешаю на гвоздь, вбитый в раму окна, маленький зеленый батарейный транзистор, подаренный мне Алешкой Славковым — поэтом, собирающимся стать иезуитом. Увеселяю принятие пищи музыкой. Предпочитаю испанскую станцию. Я не стеснительный. Я часто вожусь с голой жопой и бледным на фоне всего остального тела членом в своей неглубокой комнатке, и мне плевать, видят они меня или не видят, клерки, секретарши и менеджеры. Скорее я хотел бы, чтобы видели. Они, наверное, ко мне уже привыкли и, может быть, скучают в те дни, когда я не выползаю на свой балкон. Я думаю, они называют меня — «этот крейзи напротив».

Комнатка моя имеет 4 шага в длину и 3 в ширину. На стенах, прикрывая пятна, оставшиеся от прежних жильцов, висят: большой портрет Мао Цзэдуна — предмет ужаса для всех людей, которые заходят ко мне; портрет Патриции Херст; моя собственная фотография на фоне икон и кирпичной стены, а я с толстым томом — может быть, словарь или Библия — в руках и в пиджаке из 114 кусочков, который сшил сам — Лимонов, монстр из прошлого; портрет Андре Бретона, основателя сюрреалистической школы, который я вожу с собой уже много лет, и которого, Андре Бретона, обычно никто из приходящих ко мне не знает; призыв защищать гражданские права педерастов; еще какие-то призывы, в том числе плакат, призывающий голосовать за Рабочей партии кандидатов; картины моего друга художника Хачатуряна; множество мелких бумажек. В изголовье кровати у меня плакат — «За Вашу и Нашу свободу», оставшийся от демонстрации у здания «Нью-Йорк таймс». Дополняют декоративное убранство стен две полки с книгами. В основном — поэзия.

Я думаю, вам уже ясно, что я за тип, хотя я и забыл представиться. Я начал трепаться, но не объявил вам, кто я такой, я забыл, заговорился, обрадовался возможности наконец обрушить на вас свой голос, а кому он принадлежит — не объявил. Простите, виноват, сейчас все исправим.

Я получаю Вэлфэр. Я живу на вашем иждивении, вы платите налоги, а я ни х... не делаю, хожу два раза в месяц в просторный и чистый офис на Бродвее, 1515, и получаю свои чеки. Я считаю, что я подонок, отброс общества, нет во мне стыда и совести, потому она меня и не мучит, и работу я искать не собираюсь, я хочу получать ваши деньги до конца дней своих. И зовут меня Эдичка. И считайте, что вы еще дешево отделались, господа. Рано утром вы вылезаете из своих теплых постелей и, кто в автомобилях, кто в сабвее и автобусе, спешите на службу. Я службу ненавижу,— жру свои щи, пью, иногда напиваюсь до беспамятства, ищу приключений в темных кварталах, имею блестящий и дорогой белый костюм, утонченную нервную систему, я вздрагиваю от вашего утробного хохота в кинотеатрах и морщу нос.

Я вам не нравлюсь? Вы не хотите платить? Это еще очень мало — 278 долларов в месяц. Не хотите платить. А на х... вы меня вызвали, выманили сюда из России, вместе с толпой евреев? Предъявляйте претензии к вашей пропаганде, она у вас слишком сильная. Это она, а не я опустошает ваши карманы.

Кто я там был? Какая разница, что от этого меняется. Я, как всегда, ненавижу прошлое во имя настоящего. Ну, я был поэт, поэт я был, раз уж вам хочется знать кто, неофициальный поэт был, подпольный, было да сплыло, а теперь я один из ваших, я подонок, я тот, кого вы кормите щами, кого вы поите дешевым и дрянным калифорнийским вином — 3,59-галлоновая бутыль, а я все равно вас презираю. Не всех, но многих. За то, что живете вы скушно, продали себя в рабство службе, за ваши вульгарные клетчатые штаны, за то, что вы делаете деньги и никогда не видели света. Дерьмо!

Я немного разошелся, чуть вышел из себя, простите. Но объективность мне несвойственна, к тому же сегодня х... погода, моросит мелкий дождь, серо и скушно в Нью-Йорке — пустые уик-эндные дни, мне некуда идти, может быть, поэтому я и соскочил со своего обычного настроения и стал вас уж слишком обзывать. Извиняюсь. Живите пока и молите Бога, чтобы я как можно дольше не овладел правильным английским языком.

Отель «Винслоу» — это мрачное, черное 16-этажное здание, наверное, самое черное на Мэдисон-авеню. Надпись сверху вниз по всему фасаду гласит: «ВИНСЛ...У» — выпала буква «О». Когда? Может быть, 50 лет назад. Я поселился в отеле случайно, в марте, после моей трагедии, меня оставила моя жена Елена. Измученный шатаниями по Нью-Йорку, со стоптанными и разбитыми в кровь ногами, ночуя каждый раз на новом месте, порой на улице, я был наконец подобран бывшим диссидентом и бывшим конюхом московского ипподрома, самым первым стипендиатом Вэлфэровской премии (он гордится, что первым из русских освоил Вэлфэр) — толстым, неопрятным и сопящим Алешкой Шнеерзоном-«Спасителем», отведен в Вэлфэр-центр на 31-й улице за руку и в один день экстренно получил пособие, которое хотя и опустило меня на дно жизни, сделало бесправным и презираемым, но я е... ваши права, зато мне не нужно добывать себе на хлеб и комнатенку, и я могу спокойно писать свои стихи, которые ни здесь, в вашей Америке, ни там, в СССР, на х... не нужны.

Так как же все-таки я попал в «Винслоу»?

Друг Шнеерзона — Эдик Брутт жил в «Винслоу», там же, через три двери от него, стал жить и я. 16-й этаж весь состоит из клеток, как, впрочем, и многие другие этажи. Когда я, знакомясь, называю место, где я живу, на меня смотрят с уважением. Мало кто знает, что в таком месте еще сохранился старый, грязный отелишко, населенный бедными стариками и старушками и одинокими евреями из России, где едва ли в половине номеров есть душ и туалет.

Несчастье и неудача незримо витают над нашим отелем. За то время, как я живу в отеле, две пожилые женщины выбросились из окна, одна из них — француженка, как мне говорили, с еще сохранившим следы красоты лицом, все безутешно расхаживала по коридору, она выбросилась со своего 14-го этажа во двор, в колодец. Кроме этих двух жертв, совсем недавно Бог прибрал хозяйку, вернее, мать хозяина, огромного, слоноподобного еврея в тюбетейке, с ним я познакомился как-то на парти у моей американской подруги Розан. Мать хозяина, как все старые женщины, любила распоряжаться в отеле, хотя хозяину нашего грязненького заведения принадлежат еще 45 домов в Нью-Йорке. Почему ей доставляло удовольствие торчать тут целый день и указывать рабочим отеля, что им делать, не знаю. Может быть, она была садисткой. Недавно она исчезла. Ее нашли только под вечер, в шахте лифта, измятый и изуродованный труп. Дьявол живет рядом с нами. Насмотревшись фильмов про экзорсистов, я начинаю думать, что это дьявол. Из моего окна виден отель «Сан-Реджис Шератон». Я с завистью думаю об этом отеле. И безосновательно мечтаю переселиться туда, если разбогатею.

К нам, людям из России, в отеле относятся так, как некогда относились к черным до отмены рабства. Белье нам меняют куда реже, чем американцам, ковер на нашем этаже не чистили ни разу за все время, пока я здесь живу, он ужасающе грязный и пыльный, иногда старый графоман-американец из номера напротив, тот, что все стучит на машинке, выходит в трусах, берет метлу и в качестве зарядки бодро выметает ковер. Я все хочу ему сказать, чтобы он не делал этого, так как он только подымает в воздух пыль, а ковер все равно остается грязным, но мне жаль лишать его физического упражнения. Иногда, когда я напиваюсь, он, американец этот, кажется мне агентом Эф-Би-Ай, приставленным, чтобы следить за мной.

Простыни и полотенца нам дают самые старые, свой туалет я мою сам. Короче — мы люди последнего сорта.

Персонал отеля считает нас, я думаю, никчемными лодырями, приехавшими объедать Америку — страну честных тружеников, остриженных под полубокс. Это мне знакомо. В СССР тоже все п.....и о тунеядцах, о том, что нужно приносить пользу обществу. В России п.....и те, кто меньше всех работал. Я писатель уже десять лет. Я не виноват, что обоим государствам мой труд не нужен. Я делаю мою работу — где мои деньги? Оба государства п.....т, что они устроены справедливо, но где мои деньги?..

Так я живу. Дни катятся за днями, напротив отеля на Мэдисон уже почти совсем разрушили белый блок домов и будут строить американский небоскреб. Кое-кто из евреев, и полуевреев, и выдающих себя за евреев уже съехал из отеля, на их место поселились другие. Держатся они, как черные в своем Гарлеме, коммуной, по вечерам вываливаются на улицу и сидят возле отеля в оконных нишах, кое-кто потягива-

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

ет из пакетиков напитки, разговаривают о жизни. Если холодно, они собираются в холле, занимая все скамейки, и тогда стоит в холле шум и говор. Администрация отеля борется с коммунальными привычками выходцев из СССР, с их пристрастием к цыганщине, но безуспешно. Заставить их не собираться и не сидеть перед отелем невозможно. И хотя, очевидно, такое деревенское сидение отпугивает от отеля возможных жертв, которые вдруг да и забредут сюда, теперь, кажется, администрация махнула на них рукой,— что с ними сделаешь.

Я не очень-то имею с ними отношения. Я никогда не останавливаюсь, ограничиваясь словами «Добрый вечер!» или «Общий привет!». Это не значит, что я отношусь к ним плохо. Но на своем веку, в моей бродячей жизни я видел так много разнообразных русских и русско-еврейских людей, а это, на мой взгляд, одно и то же, что они мне неинтересны. Порой в евреях «русское» проступает куда более явно, чем в настоящих русских.

Тут уместно будет рассказать о Семене. Он был седой еврейский парень, которого я и моя бывшая жена Елена встретили в Вене. Семен этот предложил Елене работу. Она должна была трудиться по ночам в принадлежащем Семену ночном баре «Тройка», расположенном рядом с собором Святого Стефана и борделем, подавать богатым полуночникам алкоголь и икру. Зарплата была обещана столь высокая, что я сразу подумал: «Семену нужна была не барменша Елена — он метил выше — он явно хотел выспаться с ней». Впрочем, я не обиделся, тогда я верил своей жене, а она еще любила меня, и я был совершенно спокоен.

Я, конечно, не позволил Елене работать ночью, я вообще не хотел, чтобы она работала, но, познакомившись с Семеном, мы нашли, что он приятный парень, и несколько раз встречались с ним в его «Тройке», а потом в ресторане, который он купил на паях с еще двумя дельцами.

Семен был из Москвы, потом жил в Израиле, он умел делать деньги, сумел из СССР вывезти деньги, он процветал. И только в последний наш вечер в Вене, который мы провели в его ресторане, он открылся нам по-настоящему, когда напился, и, полупьяный, заговорил:

— У меня здесь было много женщин, но ни одна не была мне интересна, они холоднокровные, они ужасны, я их боюсь, все в них меня отталкивает. Я боюсь их, ей-богу.

Потом Семен заговорил о русских женщинах, о Москве. Мне тогда было странно слушать его. Впоследствии я наслушался ностальгических монологов и в Италии, и в Америке, но произносящие их были неудачливые эмигранты, не имеющие работы, не знающие, куда ступить и с чего начать. Семен знал, его дорогой ресторан, в котором мы сидели, был тому свидетельством. Он подарил тогда Елене розы, их смешно и трогательно разносила женщина в платке, это была маленькая, уютная и сентиментальная Европа, а не огромная металлическая Америка, там ходили женщины и разносили розы. Мы пили водку, Семен заказал оркестру «Полюшко-поле», и я увидел, что он плачет и слезы его капают в бокал с водкой. «Мы смеялись над понятием «Родина»,— сказал Семен,— и вот я сижу, и играют эту песню, и у меня болит душа, какой я, к черту, еврей — я русский».

Потом он в своем синем мощном автомобиле вез нас над Веной, где были какие-то увеселительные заведения, мы выходили и смотрели сверху на город. Он очень быстро ездил и много пил. Уже в Америке я узнал, что он разбился на машине. Насмерть.

Это, конечно, частная судьба, господа, я рассказал о ней только потому, что не делю выходцев из СССР на русских и евреев. Все мы русские. Привычки, всеразъедающие привычки моего народа въелись в них и, может быть, разрушили. Во всяком случае, по себе грустно знаю, что русские привычки не приносят счастья.

Так я не останавливаюсь с ними у отеля, а иду в свой номер. О чем с ними говорить — об их несчастьях, о том, как они устают, работая на такси или еще где. Недавно, выдав им «Общий привет!», я проходил мимо них в Нью-Йорк. Какой-то новый парень, по виду грузинский еврей или скорее всего натуральный грузин, замаскировавшийся под еврея, чтобы уехать, крикнул мне вдогонку: «А ты что, тоже русский?»

— Я уже забыл, кто я на самом деле,— не останавливаясь, сказал я.

Возвращаясь часа через два обратно, я опять проходил мимо них уже из Нью-Йорка. Тот же усатый и чернявый сказал обиженно, увидев меня: «А ты что, разбогател, что не хочешь остановиться, поговорить?» Это меня рассмешило, я засмеялся, но все же не остановился, чтобы не давать повода для знакомства. У меня и без того слишком много русских знакомых. Когда сам находишься в х....м состоянии, то не очень хочется иметь несчастных друзей и знакомых. А почти все русские несут на себе печать несчастья.

По какой-то подавленной тоске во всей фигуре их можно узнать со спины. Почти не общаясь с ними, я всегда узнаю их в лифте. Подавленность — основная их примета. Между первым и 16-м этажом они успевают заговорить с вами, узнать, не будут ли давать к двухсотлетию Америки всем новым эмигрантам поголовно американское гражданство, может быть, попросят сочинить петицию президенту по этому поводу. На х.. им гражданство,— они сами не знают.

Или разговор может принять противоположное направление:

— Слыхал, в октябре впускать будут?

— Куда впускать? — спрашиваю я.

— Ну как куда, в Россию. Пилот-то удрал из СССР на истребителе, теперь нас обратно запустят, чтобы уравновесить, понимаешь? Один удрал, а две тысячи пустят обратно. Две тысячи хотят обратно. А половина заявлений начинается с того, что люди просят прямо с самолета отправить их в лагерь, что они хотят отсидеть за свое преступление, за то, что они уехали с Родины. А ты не собираешься назад? Тебя еще как возьмут, я слышал, тебя опять и в «Правде» и в «Известиях» пропечатали?

— Да уж давно это было, еще в июне,— говорю я.— Из лондонской «Таймс» кусок перевели, да и тот извратили. Нет, я не собираюсь, мне там делать не х... Да и стыдно возвращаться. Засмеют. Я не поеду, я никогда не иду назад.

— Ты еще молодой,— говорит он.— Попробуй, может, пробьешься.

А я поеду,— продолжает он тихо.— Я, понимаешь, там впал в амбицию, слишком много о себе возомнил, а вот приехал и увидел, что ни на что не способен. Покоя хочу. Куда-нибудь в Тульскую область, домишко, рыбки половить, ружьишко, учителем в сельскую школу пристроиться. Здесь ад,— говорит он.— Нью-Йорк — город для сумасшедших. Я поеду, довольно я здесь помыкался. Свободы у них тут ни х.. нет, попробуй что на работе смелое скажи. Без шума вылетишь, тихо.

Он работал, в основном мыл посуду в разных местах. Получает анэмплоймент, 47 долларов в неделю. Живет на Весте в Восьмидесятых улицах, в отеле он был у приятеля.

— В шахматы играешь? — спрашивает он меня, прощаясь.

— Терпеть не могу,— отвечаю я.

— А водку пьешь?

— Водку пью,— говорю я,— хоть и не часто сейчас.

— Не пьется здесь,— жалуется он.— Бывало, примешь 700 грамм с закусочкой, летишь по Ленинграду как на крыльях, и весело тебе и хорошо. Здесь выпьешь — только приглушит, хуже еще. Заходи,— говорит он,— борщом угощу...

Сорванные с мест, без привычного окружения, без нормальной работы, опущенные на дно жизни люди выглядят жалко. Как-то я ездил на Лонг-Бич купаться, с яростным евреем Маратом Багровым, этот человек умудрился выйти на контрдемонстрацию против демонстрации за свободный выезд евреев из СССР, идущей по 5-й авеню. Вышел он тогда с лозунгами «Прекратите демагогию!», «Помогите нам здесь!». Так вот мы ехали на Лонг-Бич, Марат Багров вел машину, которую у него на следующий день украли, а бывший чемпион Советского Союза по велосипедному спорту Наум и я были пассажирами. Компания ехала в гости к двум посудомойкам, работающим там же, на Лонг-Бич, в доме для синиор ситизенс. Едва заглянув в полуподвальные комнаты, где жили посудомойки, один — бывший музыкант, другой — бывший комбинатор и делец, специалист по копчению рыбы, я влез через ограду на пляж, чтоб не платить два доллара.

Чайки, океан, туман соленый, похмелье. Я долго лежал один, не понимая, в каком я мире. Позднее пришли Багров и Наум. «Е.... эмиграция!» — все время говорил 34-летний бывший чемпион.

— Когда я только приехал в Нью-Йорк, я пошел, чтобы купить газету, купил «Русское Дело», и там была твоя статья. Она меня как молотком ударила. Что я наделал, думаю, на х.. я сюда приехал.

Он говорит и роет в песке яму. «Е....я эмиграция!» — его постоянный рефрен. Он работал уже в нескольких местах, на последней работе он ремонтировал велосипеды, и устроил вместе с двумя другими рабочими — пуэрториканцем и черным — забастовку, требуя одинаковой оплаты труда. Одному из них платили 2.50 в час, второму — 3, и третьему — 3.50.

— Босс вызвал черного и, когда тот пришел, сказал, ты почему не работаешь, сейчас ведь рабочее время,— говорит Наум, продолжая механически копать яму.— Черный сказал боссу, что у него визит к доктору, потому он сегодня раньше ушел. Потом он спросил пуэрториканца — почему он ушел с работы раньше. Тот тоже испугался и сказал, что ему сегодня нужно в сошиал-секюрити. А я спросил босса, почему он не платит всем нам поровну, ведь мы работаем одинаково...— Наум горячится.— Черного он уволил, сказал — можешь идти. А я ушел сам, теперь работаю сварщиком — свариваю кровати, это очень дорогие модельные кровати. Я свариваю один раз, потом стачиваю шов, если на нем нет дырочек, раковин — хорошо, если есть, завариваю опять и опять стачиваю. Прихожу, вся голова в песке...

Живет Наум на Бродвее, на Весте, там отель тоже вроде нашего, туда поселяют евреев. Я не знаю, какие там комнаты, но место там похуже, куда более блатное...

Отель «Винслоу». Я поселился здесь как будто на месяц, чтобы успокоиться и оглядеться, впоследствии я собирался снять квартиру в Вилледже, или лофт в Сохо. Теперь моя собственная наивность умиляет меня. 130 — вот все, что я могу платить. На такие деньги можно поселиться разве что на авеню Си или Ди. В этом смысле отель «Винслоу» — находка. Все-таки центр, экономия на транспорте, везде хожу пешком. А обитатели, ну что ж, с ними можно не общаться.

Когда я пытался заставить себя спать с американской женщиной Розанной, это была часть разработанной мною программы вползания в новую жизнь, я возвращался домой очень поздно, в два, в полтретьего ночи. Иной раз у отеля стояли такси. В них восседали на водительских местах отельные постояльцы.

— Как дела? — спрашивал я.

— Да уже есть 32 доллара,— говорил мне обритый наголо человек, которого я знаю, но не помню, как его зовут.— Сейчас люди из кабаков будут возвращаться — стану развозить.

Подъезжает еще одно такси. Водители жалуются друг другу на отсутствие клиентов.

БУНТ

С профессором университета Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе Александром ЖОЛКОВСКИМ беседует наш корреспондент Надежда АЖГИХИНА

— Эдуард Лимонов как будто стремится эпатировать современников всеми доступными и недоступными способами. Что это — давняя авторская позиция или дань новой ситуации?

— Лимонов происходит из русской провинции — стартовая площадка многих имен в истории русской литературы. Но у него было трудное начало. Он приехал из Харькова, и хотя его подпольно признавали — покупали машинописные книжки стихов и платили за выступления, тем не менее тогда так и не напечатали ни строчки. В Америке он опять-таки не занял выигрышного положения бывшего гонимого диссидента, которого теперь надо лелеять за то, что его не любит «империя зла». Наоборот, он пришел в конфликт с русско-эмигрантскими кругами, то есть снова оказался аутсайдером. Темы он затрагивал рискованные и смело обращался с языком — имею в виду не только мат, но и вообще непричесанность стиля. Задним числом мы хвалим Гоголя за его оригинальный язык, но при жизни ему указывали на его «хохлацкий» и вообще неправильный стиль...

— Однако, если верить самому Лимонову, ему удалось покорить западного читателя. Так ли это?

— На Западе отношение к Лимонову и в журналах, и в академических кругах двойственное, хотя роман «Это я — Эдичка», эмигрантский бестселлер номер один, переведен на множество языков и о Лимонове пишут статьи и диссертации. Но вот недавно я вел переписку с организаторами юбилейной мандельштамовской конференции, где собирался прочесть доклад о Лимонове и Мандельштаме (в связи с рассказом «Красавица, вдохновлявшая поэта» и на соответствующем литературном фоне включая «Пиковую даму», «Гюи де Мопассана» Бабеля, «Письма Эсперна» Генри Джеймса и мн. др.). И мне ответили, что доклад о таком «черве», как Лимонов, представлен быть не может. Надо сказать, я сам давний борец за Мандельштама — писал о нем тогда, когда это было нельзя. Но теперь, похоже, придется бороться с культом личности Мандельштама; во всяком слу-

Одно время идти работать в такси было у них модно. Теперь мода немножко проходит. Во-первых, одного русского таксиста убили, это не очень-то приятно знать, когда сам работаешь в такси, кроме того, двоих парней из нашего отеля уволили за опоздание в парк.

Есть в нашем отеле и интеллигентные люди. Эдик Брутт, например, вегетарианец, и все время читает, пополняет свое образование. Он читает «Античную лирику» и Омара Хайяма, читает произведения Шекспира и «Китайскую философию», разумеется, по-русски. У Эдика, доброго, тихого парнишки с усами, есть американский друг — высокий человек лет сорока, знающий много языков, в остальном он похож на Эдика — с женщинами не общается, живет в свои сорок лет вместе с мамой. Этот американец по фамилии Бант часто возит Эдика куда-то слушать орган. Культурное развлечение. Я бы не высидел пяти минут. Эдику нравится. Уважаю.

Эдик был в Москве кинооператором или ассистентом кинооператора. Эдик живет тихо, кормит всех, кто приходит, дает деньги взаймы, последний доллар отдаст, и получает Вэлфэр.

Другой интеллигент из нашего отеля — высокий белокурый человек 33 лет — поэт Женя Никич. Как видите, фамилия у него типично ленинградская — изощренная. По специальности он филолог, защитил диссертацию на тему «Село Степанчиково и его обитатели» Достоевского с точки зрения странности». Он варит в своей каморке, которая выходит в темный колодец двора, почки или сосиски, на кровати у него сидит некрасивая американская девочка, которая обучает его английскому, на стенах развешаны бумаги с написанными по-английски выражениями вроде «Я хочу работать». Это не соответствует действительности, Женя не очень хочет работать, он старается сейчас получить Вэлфэр. «Я серьезный ученый»,— говорит он мне. Я думаю, он серьезный ученый, почему нет, только он и я понимаем, что его профессия серьезного ученого, специалиста по Гоголю и Достоевскому, преподавателя эстетики, никому тут на х.. не нужна. Тут нужны серьезные посудомойки, те, кто без всяких литературных размышлений будет выполнять черную работу. В литературе тут своя мафия, в искусстве своя мафия, в любом виде бизнеса — своя мафия.

В русской эмиграции — свои мафиози. Белокурый Женя Кникич не был готов к этому, как и я. Как и я, в свое время Женя работал в газете «Русское Дело» у одного из главных мафиози русской эмиграции — у Моисея Яковлевича Бородатых. Мафиози никогда не подпустят других к кормушке. Х.. Дело идет о хлебе, о мясе, о жизни, о девочках. Нам это знакомо, попробуй пробейся в Союз писателей в СССР. Всего изомнут. Потому что речь идет о хлебе, мясе и п... е. Не на жизнь, а на смерть борьба. За п...ы Елен. Это вам не шутка...

...Самая дешевая пища не всегда вдоволь, грязные комнатки, бедная, плохая одежда, холод, водка, нервы, вторая жена сошла с ума. Десять лет такой жизни в России, и теперь все сначала — где ж, е... твою мать, твоя справедливость, мир? — хочется мне спросить. Ведь я десять лет работал там изо дня в день, написал столько сборников стихотворений, столько поэм и рассказов, мне удалось многое, я образ определенный русского человека в своих книгах сумел создать. И русские люди меня читали, ведь купили мои восемь тысяч сборников, которые я на машинке за все эти годы отпечатал и распространил, ведь наизусть повторяли, читали.

Но я увидел однажды, что там дальше не поднимусь, ну, Москва меня читает, да Ленинград читает, да еще в десяток крупных городов сборники мои попали, люди-то меня приняли, да государство-то не берет, сколько можно кустарными способами распространяться, до народа-то не доходит то, что делаю, горечь-то в душе остается, что какого-нибудь Рождественского миллионными тиражами тискают, а у меня ни стихотворения не напечатали. Зае... вы, думаю, со своей системой, я у вас на службе с 1964 года, когда из книгонош ушел, не состою. Уеду я от вас на х.. со своей любимой женой, уеду в тот мир, там, говорят, писателям посвободней дышится.

И приехал сюда. Теперь вижу — один х.., что здесь, что там. Те же шайки в каждой области. Но здесь я еще дополнительно проигрываю, потому что писатель-то я русский, словами русскими пишу, и человек я оказался избалованный славой подпольной, вниманием подпольной Москвы, России творческой, где поэт — это не поэт в Нью-Йорке, а поэт издавна в России все — что-то вроде вождя духовного, и с поэтом, например, познакомиться — там честь великая. Тут поэт — говно, потому и Иосиф Бродский здесь у вас тоскует в вашей стране и однажды, придя ко мне на Лексингтон еще, говорил, водку выпивая: «Здесь нужно слоновью кожу иметь, в этой стране, я ее имею, а ты не имеешь». И тоска была при этом в Иосифе Бродском, потому что послушен он стал порядкам этого мира, а не был послушен порядкам того. Понимал я его тоску. Ведь он в Ленинграде, кроме неприятностей, десятки тысяч поклонников имел, ведь его в каждом доме всякий вечер с восторгом бы встретили, и прекрасные русские девушки, Наташи и Тани, были все его — потому что он — рыжий еврейский юноша — был русский поэт. Для поэта лучшее место — это Россия. Там нашего брата и власти боятся. Издавна...

«МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»

чае, защищать его, Пастернака и Ахматову — дело, не требующее сегодня гражданского мужества. Все это было бы смешно, когда бы не было так скучно.

— Но кого действительно хочется от Лимонова защитить, так это Бродского...

— У Лимонова давние литературные счеты с Бродским, лет пять назад он напечатал в парижской «Мулете» вызывающую статью о Бродском — «Поэт-бухгалтер». Хотя я помню, Лимонов мне рассказывал, что именно Бродский помог ему издать первую книгу стихов в «Ардисе» («Русское», 1979). Но в целом, как я понимаю, для Лимонова Бродский — символ высоколобого литературного истеблишмента, который не только подавляет Лимонова лично, но и противостоит всей его литературной программе. Бродский — модернист, он тянет вверх, к спасительной культуре, Лимонов — авангардист, он тянет вниз, к жестокой «правде жизни».

— Две составляющие современного литературного процесса?

— Бесспорно, есть такое натяжение. И я понимаю, что в престижном плане выделение этих двух полюсов невыгодно для признанного, «официального» полюса, который представляет Бродский. Невыгодно иметь оппонентом скандального и в то же время малоизвестного Лимонова. По сути же дела, авангард всегда «играет на понижение» — тематическое, сюжетное, стилистическое. И у Бродского есть сниженная интонация, но в целом его школа — петербургская, высокая, а у Лимонова даже не московская, а провинциальная, такая нарочито неграмотная...

— И лимоновский эпатаж как бы «обречен на успех» нападками?

— Вы хотите сказать, что это стратегия нападок моськи на слона?

— Скорее, что Лимонов выбрал очень удачную «маску».

— Теоретики культуры полагают, что все — миф, маска. Еще Эйхенбаум научил нас, что литература «есть построение и игра». Поэтому лучше поставить вопрос так: какова в точности лимоновская игра? Одна статья о Лимонове (Ольги Матич) озаглавлена «Моральный имморалист» — очень точное, по-моему, определение. То есть за всеми лимоновскими «шокингами» стоит «нормальная» человеческая личность, вопиющая о любви и сочувствии, причем вполне в традициях русской культуры (в частности Достоевского и Олеши) личность «маленького человека».

— Но Лимонов стремится воссоздать и традиции порнографического романа.

— Рекламируя роман «Это я — Эдичка», на Западе писали, что автор — русский Генри Миллер. Надо сказать, что реклама не совсем удалась. В англоязычной литературе уже есть Генри Миллер, и не надо его «переводить обратно» на английский. Это, однако, не означает, что такой литературы (кстати, вовсе не порнографической, а серьезной, экзистенциально глубокой) не должно быть на русском. Среди западных славистов иногда дебатируется вопрос, почему Пушкин, великий поэт, оказался «не нужен Западу», где он изучается, переводится, но не занимает положения, достигнутого, скажем, Толстым и Достоевским. (Даже Маяковский, пожалуй, воспринимается там лучше, чем Пушкин.) Английский славист Дж. Бейли предположил, что это потому, что Пушкин был в первую очередь великим синтезатором, «переводчиком« западноевропейской традиции на язык русской культуры, он, может быть, не создал достаточно новых образов, дотоле не известных западному миру, хотя замечательно одарил нас всем тем, что ранее «не изъяснялося по-русски». Вот такой каприз истории культуры.

Что касается порнографии — Лимонов написал откровенно порнографический роман «Палач», выдержав все требования жанра. Роман мне кажется неудачным в отличие от автобиографического цикла — «Эдички», «Подростка Савенко», «Молодого негодяя», «Истории его слуги», где богатый анализ личности сочетается с интересной стилистической работой. Кстати, эти книги имеют действительный успех. Лимонов — один из очень немногих авторов, живущих в эмиграции на литературный заработок, причем в основном от переводов на другие языки. Он поставил себе задачу стать профессионалом и стал им. Один наш с ним общий знакомый, видный американский химик, читающий по-русски, повидав Лимонова в Париже и посетив его «творческую лабораторию», то есть довольно скромную квартирку, потом говорил мне: «По-моему, он все это просто выдумывает»,— имея в виду под «всем этим» порнуху, жестокость, унижения, извращения. Он был поражен, увидев такого аккуратного профессионала, весь день проводящего за своим литературным станком. То есть Лимонов — человек и профессионал — совсем не то же самое, что персонаж Эдичка, которого он в своих произведениях подвергает жизненным экспериментам.

— Новый тип менталитета и отношения к писательскому труду, не свойственный отечественной культуре?

— Пушкин, один из первых профессионалов в русской литературе, писал: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Вот эта линия, профессиональная, а не небожительская, становится актуальной в новой, рыночной ситуации. В этой менее «духовной» и более деловой культуре писателю предстоит занять свое место не пророка, а профессионала. Писатель в конце концов будет именно писателем, а не «сразу всем».

— Публицистика Лимонова — это тоже дань рыночной ситуации?

— Провокационный вопрос? Честно говоря, его публицистика меня всегда интересовала во вторую очередь: «высокая страсть» литературоведа — «для звуков жизни не щадить», то есть предпочитать литературу политическим и идеологическим баталиям. Публицистика Лимонова, на мой взгляд, ниже критики. Подобно многим русским авторам Лимонов-«гражданин» сильно уступает «поэту». Я знаю, есть мнение, что, мол, суть его литературной и публицистической продукции едина. Для меня это значит лишь, что на скрипке его тема звучит хорошо, а на барабане — плохо; тем хуже для барабана. Писатель он настоящий, а я как литературовед считаю, что хорошо, когда хороший роман или рассказ, а когда плохая статья — Бог с ней.

— Последний вопрос. Сколько все-таки сегодня русских литератур — две или одна?

— Я думаю, что литература на русском языке едина. Кстати, сейчас возникает некая новая эмиграционная волна, если можно ее так назвать: все больше писателей, пользуясь открывшейся дверью, проводят за границей значительную часть времени, работают на Западе, печатаясь и здесь, и там. Я думаю, что это процесс вполне естественный, имеющий, кстати, корни в русской литературной традиции. Например, Тургенев, Гоголь и многие другие писали за границей, и отлучать их за это от родной почвы никому не приходило в голову. Совершается нормальная космополитизация культуры — вполне закономерная, происходящая во всем мире, ибо культура по сути своей стремится выйти за национальные и государственные границы. Американец Генри Джеймс жил и писал в Европе, вспомните Хемингуэя, Пикассо...

(Интервью печатается с сокращениями)

Юрий ЛУШИН,
собственный корреспондент «Огонька»

Я ехал из Небит-Дага в Челекен. Асфальт шоссе раскалился, словно железный лист на прокатном стане. Дорога пересекала пустыню, и не верилось, что в двадцатые годы нашего века на ее месте плескались воды Каспия, по которым сновали таймуны — остроносые узкие лодки туркменских рыбаков, что полуостров Челекен был островом. Но так было. Теперь, похоже, история повторяется.

Наверное, эту дорогу я вижу в последний раз, ее на отдельных участках уже заливает. Дорогу пытаются спасти, оградить дамбами. Не знаю, надолго ли. Тем же способом спасают буровые вышки, нефтепромыслы, компрессорную, которую построили почему-то в самой низине. Море наступает, то тихо, по-партизански, просачиваясь между барханами, то откровенно и мощно захлестывая волнами берега и все, что на них находится.

Я видел на мысе Хелесс затопленные и разрушенные стихией многочисленные базы отдыха различных туркменских предприятий. Грустная картина. Видел, как в поселке Карагель перевозили тракторными поездами дома в безопасное место. А вот в порту Аладжа это невозможно, тут дома многоэтажные, каменные, их не перевезешь...

Похожая картина в городе Челекене, где лишь воспоминания остались от набережной, летнего ресторана, стадиона,— все под водой. Море угрожает смыть очистные сооружения, их пытаются аврально защитить. На все это с высокого холма равнодушно взирают великий вождь Ильич и великий пролетарский писатель Горький, совмещенные почему-то на одном постаменте. Писатель, возможно, обдумывает очередную несвоевременную мысль, а вождь в пику ему очередной декрет. Увы, ни то, ни другое не принесло народам счастья.

МОРЕ НАСТУП

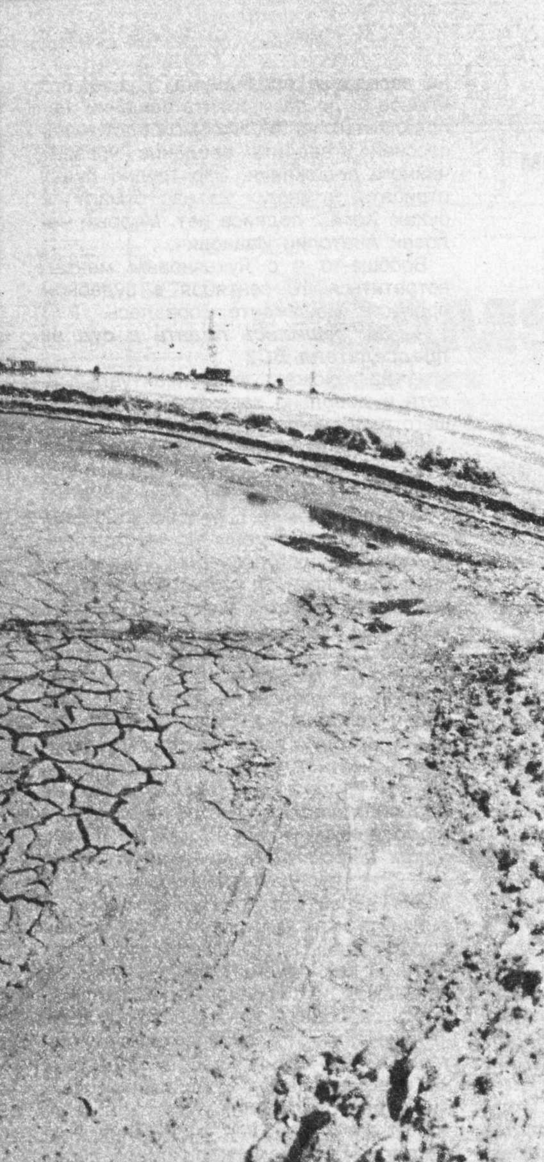

А море наступает, и с этим ничего не поделаешь. Море наступает, круша придуманный уходящим в историю социализмом постулат: «Мы не можем ждать милостей от природы...» Парадокс в том, что ныне все живущие у Каспийского моря мечтают именно о такой милости, гадая, когда же прекратится подъем уровня воды. Между тем Каспия становится с каждым днем и часом все больше. Морская вода затапливает в Туркмении, Азербайджане, России, Казахстане целые поселки, трубопроводы, предприятия, нефтепромыслы, заповедники. Наступление моря продолжается вот уже тринадцатый год, и никто не знает (ни ученые, ни практики), когда оно прекратится.

Впрочем, о капризах Каспия известно давно, многие столетия, и странно, что о них как-то забыли в советскую эпоху. Но природа неподвластна смене общественных формаций, она живет по собственным законам, часто непонятным человеку. Забывать о них нельзя, иногда такая забывчивость просто преступна. Люди, обитающие на берегах моря, издавна строили дома на сваях. Они знали, что море обязательно когда-нибудь подойдет к их домам, превратив улицы в каналы, а через несколько лет отхлынет, вновь обнажая дно. Какие причины вызывают эти приливы и отливы? Современные ученые полагают, что дно под Каспием «дышит», подчиняясь колоссальным тектоническим процессам. Дно то проседает, вызывая понижение уровня воды, то вздымается, заставляя море как бы выплескиваться. Цикл дыхания Каспия повторяется через каждые 70—120 лет. Предполагают, что нынешний подъем воды продлится еще лет двадцать. Тогда неминуемо Челекен вновь превратится в остров...

Да, история повторяется. Но только очень хочется, чтобы люди нового века не повторяли наших просчетов и не запрещали несвоевременные мысли, как это случалось в нашей загадочной стране Ильичей и Кузьмичей.

Фото автора

АЕТ

ЧЕЛЕКЕНЦЫ!
ПРАКТИЧЕСКИМИ УСПЕХАМИ ИНИЦИАТИВНОЙ
РАБОТОЙ ЗАКРЕПИМ ДОСТИГНУТЫЕ УСПЕХИ!

С народным депутатом СССР Сергеем БЕЛОЗЕРЦЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Ирина ЖУРАВСКАЯ.

«МЫ ЗАГЛЯНУЛИ В ЛИЦО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ...»

Его не встречал овациями этот зал с электронным табло. Он раздражает, действует на нервы. Может, не нравится рост — как нависает над микрофоном. Может, прическа — дерзкий эпатаж на фоне чинных рядов. Его вычеркивают из разных ответственных списков — до и после «трех дней». Ему выключают микрофон — тоже до и после.

Но ровно год назад, за три месяца до отставки-предупреждения Шеварднадзе, депутат Белозерцев дал стране информацию, которая, возможно, сыграла роль не меньшую. Во всяком случае, осенне-полевые маневры, известные в народе под кодовым названием «картошка в мундире», обошлись без последствий. Тогда...

— Я, честно говоря, каждый раз поражалась, ну откуда у Белозерцева все эти сведения? Собственная разведка? Сеть агентуры? Был бы хоть военным, служил бы в органах — понятно. Так нет, кандидат философских наук...

— А вы считаете, народный депутат может довольствоваться той кастрированной информацией, которую поставляет наш секретариат, сплошь состоящий из чекистов и цекистов? Естественно, депутатам, которые приезжают сюда работать, правдивую информацию приходится добывать самим.

Я профессионально занимался методологией социального предвидения, кандидатская была отчасти этому посвящена. Так что представление о ценности правдивой информации имею. Равно как и о способах манипулирования общественным сознанием, чему должно служить просеивание фактов.

А источники? Тут уж как-то само получалось. Вот недавно у меня появилась новая группа, скажем так, добровольцев — сотрудники КГБ в одной из республик. Они мне рассказывали, как вычисляли депутатов. Тщательно анализировали все выступления с трибуны, в печати. Круг заслуживающих доверия сужался, пока не дошел до трех человек. Один из них был я. Сразу после первого съезда, после первых моих выступлений люди стали обращаться, пошла информация. Многим довелось помогать — и военным, и сотрудникам КГБ. Их ведь вышвыривают, невзирая на какие-либо законы,— «за дискредитацию...», самая популярная в армии, милиции и КГБ формулировка. Или диагноз. Хотя и то, и другое — плата за инакомыслие. Когда кому-то удается помочь — это не забывают.

— Августовский переворот вы тоже предвидели?

— Я ждал его в сентябре, в годовщину «картофельного» передвижения войск. Слишком сильный резонанс вызвало решение Язова о призыве студентов в армию. Просчитывал, что будут спровоцированы волнения и вслед за ними — силовая атака. Проговаривался и «Союз». Еще на прошлой сессии разозленный Коган как-то процедил сквозь зубы: «Скоро вас, демократов, по всей стране гонять будут». Было кое-что и посерьезней. Я уже сообщал, что есть сведения о встрече «Союза» с Крючковым еще перед референдумом. После чего один из наших бравых полковников в некоем городе за Уральским хребтом рисовал перед личным составом КГБ довольно похожую на путч, только более четкую картинку переворота, который, кстати, должен был пойти в два этапа. Так что было и есть над чем поразмыслить. Сейчас сотрудники КГБ дают показания.

— Вы ждали событий на месяц позже, но в одном из интервью Олега Калугина я прочла, что даже он узнал о перевороте «из аппарата Белозерцева».

— Да, мне тоже ребята позвонили в Петрозаводск сразу в 6.20, девятнадцатого. И все-таки после... Хотя мы могли узнать об этом еще накануне...

— То есть?

— Понимаете, еще 16-го числа Ельцину от моих... ну, друзей было послано пространное письмо спецсвязью с описанием того, что может случиться. Даже число называли. Не дошло. Восемнадцатого, в первой половине дня, они, оказывается, отправили четыре телеграммы — Ельцину, Хасбулатову, Руцкому и мне. Все мимо. Ни один не получил.

Трудно сказать, где перехватывали, надо разбираться. У Ельцина одно время вообще начальником секретариата был, как оказалось, сотрудник КГБ. После скандала с аппаратурой прослушивания, правда, сразу уволился и подался в родную контору. Но, может, не он один... Мы вообще как-то легкомысленно относимся ко всем этим аппаратам, секретариатам... Может, теперь научимся.

— Петрушенко в кремлевском фойе 26 августа заявлял определенно: путч провалился, потому что генералы его делали, у полковников бы все было иначе. Вы тоже считаете, что орудовала компания дилетантов или опереточных статистов?

— Нет, задумано все было достаточно серьезно. Хотя странностей и нелепостей тоже хватало. Я сумел добраться до Москвы только 20-го. Самолет садится в Быкове, была мысль: сойду с трапа — и под арест. Уж чего проще, там никуда не денешься. И ведь действительно, как выяснилось в тот же день, постановление о моем аресте было уже подписано генералом Калининым. Однако добрался. Узнал, что Гдлян арестован, что в списках — Иванов, Калугин, отец Глеб...

Надо было как-то действовать. Поехали с Николаем Ивановым и еще одним депутатом Гдляна выручать.

— К Калинину поехали? Который и постановил вас арестовать?

— О том и речь. Нелепо, но что делать? Предложили съездить одному депутату, которого, как выяснили, в тех списках нет. Он отказался. Пришлось самим. Подъехали к штабу — не пускают: совещание. Два часа проторчали, с сотрудниками поговорили. Многие сочувствовали, жаловались, что у них даже радиоточек нет, втихаря проносили транзисторы, «вражий голос» слушать. Никто нас так и не принял, хотя, спасибо, и не арестовали. Бред какой-то.

Но это не от того, что плохо рассчитано. Скорее от того, что не знали тех, на кого рассчитывали. Не понимали, что та самая армия, которую разлагали в течение стольких лет, бросая на безобразия, может остановиться. Не понимали, что люди, прошедшие Афганистан, большинство из них, уже никогда не станут бессловесным орудием в чьих-то руках. Не понимали, что даже после Вильнюса, Карабаха, Тбилиси солдат не посмеет пройти через живой заслон людей. Не догадались, что сами эти люди верят уже далеко не каждому голосу, вещающему по центральному радио. В той стране, которую они бережно хранили в своем воображении, все бы получилось. Но ее уже не было.

Хотя... Да, в лицо гражданской войны мы заглянули. Мне рассказывал депутат России (жаль, в той горячке не запомнил его фамилию), что один из трех убитых ребят был его одноклассником, а в БТР, который двигался рядом, сидел парень с его двора... Я знаю, что и в Москве пытались действовать теми же способами, что в Азербайджане, где наших ребят, шедших на операцию по выселению армян, офицеры, подгоняя, били в спину пистолетами. Один солдат был застрелен в эти дни в Москве. Так что не надо про оперетту...

— Мне запомнилась одна телеграмма, пришедшая в Кремль в дни заседаний внеочередной сессии: «Сначала было смешно, потом стыдно, теперь страшно». Это — о самой сессии. Судя по тому, как она проходила, казалось, что, соберись парламент даже 19-го, к 26-му успели бы обсудить лишь повестку дня...

— Ну почему? Я совершенно уверен: если б собрались, тут же бы дали добро на чрезвычайное положение.

— В таком случае, похоже, Лукьянов поистине спас ситуацию? Неплохой аргумент для защиты Анатолия Ивановича.

— К тому же он ссылается на известный указ Ельцина от 20-го, в котором сказано, что Лукьянов размежевался с путчистами. Непонятно только, почему и до этого, 19-го, и после, 20-го, 21-го, в телефонных разговорах с депутатами он настойчиво убеждал, что действия ГКЧП абсолютно конституционны. Когда группа депутатов пришла на заседание президиума, у всех его членов было два проекта решений, направленных на то, чтобы предстоящей сессией утвердить введение чрезвычайного положения. Это трудно будет отрицать, у многих из нас бумаги на руках. Хотя... подписи нет. Мудрый человек Анатолий Иванович.

Вообще-то я с Лукьяновым мечтал встретиться 10 сентября в судебном процессе. Но, видите, сорвалось.

— Вы решились подать в суд на председателя ВС?

— Да, сюжет уже неактуальный, хотя и довольно характерный для нашего парламентского облика.

Дело в том, что Анатолий Иванович в марте одним росчерком пера оставил депутата Белозерцева без работы. В феврале комитет по законодательству пригласил меня на постоянную должность, проголосовали, утвердили, внесли в списки. Я, уволившись с прежнего места в Петрозаводске, приступил к работе, а через месяц председатель, просматривая списки, изволил меня вычеркнуть. Это было абсолютно не в его власти, но аппарат, естественно, принял к исполнению. Началась обычная возня, которую я и предполагал закончить в честном судебном процессе.

— Я думаю, вы не случайно на пресс-конференции Горбачева после Фороса задали ему вопрос об источниках информации президента?

— Это был даже не вопрос. Я уже давно через его советников пытался выяснить, как поступает информация. Глухо. Результат мы все получили в августе. Я послал ему большую записку, доказывая, что президенту необходимо иметь свободные каналы информации, идущие даже от политических оппонентов. Так как именно они заинтересованы в его адекватном восприятии действительности и меньше всего, в отличие от его ближайшего окружения, беспокоятся о том, насколько это будет ему приятно. По-моему, он меня не понял. Сразу после встречи подошел товарищ из аппарата ЦК и намекнул на новое назначение: ты, говорит, только подойди сразу, а то забудется. Видимо, он что-то уловил, только аппаратчикам понятнее, в пространной речи Горбачева. Не пошел я, естественно.

Вообще же аналитические службы государственным институтам нужны как воздух. И, кстати, о жизнеспособности и политической зрелости новых республиканских властей тоже можно будет судить по их отношению к каналам информации. Вполне допускаю, что какая-то часть наших новых демократических лидеров или их окружения тоже поддастся искушению дозировать информацию по собственному усмотрению. Это опасно в первую очередь для них самих.

Мне кажется, еще в дни путча серьезные возможности были упущены. Уже 21-го вполне можно было взять под контроль архивы КГБ. Многое удалось бы сберечь от уничтожения.

Как-то я обратился к Крючкову с просьбой дать информацию об агентуре КГБ среди российских и союзных депутатов. Он, естественно, не ответил. Теперь и Бакатин без особого энтузиазма воспринял тот же вопрос. Я его понимаю: не хочется «охоты на ведьм», раскола в обществе и т. д. Но ведь речь идет о политической агентуре в высших органах власти. Не надо всенародных разоблачений, пусть уйдут. Обманув избирателей однажды, мы не имеем права и дальше эксплуатировать их доверие. Тем более что все это отнюдь не безобидно. За время своего депутатства я наблюдал не только «подрывную» деятельность в парламенте, но и провоцирование разрушительных процессов в демструктурах: сталкивают течения, пытаются пролезть ближе к финансам, блокируют информацию. Есть авторы, есть сценарии. Будем закрывать глаза?

Не знаю, как там насчет красоты, которая спасет мир, но честная информация, во всяком случае, поможет ему уцелеть.

Леонид ПРУДОВСКИЙ

МОНУМЕНТ ИЗ МОЕГО КАРМАНА, ИЛИ ПЛЮС ЛЕНИНИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ

Когда я жил в Измайлове на Первомайской улице, на моем доме — на самом верху — было огромными буквами написано: «Слава», а на доме напротив: «КПСС». Прожил я там много лет и всегда, объясняя, как ко мне добраться, главным ориентиром называл «Славу».

Мы проходили мимо годами не сменявшихся «Планы партии — планы народа!», «Верной дорогой идете, товарищи!», абсолютно кафкианского «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!», но и мимо тех, где с очередным съездом подставляли палочку или загогулину: «Решения XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII съездов — выполним!» Много еще чего было.

И вот их нет с нами. Будто и не было. Мы так легко смирились с этой невосполнимой утратой. Теперь, если где и встретим давнего нашего знакомца, шарахаемся, как от нечистой силы.

Но давайте зададимся вопросом: кто-то ведь все это делал? На эту безудержную «Славу» шли материалы

и энергия, рабочее время и зарплата. Каждый год все это красилось заново. А сколько бредятины вывешивалось к праздникам!

Каждый день, выходя из подъезда, я вижу памятник Ленину. Он стоит прямо во дворе. Этакий бодренький Ильич в полный рост, канонически простирающий руку. Раньше напротив него стоял Сталин, и вождь, воздев персты, указывал нам на продолжателя своего дела. Потом продолжателя убрали. Так что теперь он направляет массы в стену соседнего дома.

Зная расценки художественного фонда, я могу сказать, что если бы этот памятник возводили году в семьдесят девятом, то он обошелся бы совсем недорого — тысяч в тридцать. Такие Ильичи раньше стояли во многих дворах. Работа эта, конечно, оплачивалась, и оплачивалась неплохо, но все это мелочевка, какой занимались холодные сапожники от скульптуры; а то и просто: отливались стандартные изваяния на художественных комбинатах, а потом централизованно рассылались по дворам. В сороковых, пятидесятых, шестидесятых, да, пожалуй, и в семидесятых «дедушки» эти насчитывались десятками тысяч. Во дворе почти каждой школы стоял Володя-гимназист, а у детских садиков — кудрявенький мальчик лет пяти, уже и тогда подававший признаки гениальности. И никому даже в голову не приходило задать простой вопрос: а на какие деньги это все воздвигается?

Деньги, впрочем, брались из разных смет: на благоустройство — вместе починки тротуара или ремонта канализации, из средств на культуру — вместо ремонта клуба или пополнения экспозиции музея, ну и так далее. Но — что характерно — никогда за это не платила партия, чьим вождем был растиражированный Владимир Ильич.

Собственно, великий вождь и учитель сам сподвиг народ и партию, которые, как известно, едины, на это расточительство, выдвинув еще в восемнадцатом году грандиозный план монументальной пропаганды. Страна гибла от голода и войны, в домах стояла лютая стужа, и именно в этих нечеловеческих условиях Ильич решил, что ничего важнее монументальной пропаганды сейчас нет. Мы видели в хронике и на фотографиях торжественные открытия этих памятников, монументов и мемориальных досок. Думаю, что и тогда это было не бесплатно!

В Энциклопедическом словаре 1954 года, где уже нет Берии, но еще есть Молотов и Каганович, в статье «Монументальная пропаганда», в частности, сказано: «Бездеятельность некоторых работников Наркомпроса, распространение среди скульпторов формализма затруднили осуществление монументальной пропаганды. Тем не менее монументальная пропаганда осуществлялась и сыграла огромную роль в политическом воспитании масс, в развитии советского искусства по пути развития реализма и служения народу».

Слава вам, безвестные работники Наркомпроса и скульпторы-формалисты! Низкий вам поклон! Может быть, благодаря вашей бездеятельности и формализму закуплены лишние мешки муки и тонны мяса и масла. Может быть, благодаря вам, и только вам, живы и здравствуют ныне потомки тех, кто в 1918—1920 годах не умер от голода и холода.

В тридцатые годы монументальная пропаганда была поставлена на поток, и с тех пор поток этот более не прерывался. Не остановлен он и по сию пору: на одно из самых бездарных по своей грандиозности и длительности строительства сооружений — памятник Победы на Поклонной горе по состоянию на лето 1990 года уже затрачено около шестидесяти двух миллионов рублей, что составляет всего лишь сорок процентов от сметы, и вложения, вбухивания наших с вами денег продолжаются. Знающие люди сказали мне, что если памятник когда-либо будет достроен, то смета перекроет первоначальную минимум в три раза, то есть это сооружение обойдется нам — и без того обобранным и бедствующим — миллионов в 350—400.

Недавно Николай Губенко гордился тем, что на 1991 год ему удалось выбить на культуру — для всего СССР — около 130 миллионов. На всю культуру! На музеи и театры, выставки и библиотеки, клубы и кинопередвижки — на все!

Вот уж воистину — «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью!». И ведь сделали, да с таким блеском, с таким размахом и в таких масштабах!..

Но прочь эмоции! Давайте вступим в экономическую область! Холодной рукой, чистой головой и горячим сердцем — или как там у славных чекистов — прикоснемся к великому процессу ленинизации всей страны.

Сегодня у нас в стране около шести с половиной тысяч городов и поселков городского типа. В каждом из них есть хотя бы один памятник Ильичу и один монумент Славы. Во многих — два-три, в других же — десятки. Особенно бурно эта монументализация развернулась с созданием Союза художников и художественного фонда. Фонду надо было откуда-то брать деньги, чтобы кормить армию художников, составлявшую в 1989 году более двадцати двух тысяч человек. Страна у нас плановая, и заработки в ней тоже планируются. Так вот, на этих творцов, этих народных любимцев и избранников богов планировалась зарплата в четыреста рублей в месяц. Деньги можно было взять во все времена только из нашего с вами кармана. Больше неоткуда. И здесь мечты художников и водителей нашей партии слились воедино: партия мечтала благодетельствовать свой неразумный народ монументальной пропагандой, а художники — получать деньги.

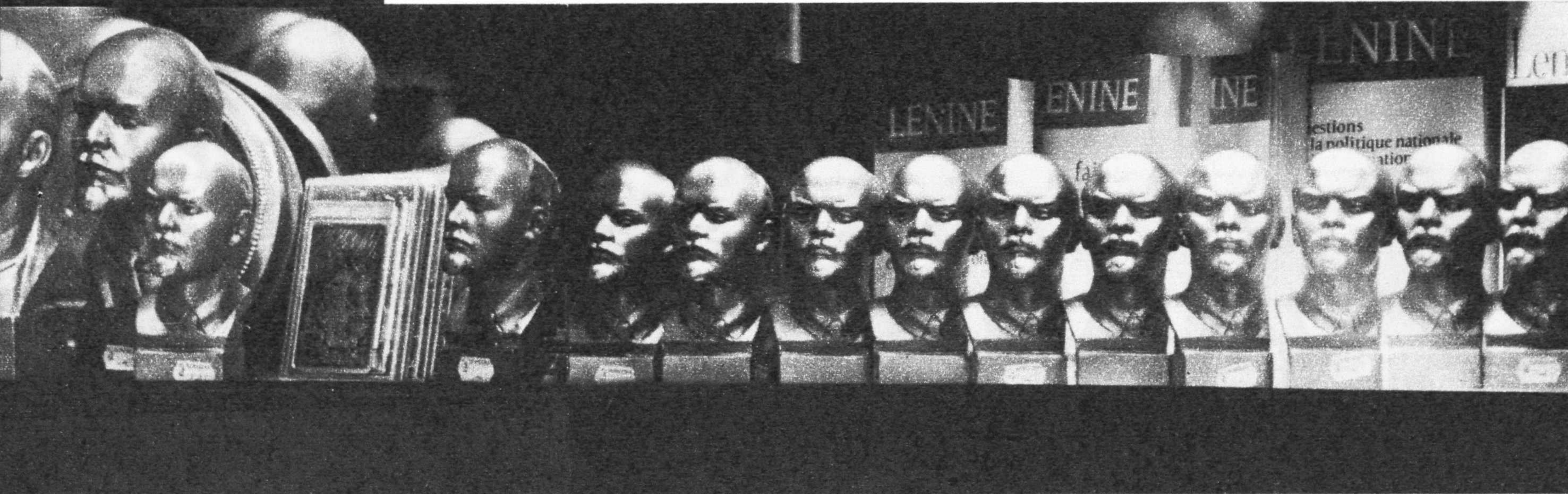
Художественный фонд СССР законно гордится тем, что не получает ни копейки дотаций из государственного кармана. До недавнего времени — пока республики не заявили о своем суверенитете — его прибыль составляла около трехсот миллионов ежегодно. Более половины этой суммы шло на зарплату и гонорары, еще десять миллионов — на закупку картин, пять миллионов — на содержание аппарата и довольно большая часть — на закупку оборудования для художественных комбинатов, по сути, заводов, серийно выпускающих все то же пропагандистское искусство.

У прекрасного режиссера и тонкого фотохудожника Тофика Шахвердиева есть фотография, сделанная в цехе готовой продукции одного из таких комбинатов. На ней столько знакомых лысин, что все это более всего напоминает огромную картонку с яйцами.

Сейчас в стране нет учреждения — а их миллионы,— в актовом зале или ленинской комнате которого не стоял бы бюст вождя мирового пролетариата. И опять-таки никто не задумывался над тем простым фактом, что бюсты эти не валились с неба, что их кто-то сделал, получив за это деньги, что для их изготовления расходовались материалы и электроэнергия, транспорт для перевозки, что были заняты продавцы и складские рабочие. И все это опять из нашего кармана. Никто не задумывался, что для того, чтобы поставить бюст в актовом зале, его надо было сначала купить, а это — даже и в годы без инфляции — обходилось от трехсот до полутора тысяч рублей, в зависимости от размера, за серийный, сделанный на конвейере бюст. И оплачивали это не парткомы: партия не может позволить себе такого расточительства, а сами предприятия и учреждения, лаборатории и институты. Чаще всего это делалось из денег на так называемый соцкультбыт — то есть на лечение и путевки, экскурсии и спортивное оборудование. Из этих же средств оплачивались и оплачиваются все портреты вождей разного ранга, висящие в кабинетах начальства.

Невелика цена серийному типографски отпечатанному портрету вождя в багетной раме — десятка, но ведь их десятки, если не сотни миллионов! На демонстрациях мы тоже несем вождей, и оплачены они тоже из моего кармана, и горящая яркими огнями «Слава КПСС» в дни иллюминаций тоже

Фото А. БЕЛЕНЬКОГО

украдена у меня — от электроэнергии до последней лампочки.

Как видите, счет пошел на миллиарды.

Но давайте задумаемся: а отчего это вдруг тысячи художников-творцов, славящихся во всем мире своей независимостью, вдруг воспылали с середины тридцатых такой всенародной любовью и, оставив прочие творческие планы, бросились писать маслом и рисовать карандашом, ваять и выкладывать из шпона ценных пород дерева в технике маркетри одни и те же изображения? Что сподвигло их к этакой всенародной любви?

А вот что: в плановом хозяйстве всякая работа жестко регламентирована, в том числе и по расценкам. А расценки эти составлены таким хитрым образом, что за самый гениальный натюрморт или пейзаж художник всегда получит меньше, чем за рядовой портрет вождя или картину на партийно-патриотическую тему. И не просто меньше, а меньше в несколько раз. Скажем, какая разница — сделать эскиз мозаики пейзажной или многофигурной композиции и группового портрета? Эскиз — он и есть эскиз. Но за эскиз группового портрета художник получит до двух тысяч — по расценкам 1986 года, а за пейзаж больше тысячи — никогда. В монументально-декоративной живописи, в скульптуре и еще нескольких видах изобразительного искусства оплата идет поэтапно, и об эскизе уже сказано. После этого делается картон — это изображение будущего шедевра в натуральную величину. И платят здесь за квадратный метр высокохудожественной продукции. Ну примерно как в магазине тканей. И это само по себе является полным театром абсурда. Но в этом театре за квадратный метр вождя или историко-революционной темы дают до тридцати рублей, а вот за ту же площадь пейзажа — лишь до десяти. Но дальше, дальше, дальше — здесь начинается самое интересное — воплощение в материале! Здесь самая большая оплата и самые большие хитрости. Скажем, за тот же групповой портрет и историко-революционную тему в технике римской мозаики можно получить до пятидесяти семи рублей за квадратный метр шедевра, а за пейзаж или натюрморт даже и по самой высшей группе более 38 рублей за метр не получишь.

А теперь давайте вспомним, что оценивают и относят к группам оплаты произведения искусства худсоветы, состоящие из цвета Союзов художников, и Министерство культуры. Кто у нас до недавнего времени был цветом, кого награждали орденами и лауреатствами — думаю, объяснять долго не надо. Отбор здесь был суровым, и даже такой занятой человек, как нарком Ворошилов — сталинский сокол и великий полководец,— даже он нашел время, выкроил от государственных забот, дабы лично озаботиться назначением первого президента Академии художеств. Партия всегда торжественно провозглашала, что искусство и идеология неразделимы. Так что и оценивали, и относили к группам оплаты люди партийно-государственные. И уж они никогда бы не допустили безыдейности и мягкотелости, сползания в болото ревизионизма и аполитичности. Аполитичность наряду с пацифизмом была в этих кругах одним из самых страшных ругательств.

Система работала с четкостью ружейного затвора, отсекая вредное и посылая в патронник лишь нужное партии и народу.

Оглянитесь вокруг — вас окружают мозаики и интарсии, маркетри и витражи, росписи и эмали. И почти на всех — знамена и колосья, армия и бодрые пролетариат с крестьянством, вожди и революционные действа. Все это стоит миллиарды рублей и оплачено из моего и вашего кармана!

Когда я брал интервью у народного художника и Героя соцтруда Дмитрия Налбандяна, он сказал мне обиженно, что за картину с изображением Ленина Министерство культуры СССР в 1988 году заплатило ему всего шесть тысяч рублей. «Я теперь больших картин писать не буду! — экспансивно воскликнул он.— Конечно! Зачем писать большие, если они так платят!» Вот и вся всенародная любовь!

Худсоветы были идеологическим рычагом партии, заставлявшим художников посредством расценок выполнять вполне определенную — нужную КПСС — работу. При этом не забудем, что худсовет своей властью мог увеличить оплату в полтора раза, а мог и уменьшить ниже низших расценок, а Министерство культуры и Советы Министров имели право увеличивать оплату даже и втрое.

Расценки на изобразительное искусство всегда подстраивались под время — колебались вместе с линией партии. Скажем, в семидесятых — начале восьмидесятых годов линия партии состояла в многократном награждении вождей званиями героев Советского Союза и соцтруда и сооружении бюстов на их родине. Расценки откликнулись мгновенно! Процитирую выдержку из первого раздела ставок авторского вознаграждения за создание скульптурных произведений от 1979 года:

Первая стадия: эскизный проект.

Бюст дважды Героя Советского Союза и Героя соцтруда — в **две** натуральные величины — до 1100 рублей.

А просто памятник-бюст, но уже — в **три** натуральные величины — лишь до девятисот рублей.

Создание модели памятника в натуральную величину:

Бюст дважды Героя — в 2 натур. величины — до 2200 рублей, а за бюст, скажем, какого-нибудь Моцарта или Толстого, но уже — в **три** натуральные величины — до 1800 рублей.

Какой же дурак после этого станет ваять Толстого, а не Брежнева или Рашидова!

Но и все эти бюсты, мозаики и интарсии — тоже не шибко крупные дела. Подумаешь, каких-то сто — сто пятьдесят миллионов в год на них тратилось. Да и дело это частное. Можно сказать, внутреннее дело Союза художников.

Значительные произведения, такие, как, скажем, монумент на Мамаевом кургане, картина «Взятие Зимнего» или оформление Генштаба, или Дворца съездов, заказывались на государственном уровне и стоили на порядок, а то и два дороже рядовых вождей и героев.

Сейчас я хочу рассказать вам историю сооружения главного монумента социалистического Отечества.

История эта началась очень давно. Еще в 1956 году Совет Министров СССР издал постановление за номером 1653 о сооружении памятника Владимиру Ильичу Ленину в Москве. Как водится, был проведен конкурс, на устройство которого затратили десятки тысяч рублей, раздали премии, и победила вроде бы группа в составе Бабурина, Головницкого, Кибальникова и Томского. Но одновременно проект монумента поручили делать и Коненкову.

Честно говоря, даже мое сознание — человека, выросшего в тоталитарной стране,— не в состоянии было вместить грандиозности его замысла. Представьте: по Ленинским горам, там, где сейчас трамплин, спускаясь к реке, должна была разместиться чуть ли не двухсотметровой ширины величественная мраморная лестница, на всем протяжении которой предполагалось установить сто пятьдесят фигур различных аллегорических, исторических, революционных и партийных деятелей, а на самом верху лестницу венчала циклопическая фигура «самого великого и простого».

То ли денег тогда не хватило, то ли в кровавой борьбе победила группа Бабурина со товарищи, но в 1968 году худсовет во главе с членом ЦК КПСС, министром культуры Екатериной Алексеевной Фурцевой рассматривал именно их проект и даже выплатил сорок семь тысяч авторского гонорара. Но дальше дело почему-то не пошло.

Вернулись к этому в самом конце правления Ильича Второго, продолжили при Андропове и Черненко, а закончили уже в правление нынешнего нобелевского лауреата. И снова был конкурс, но в отличие от предыдущего в нем одержали победу Кербель и Федоров, получив за это немногим меньше двухсот тысяч рублей гонорара.

Я позволю себе процитировать решение оценочной комиссии в составе Петрова, Хаджибаронова, Безобразова, Бродского и Козловского: «...авторское вознаграждение скульптору Кербелю и соавтору Федорову за создание модели в размер сооружения определить в сумме сто сорок тысяч рублей, учитывая общественную значимость сооружаемого монумента».

Надеюсь, вы еще не забыли, что оплата за модель в размер сооружения — это лишь один из этапов оплаты. Правда, самый значительный.

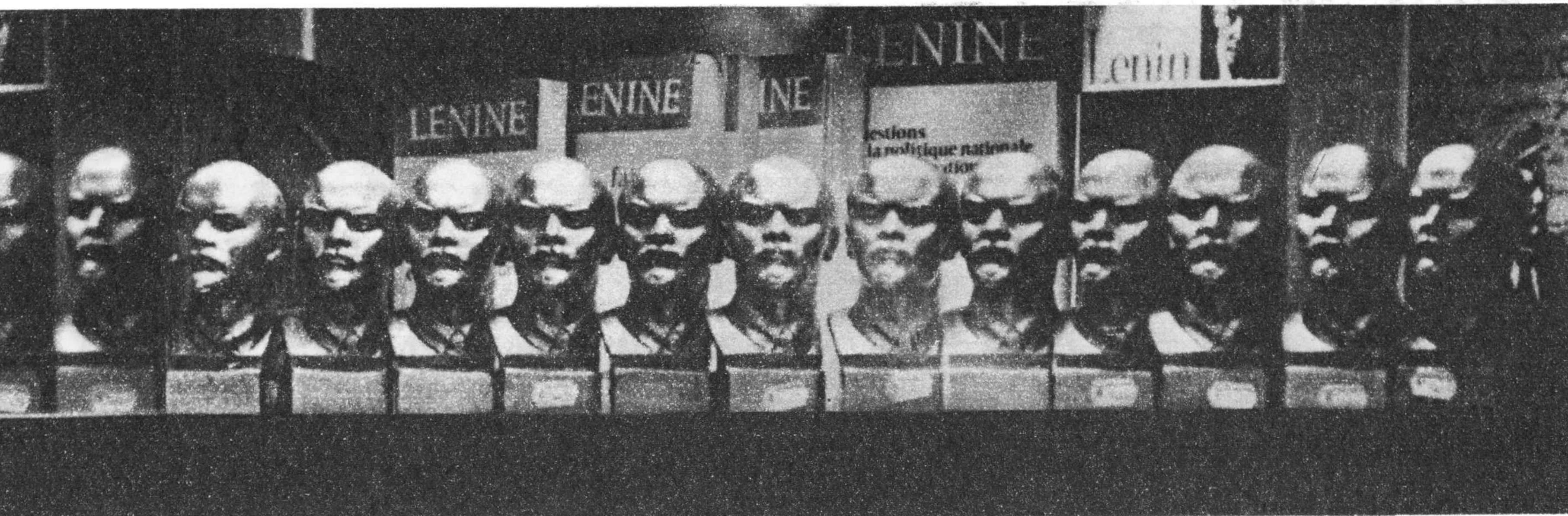
Чтобы установить вождя, как вы понимаете, необходимо было привести в порядок площадь, коей выпала столь высокая честь: перестроить вестибюль станции метро «Октябрьская», снести старую церковь, в которой помещался кинотеатр «Авангард», облицевать мрамором фасады домов, устроить фонтаны, проложить коммуникации и перевесить троллейбусные линии — много чего еще пришлось сделать! Руководил всем этим лично член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского горкома Виктор Васильевич Гришин. Делалось с размахом — в духе образцового коммунистического города. В общем, вся эта история встала нам с вами в сумму около пятидесяти миллионов рублей, что значительно превышает средства, которые так и не могут найти на ремонт Библиотеки имени того же Ленина.

Что же. Пора и подытожить сказанное: всеобщая ленинизация всей страны обошлась нам в такие страшные деньги, что если бы затратить их на увеличение пенсий и культуру, не сомневаюсь, мы сейчас жили бы в самой процветающей стране. Наши старики и инвалиды служили бы предметом зависти для прогнивших капиталистических режимов, а культура достигла бы таких высот и такой духовности, что только за право припасть к ней на Западе выстраивались бы годичные очереди.

Но ничего этого нет.

Каждый день, выходя из подъезда, я вижу памятник Владимиру Ильичу Ленину в своем дворе.

Февраль 1991 г.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

Объединение «МММ» предлагает:

компьютеры, совместимые с IBM PC/AT. XT с любой периферией, и оргтехнику.

А также широкий выбор:
дигитайзеров, пишущих машинок, электронных записных книжек, калькуляторов и т.д.

Без предоплаты. Оптовым покупателям предоставляется скидка.

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ?
МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

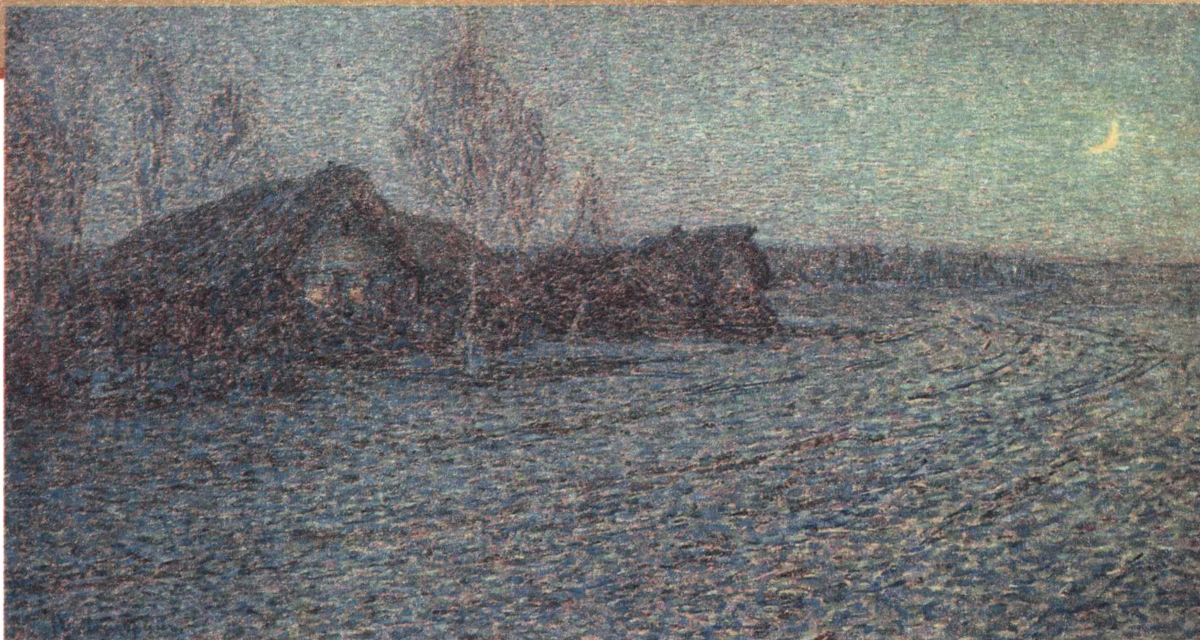
КОМПЬЮТЕРЫ
IBM PC/AT-286 – 44000 руб.
IBM PC/AT-386 (Винчестер 120 МБ. ОЗУ 4МБ, 25 МГц) – 107000 руб.
ПЛОТТЕРЫ
(графопостроители)
Формат А3 – 31500–33000 руб.
Формат AI – 107000 руб.
ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ
Формат А4
«LASERJET II P» – 51000 руб.
«LASERJET III» – 85000 руб.

КСЕРОКСЫ
Формат А4
«SHARP Z-50» – 28000 руб.
«CANON FC-2» – 30500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» – 62000 руб.
«CANON 1215» – 80000 руб.
ТЕЛЕФАКСЫ
«MURATE-M5» и «FI» – по 21500 руб.
АВТООТВЕТЧИКИ
«PANASONIC» – 7750–8000 руб.
ТЕЛЕФОНЫ
«PANASONIC» – 3400 руб.

Адрес: 109518 Москва, ул. Газгольдерная, 10
(проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»).
Телефоны в Москве: 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

«ЛУННАЯ НОЧЬ». 1905. Музей изобразительных искусств. Казань.

«ОКОЛИЦА». 1915. Орловская картинная галерея.

Николай МЕЩЕРИН (1864—1916)

Имя этого видного московского пейзажиста начала века сейчас мало кому известно. Между тем на Русской художественной выставке, показанной С. П. Дягилевым в 1906 году в Париже и Берлине,— там европейская публика впервые знакомилась с выдающимися образцами русского изобразительного искусства — среди древних икон, портретной живописи XVIII столетия и произведений художников круга «Мир искусства» было представлено пять работ Николая Васильевича Мещерина.

А еще за два года до этого события И. Э. Грабарь писал в Петербург к А. Н. Бенуа: «Мещерин очень талантливый, он был на «Мире искусства», и в Третьяковку его купили с выставки последней... Очень тонкий и не левитановец. Поэт».

Наконец, уже в 1917 году, А. М. Эфрос в журнале «Аполлон» сообщал: «С выставкой «Союза русских художников» можно быть критиком. Это самое дремотное явление в художественном ряду текущего года.

Что же осталось от «Союза»? Это можно сказать точно: четыре имени — Масютин .., Коненков... и главным образом два старых живописца — Остроухов и Мещерин... Работы Николая Васильевича Мещерина, скончавшегося в 1916 году, образуют на «Союзе» небольшую посмертную выставку этого серьезного и редко выступавшего перед публикой пейзажиста. Писать он стал в зрелых летах, и это сказалось в редкой продуманности замысла и в бережном техническом выполнении. Недолгую пору его пейзажи носили характер, свойственный левитановской полосе; затем plein air захватил его цели-

«ПОЛЯНКА». 1914. Музей изобразительных искусств. Казань.

ком, и Мещерин дал ряд прекрасных вещей в духе последовательного пленэризма».

Теперь, по прошествии многих лет, естествен вопрос: кто были те художники, среди которых взыскательный критик счел возможным выделить только четыре имени? Обратившись к каталогу выставки, мы найдем в нем произведения К. Коровина, Ф. Малявина, С. Жуковского, С. Малютина, С. Виноградова, А. Васнецова, Н. Крымова, А. Степанова, К. Юона.

Редко выступая перед публикой, Мещерин не был достаточно широко известен.

Как утверждал Грабарь, «он либо крайне неудачно и случайно, либо вовсе не представлен в наших музеях».

И сегодня лучшие из сохранившихся произведений Мещерина разбросаны по двум десяткам музеев, на расстоянии многих сотен километров одно от другого. Чтобы взглянуть хотя бы на некоторые из них, надо проделать целое путешествие.

В этой подборке представлены произведения художника, хранящиеся в различных картинных галереях страны.

Николай ГАГМАН

КОМПЬЮТРЕЙД ИНТЕРНЭШНЛ, США

Компьютеры нашей фирмы — ваши ангелы-хранители!

Фирма «КОМПЬЮТРЕЙД ИНТЕРНЭШНЛ», США, Нью-Йорк продает на советском рынке компьютеры, периферию, оргтехнику по оптовым ценам американского рынка.

Стоимость PC AT/286 с сопроцессором, двумя дисководами и широким принтером при поставке не менее 1000 штук — 1100 долларов США.

За советские рубли фирма поставляет сети LANTASTIC, ARCNET, ETHERNET, факс-модемные платы и другое оборудование.

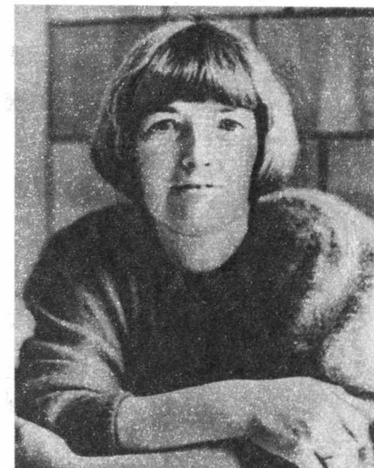
Гарантируется 3-процентная скидка на каждом последующем контракте.

Наши телефоны:
Нью-Йорк: (914)425-7035, Факс: (914)425-4051
Москва: 252-15-05; 401-81-79.

Лучшие из стихов московской поэтессы Натальи Аришиной — точные, умные, запоминающиеся — обладают, на наш взгляд, редкими качествами: предельной выверенностью строки, лаконизмом, которого не хватает современной «женской» поэзии, и легчайшей нерукотворностью, которая вообще мало кому дается...

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

КАКАЯ РАЗГАДКА У ЭТОЙ ПОРЫ?

Наталья АРИШИНА

ПАЛЕСТИНЫ

Наконец-то вернулись в свои палестины!
Ох и много в углах завелось паутины.
Тот дворец на холме от подземки дрожит.
Дом напротив обрушиться скоро грозит:
только мимо пройди или в голос аукни —
сверху валятся идолы, чертовы куклы.
Кто их наверх поставил, какой грамотей?
Сколько мы в палестинах видали затей...

Наконец-то в свои палестины попали!
Нас пытают соседи: «Вы где пропадали?
Цех пустует, безлюдной стоит слобода.
Озоруют пришельцы. Ну просто беда!
Никого не боятся, мошну набивают.
Всуе имя Господне везде поминают.
А чуть что — кистенем пригрозят невзначай.
А чуть что — инородец за все отвечай...»

* * *

У меня на подоконнике
створки мидий серебрятся.
Третий день одни покойники
мне к плохой погоде снятся.

Третий день — одни покойники.
Да покойники чужие —
злого времени невольники
на уплывшем Кунашире.

Духи с ликами унылыми
не хотят угомониться:
над японскими могилами
стынет спорная землица.

На окне моем разбросаны,
в лунном свете догорая,
створки мидии раскосые —
словно маска самурая.

* * *

Я снам не верю, но порою в них
такая сотворится мешанина,
такой коварный слепится подвох,
такой у сердца вдруг переполох
поднимется... Мертворожденной страсти
послед горячий окровавит ночь.
Проснусь в тоске от призрачной напасти.
Но — чур меня, и снов обрывки — прочь,
но стук сердечный мне не превозмочь.

* * *

Когда в убежище постели
окуклилась больная плоть —
в палату бабочки влетели,
пространства резвая щепоть.

Они растаяли с рассветом —
привет ни неба, ни земли.
Меня, баюкая при этом,
на перевязку повезли.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Юродствуя, она не служит Богу,
а стережет соседскую скотину,
юродивая девка с хворостиной,
в солдатских сапогах на босу ногу.

Ее, к походной кухне приохотя,
оставил гарнизон, снимаясь с места.
Созданье, не имеющее плоти,
всей части самозваная невеста.

Подвертывая новые портянки,
привычно и уныло засвистала
мелодию «Прощания славянки».
Прощанье — без конца и без начала.

СЕРАФИМА

Шестикрылой старуху
домашние звали с издевкой —
потому что была Серафима
врожденной чертовкой.
Девяносто девятый
пошел Серафиме годок.
Но до ста — не хватило силенок,
призвал ее Бог.

Вековала старуха неслыханно —
в старом режиме.
Домработница барыней
старую ведьму звала.
Приживалка ютилась при Симе.
Смерть их всех прибрала.

Сын ее, фронтовик,
муж жены молодой и красивой,
в одиночку справлялся
с обязанностью сиротливой:
сам-один снарядил Серафиму
в неведомый путь.
Заказал отпеванье,
но сам не сумел помянуть:
нынче водку добыть
тяжелее, чем мать схоронить.

Ты прощай, Серафима.
Соболезную сыну седому.
Он понуро с кладбища
дотащился к постылому дому.
След от перстня нерезкий
на гудящем потрогал виске.
Завтра будет невестка
в фамильном сиять перстеньке.

ПОЛЫННАЯ МАДОННА

Ни мертвая горечь полыни,
ни черная рама,
ни черного нимба свеченье,
ни жуткий Младенец —
ничто не сулило прощенья
Полынной Мадонны.
Да разве же я за прощеньем
сюда приходила?

Так видят затмение Солнца
сквозь черные стекла:
так сажа жирна
на поверхности
страшного диска.
В родимую прячась
скорлупку,
погасший Младенец
вот-вот эмбрионом свернется
в обугленном лоне.

Сюда,
где в миру обитает
владелец святыни,
сюда забрела я украдкой.
И первое слово,
до губ не добравшись,
в гортани
бесследно сгорело.

* * *

Ты, Нелли, уходила второпях.
Зачем, скажи, туда ты так спешила?
Последний раз гляжу на профиль твой,
прозрачный, острый, горько-неподвижный,
на тронутый румянами роток,
чуть приоткрытый, словно для дыханья
последнего.
И навсегда — за раму
открытого окна... Прости меня.
Здесь, посреди своих подруг постылых,
«Зачем,— спросила б,— топчутся они
у кружевного маленького гроба?
Как хороши их туфли фирмы «Габор»
и черные узорные чулки...»

* * *

Какая разгадка у этой поры? —
Обрушится мгла снеговая,
едва отцветут золотые шары
и злой колокольчик трамвая.

Теперь перестану менять адреса.
Пускай меня в справочник впишут.
И в хоре, где громко гудят голоса,
и мой колокольчик расслышат.

Трамвайных путей заживающий шрам
видать в слуховое оконце.
И плач домовых по снесенным домам
из всех дымоходов несется.

СТАРЫЕ ЗАВЕТЫ НОВЫХ СКАУТОВ

Скауты. 1913 год.

«Скаут» с английского переводится как «разведчик». Примерно в 120 странах их сейчас около 15 миллионов. Есть Всемирная организация. В последнее время возрождается и российский скаутинг.

Немного истории. Основатель движения — Роберт Баден-Пауэлл, английский офицер, отличившийся в англо-бурской войне. Умело организовав оборону города Маркинга, он поднял не только взрослых, но и мальчишек. Они поддерживали связь, ходили в разведку, помогали раненым. Впоследствии Баден-Пауэлл написал книгу о воспитании детей в духе служения Богу, родине, ближним, а в 1907 году организовал лагерь — сначала для бойскаутов, а потом и для герлскаутов.

Идеи Бадена-Пауэлла нашли распространение во многих странах. В России перед революцией их было уже около 50 тысяч. Они собирали и отправляли посылки солдатам на фронт, помогали раненым в госпиталях, семьям, оставшимся без кормильца. Затем одни эмигрировали, другие, оставшиеся на родине, ссылались в Соловки.

Организационные формы скаутинга копировали создатели пионерского движения. Звенья, отряды, дружины. Те же заветы — быть честным, помогать ближним, исполнять приказания начальников и родителей. На призыв «Будь готов!» скауты отвечали: «Всегда готов! За Россию!»

...Мне довелось несколько дней жить в скаутском лагере — стане Ярослава — в Калужской области, недалеко от города Козельска. Он показался неким пионерско-туристским гибридом. Палатки, место для линейки, флагшток, но с российским трехцветным флагом и иконой, изображающей Георгия-Победоносца, покровителя скаутов.

Распорядок дня: подъем, зарядка, уборка территории, завтрак. Но перед ним и после — молитва. В течение дня идет учеба — история скаутинга, России. Скаут должен уметь ориентироваться на местности, разжечь костер, поставить палатку. Руководители — общественники. Среди вожаков есть и бывшие комсомольские работники.

В российском скаутском движении несколько направлений. Одни связаны с религией, другие — без нее. Есть морские скауты. Стан Ярослава — лагерь Организации российских юных разведчиков (ОРЮР). Его руководители — потомки эмигрантов, живущих в США. Они считают, что сохранили традиции российского скаутинга, и сейчас пытаются вернуть их на родину.

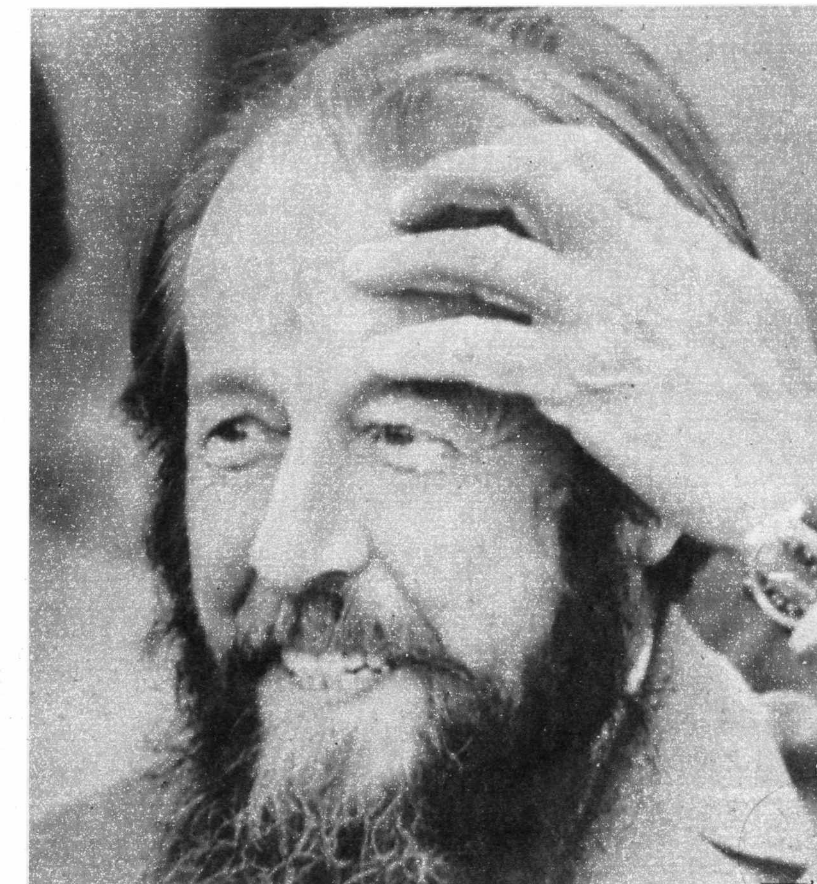
Возглавляет ОРЮР Георгий Лукьянов. Живет он недалеко от Нью-Йорка, по профессии физик и математик. С группой своих единомышленников он провел курсы для вожаков, подготовил их для работы с ребятами, вручил свидетельства, скаутскую форму.

Каждый день в лагере на линейке звучат слова: «Братья и сестры, помолимся за Россию!» И в ответ, несколько приглушенно: «Господи, спаси Россию!»

Владимир ВЕЛЕНГУРИН,
фото автора

ВРЕМЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

О Боже, перед кем везде
страданья наши
Как звезды по небу полночному
горят,
Не дай моим устам испить из
горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле
жгучий яд.
А. ФЕТ

По всему выходит: скоро вернется Александр Исаевич Солженицын.

Что-то сбилось в работе судьбы, рачительно размещавшей русский золотой запас в иноземные кладбища. Что-то сбилось, и — уже вернувшийся, осмотренный, зачисленный — он вдруг решил приехать сам по себе, поразив всех простой до грубости мыслью: а ведь он еще жив. Это так странно.

Зачем ему ехать? Звезда — она на небе звезда; ей, если и позволительно на землю, так и то падением, закатом, возвращением праха, книжками, юбилейными чтениями — что нам до человека? Ведь он успел взойти в небеса, его далекие от большинства книги сорвали далекие от большинства лавины; все, что суждено великое,— позади, зачем искушать судьбу? Неужто мало мы закрыли в последние годы книг, увидев тех людей, которыми дышали; неужто мало повисали наши приветственные кличи без ответа — убедившись, что грязи не убавилось, гости спешили восвояси.

Зачем унижаться участием в стране, где пророков не знают, где места в истории берут нахрапом, как места в вагоне гражданской войны: поезд подается под посадку, а там уже сидят! Нет, места еще остались, потеснимся, но только рядышком с нами, милости прошу к нашему шалашу, приезжайте! Зачем унижаться в стране, где высокое имя Сахарова не заслонило от панибратства новоявленных смельчаков и хамства вчерашних бессовестных ухарей?

Зачем размениваться на медь? Даже если он возвращается, не улучая расчетливо момент, чтобы сорвать куш пожирнее и выгодней расторговаться, даже если он возвращается согласно лишь внутреннему внезапному сердечному толчку, отстранившись от суетных свержений и судилищ, все равно: его ждут в строй или на плаху. Одни потирают руки: он им вмажет! Вторые точат любовно рогатину: он нам вмажет, а мы ему — под ребро! И все хлопают, согласно молясь: скажи, ну скажи, пусть он только скажет!

Хотя возвращение Солженицына-человека уже есть тревожное, мучительное трагическое слово, каким всегда было возвращение или невозвращение изрядника (изменника) в Отечество. И слово — пророческое, поскольку можно предположить, что изрядник — последний в славном ряду. Поскольку можно поспорить, какой он писатель, но неоспоримо его крещение церковью великой русской литературы, ее апостолами, святыми, богословами, старцами, еретиками; церковью, от которой остались только ключи — у него, у старого ключника, и в звоне их ржавой связки в его единственной руке еще явлен дух нашей религии — литературы, искания нашего Христа — Пушкина, которые академик Веселовский назвал — «исканием человечности в царстве силы».

Возвращение Солженицына приговаривает: искания завершены.

А начались искания, когда зашевелилась, застонала в муках приподняться грозная, неведомая махина новой империи — царство силы и князь Андрей Михайлович Курбский, неудачно сразившись с врагом, отъехал в Великое княжество Литовское и посылал Грозному гневные «епистолы», уже тогда задав смертельную высоту разговору «изрядник — царь», уже тогда отделяя от жестокого государя доброго государя, народ и империю, уже тогда требуя человечности.

Курбский вопрошал от имени «заточенных и прогнанных без правды»: «По что, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, от бога данных ти, различным смертям предал еси?»

Курбский предупреждал: «Он есть — Христос мой... судитель между тобою и мною» — и сулил царю, что увидятся лишь на Страшном суде — там разберутся, лицом к лицу.

Царь, вонзивший посох в ногу посланнику Курбского, тоже закладывал традиции на века. По поводу Страшного суда отшучивался: «Кто же убо восхощет таковаго ефопскаго лица видети?» Укорял изменника ставшей в будущем бесценной в таких случаях фразой: «Славы ради мимотекущие нелепотную славу приобрел еси...» На обвинения отвечал вообще вечным утверждением: «Кровию же никакою праги церковные не обагряем; мучеников же в сие время за веру у нас нет...»

Первый изменник, изгнанник, поклявшийся: «И да не мни мене молчаща ти о сем: до скончания моего буду непрестанно вопияти со слезами...» — заставлял царство силы думать, искать ответ, утверждать себя. Начало было положено, а человек Курбский не вернулся. Магические два десятка лет, положенные судьбою русским изгнанникам, прожил на чужбине, переводил книжки, способствовал православию. На год помер раньше Грозного.

Дальше в 1824 году действительный статский советник Тургенев Николай Иванович — семьсот душ в Симбирской губернии — уехал от греха подальше в заграничный отпуск. Был и умница, и масон, и готовая замена Сперанскому, но Александр I уже многое предвидел и отпустил, и советовал через Аракчеева держаться осторожней, и подчеркивал: не как государь советую, а как христианин.

Следующий государь повелел вернуться Тургеневу из чужих краев для объяснения по делу декабристов. «Хромой Тургенев» не явился, попытался объясниться в письменном виде. Его немедленно приговорили к смертной казни, а после конфирмации смягчили до вечной каторги. Тоже в письменном виде. Николай Иванович ответил царству силы книжкой «Россия и русские». И скорбно заключил: «Я никогда не предполагаю вернуться в Россию».

Следующим отправился пробужденный декабрем Александр Герцен. После арестов, ссылок подался из царства силы в 1847 году, подальше от «зимних глаз» императора, пережидать «моровую полосу». Кто-то вспоминал его проводы: «Точно съехались на похороны и ждут выноса». По высочайшему повелению его лишили всех прав состояния и признали вечным изгнанником. Герцен продолжал диалог, прервав столь ненавистное Ленину «рабье молчанье». «Колокол» читали при дворе, все думающие думали про Герцена, ехали на свиданья. А на стене у Герцена висела картина, изображающая «Полярную звезду» в виде дамы в старинном русском костюме, парящей дамы. Император Николай слышал этот голос и писал: «Два мошенника, которые пишут и интригуют против нас».

Герцену говорили возвращающиеся: «До свиданья». А он молчал. Вообще очень сомневался на людях насчет Отечества: «А как подъедешь к границе да увидишь полосатый шлагбаум и маленького солдатика в большом кивере...»

И все было не зря: 26 августа 1856 года царь простил декабристов. Слепые, седые старики поехали домой плача. Возвращения на Руси всегда незаметны для общих глаз, но это всегда победа человечности. Ну, что ж, пора было просить. Николай Тургенев попросил помиловать. Ему разрешили приехать, вернули чины, ордена. Он проехал по России с сыном Альбертом и дочерью Фанни. А через две недели — назад. Ничего не произошло, а если и было что-то, но не то он потом скажет в сердцах: «До чего ужасна эта страна». Не вышло.

Герцен не попросил. Хоть и писал царю: «Ты победил, Галилеянин!» Хоть надеялся очень: «дело движется, движется, и правительство оказывается втянутым в перестройки, которые когда-нибудь его доконают». Хоть стонал порой: «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской». Но не просил, только вспоминал иногда, как уезжал, как «вы не догадались, что это были похороны, вечная разлука». Да ронял, что людям свободным достаточно своей правоты. Церковь предложила отлучить его да предать анафеме. Царь не дал.

И потихоньку Герцена — история обычная — перестали слышать. После польского восстания «Колокол» стал терять читателей. Молодежь, поросль Герцена не полюбила — шампанское, видишь ли, пьет, кушать хорошо любит. Следующий изгнанник — Чернышевский, чью фотографию хранили и Маркс, и Ленин, приезжал поговорить, но они друг друга не поняли. Герцену показалось — «себе на уме». Чернышевский ахал про себя: «Как отстал...»

А в 1862 году за Чернышевским притопал полковник в новом мундире, в передней топтался пристав, прислуга печалилась: «Бедный барин». И через два года на помосте черного цвета, у столба черного цвета палач скинул с Николая Гавриловича шапку, поставил на колени да переломил над головою шпагу. А куски бросил в разные стороны. Чернышевский за своими двумя десятилетиями поисков человечности поехал в Сибирь, но все продолжилось.

И как же мы неправильно понимали этих людей, вязались к ним в родню; и мы их видели именно такими, как мы, людьми ненависти, и с тех пор нам кажется недостаточным возвращения изгнанника, ежели он не полез на вокзале на броневик и не кликнул: «Вперед, ребята!»

И мы вытаскивали их из истории, мы их жалели, мы их вырывали, как дикий мед из древесных дыр, не постигая, что жизнь неотделима от смерти и царство силы неотделимо от исканий человечности в России, а теперь, когда мы оглянулись назад, за помощью, вдруг понимаешь, что эти люди имеют гораздо больше общего со своими собеседниками одноименными, все они Николаи да Александры, они по одну сторону, а мы — по другую. У них есть общая тема для разговора, о чем им с нами-то говорить, когда мы запутались в памятниках, фактах, ругани, топчась по себе, вдруг обнаружив, что идет в нашу сторону одинокий старик Солженицын — что он в нас ищет и хочет найти?

В тех людях, изгнанниках явных, и тех, кого правительство цепко держало; и тех, кого мучила и убивала странная любовь, и в дальних краях, обжитых по своей воле, было много античного рока, судьбы, много от непонятного, неведомого предназначения России, чьи границы и рубежи — это не верстовые столбы и чиновные морды, а то, что нельзя объяснить. Это то, что покидает нас, всегда, в любую минуту, как детство, и мы всю жизнь ищем, пытаясь вернуться,— и тщетно.

Они и имена себе какие выбирали, у Герцена — Искандер. Победитель! Македонский, который искал царства по себе, стремился к Океану, преобразовывал время, не крал чужих побед и говорил, что конечная цель победы — не делать того, что делают побежденные. Вот эти люди и были разностью между побежденными и победителями, утверждали ее, с чего мы взяли, что они — варвары, что они ненавидели Империю, и могли бы, возвратившись, тыкать всех высокомерно носом в грязь и цедить: «Ну чо вы тут наворочали без меня?» Да, они были безвозвратными потерями, но нашими; своему времени они были необходимы, ему приносили

свою жертву, неустанно споря, а теперь спор между человечностью и царством силы окончен не за явным преимуществом, а просто потому, что некому спорить, и возвращение Солженицына именно в момент упадка и бессилия, безнравственности и оскудения это подчеркивает.

И счастливец Герцен, мнившийся нам страдальцем, писал: «Мне кажется, что есть нечто в русской жизни, что выше общины и сильнее государственного могущества... Я говорю о той внутренней, не вполне сознательной силе... которая на царский призыв образовываться ответила через сто лет колоссальным явлением Пушкина, о той... силе и вере, которая живет в нашей груди... Эта сила ненарушимо сберегла русский народ... Сберегла вне всяческих форм и против всяких форм, для чего? Покажет время».

Герцен умер в 1870 году. В ночь на 21 января. Время показало очень скоро.

Герцен простудился на демонстрации. Умирал, а на улице играла военная музыка — он очень ее любил. Ударял рукою в такт. А потом вдруг сказал: «Отчего бы не ехать нам в Россию?» И в бреду все ехал куда-то на дилижансе.

На его похороны придет Николай Тургенев, но на этаж не поднимется — трудно. Прах Герцена из Парижа потом перенесли в Ниццу. На могиле поставили скульптуру.

Тургенев умер через год, на своей вилле под Парижем, похоронен на парижском кладбище.

Ходили сплетни, что Чернышевскому предлагали продаться за сорок тыщ. Он сам каторгу поначалу воспринимал весело: дескать, хорошая реклама, скоро назад. Через двенадцать лет заточения к Чернышевскому прискакал офицер, прискакал в город, где Чернышевский не мог отойти от острога далее пятисот шагов, жаловался на скуку и безделье, тосковал по семье, копал канаву, чтоб подсушить озеро, писал ночами и пил, а потом все сжигал. Ему запретили касаться в переписке посторонних предметов, кругом были гиблые места. Офицер протянул Чернышевскому бумагу: если государственный преступник подаст прошение о помиловании, то будет определенная надежда. Чернышевский сказал: «Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер — а об этом разве можно просить помилования?» Следующий офицер прискакал только через девять лет, подал ему личное письмо, наверное, от государя. Чернышевский прочел и заплакал, засмеялся и заплакал: поздно. Его повезли в строгом секрете, в дровнях, везли быки, подальше от мест, где он ходил по грибы, замотав лицо от гнуса полотенцем. Сначала — в Астрахань, потом — в Саратов. Там молчал, достойно молчал. Переводил «Всеобщую историю», мечтал появиться еще в Москве. Какие века, судьбы скольких изгнанников, борцов коснулись его, когда врач шептал ему, бредящему: «Покажите язык», а он в ответ: «Я бы вам его показал, да вы его вырвете».

Эти вырванные языки наших колоколов...

В гробу он лежал в глубоком покое в окружении роскошных венков. Возвели склеп. Потом — железную часовню.

Вот так они все вернулись.

Так непривычно для нас.

В советскую пору хватало беглецов, да мало было изгнанников, и споры с властью удалились от вековых традиций, спорщики расходились лишь в тактике, в том, в какую сторону ехать броневику, в отношении человечности и силы они стоили друг друга, да и адресат «епистол» неопределенно и зловеще расплылся — от диктатора до многомиллионной массы, слепо кричавшей «вон!», «и слушать не хотим!» — о таком народе стало трудно заботиться, Отечество вдруг теряло всякую реальность.

Позже изгнанников стали казнить безвестностью, в те времена по обе стороны границы стали плодиться мифы вместо истории, и спор тихонько ушел с извечного направления на долгие и гневные взаимные обличения и споры, чей миф к истории ближе и кто чем занимался в таком-то году; между победителями и побежденными медленно начала стираться разница. И также начала стираться разница и в народе — все ведь связано, и когда мы трагически отдалились от реального бытия и эта пропасть разверзлась, очень сложно стало решить: а кому же каяться, ежели между властью и покорным народом очень плавные и ровные переходы — литая громада, не поймешь, где концы, и выходит: либо всем каяться, либо никому. Выходит — никому. Значит, мы не вернемся вовсе.

И вот тут выяснилось, что последний изгнанник дожил до нас. Жив Солженицын — пример человеческого воскрешения из веры ложной на родные берега русского языка, русской культуры, русской истории — он протоптал эту тропинку, он разведал путь.

И если в свое время Герцен писал, что «тридцать лет тому назад Россия будущего существовала исключительно между нескольких мальчиков», то теперь Россия будущего существует исключительно между нескольких стариков. Только они смогут показать дорогу мальчикам. Тогда последнее возвращение изгнанника обретет высокий, прекрасный, спасительный смысл и избавится от смирения простого ухода в отчую землю.

Провидец — это не тот, кто видит дальше всех. Это тот, кого все вдруг замечают и верят ему. И если мы соединим свои надежды и по достоинству оценим мужество возвращения Солженицына к нам, готовым немедленно заиграть и засалить, надломить как старую карту, заткнуть в президиумы и коллективные подписи грустных бумаг, если мы сможем подняться и поднять его своей надеждой выше реальных политических черт, симпатий и причуд, тогда мы ощутим главное в его приходе — приход человека, не вождя в портупее и не вождя с кошельком, и не вождя с кличем, а человека-путника, на посохе которого еще осталась наша родная, нам неведомая земля, человека, который студеным родником сможет отрезвить разгоряченные души, опьяненные запахом крови и жестокостью воли. Тогда мы выстоим и переможем беду, ощутим единство духовное с предками и потомками, присягнем на верность историческому пути, и этот человек сможет огненной нитью соединить разные полюса свар и обид и осветить нам дорогу, и тогда вновь зазвенят над нами колокола невидимой нашей церкви, русской литературы, которая не оставляла нас никогда, только — мы, и свершится пушкинское видение блудного сына:

Так отрок Библии, безумный
расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев, наконец, родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

И это только кажется на первый взгляд, что возвращается Солженицын, это мы ищем пути возвращения, не именно к этому человеку, а к той земле, которую ему достало сил не покинуть и сохранить под ногами для нас. И если каждый из нас — слово истории родного края, будь то ругань, призыв, бессвязный лепет, похотливый всхлип, тихая молитва, робкий оклик, то остаток жизни Александра Солженицына может стать не последней точкой написанных им книг, а первым словом на новой странице вечной книги России, которая сможет со следующими словами обрести свою силу и муки неустанного изгнанничества и неутомимых поисков человечности и человека и в себе, и вокруг.

Александр ТЕРЕХОВ

■

Я бывший архитектор. Бывший, потому что смертельно больна. Мне 33 года, я хоть что-то успела, у меня есть муж и сын — все-таки не так уж и плохо.

Волею судеб я уже более двух лет лечусь во Всесоюзном научном онкологическом центре при АМН СССР. Те люди, с которыми я познакомилась при первых госпитализациях в 1988 году, уже практически все ушли из жизни. Осталось 3—4 человека. И все новые, новые лица. Перед проблемой СПИДа отошла на второй план проблема лечения рака. Ни для кого не секрет, что рак не лечат, в лучшем случае продлевают агонию на месяцы, если повезет — на годы. О том, как повысились и омолодились проценты заболевающих, у нас замалчивается. А ведь за процентами — люди. В моем отделении — одна молодежь, из которых 4/5 больных в возрасте от 15 до 25 лет. И лечение после изнуряющих курсов химио- и лучетерапии практически всегда сводится к одному — калечащей операции, которая в конечном итоге не помогает. Скольких девчонок я проводила навсегда, в каких муках уходили они из жизни! Вы бы глянули в их глаза.

Но страшнее смерти быть калекой среди людей. Подумайте, ведь это страшно, когда хорошо им только в больнице, когда смеются они только там, перенося при этом тяжелейшие процедуры. Там все одинаковые, там никто не оскорбляет ни словом, ни взглядом. Я не хочу приводить те многочисленные факты унижения и жестокости, которые сопровождают каждый шаг инвалида в «миру». Я хочу сказать главное: время от операции до могилы может быть длиннее только при внимании, только при любви и заботе всех нас, а не одного-двух человек.

У меня есть подруга из вновь поступивших в 1990 году. Она молодая и удивительно красивая женщина. В феврале прошлого года ей ампутировали правую ногу выше колена. Ей нужен хороший протез. Их делают и у нас. Но те, которые дают полноценную возможность ходить, «вчера» стоили более 7 тысяч рублей, а сколько стоят сегодня? Не собрать ни мне, ни ей и за 10 лет такой суммы с нашими пенсиями. А жить и двигаться ей надо сейчас, а не через годы. Это только говорится: «Слава Богу, что остался жив!» А когда человек остается жить, он хочет жить, а не прозябать.

Я не знаю, куда ей обратиться и кто бы смог ей помочь. Но ведь, если не помогать, человек, страдая от ущербности, съедает себя сам быстрее раковых клеток.

Как страшно это — просто ждать смерти!

Л. ФЕДОРОВА
Ростов-на-Дону

■

Я думаю, что неудавшийся заговор «красных камикадзе» в немалой степени способствовал укреплению национального согласия. В этом наглядно можно было убедиться во время похорон жертв переворота, когда в траурных церемониях участвовали представители многих национальностей.

Мы похоронили трех российских парней, один из которых, Илья Кричевский, был еврей. Все они отдали жизнь за свободную Россию, все они не задумываясь выступили против заговора, отнюдь не жидомасонского, которым нас долго пугали некоторые общественные движения. Переворот показал, кто является истинным врагом русского народа, свободы и демократии в стране. Весьма показательно в этом контексте присутствие в осажденном «Белом доме» прилетевшего из-за границы Мстислава Ростроповича, «инородца», по терминологии «Памяти». Для него чувство Родины и нависшей над ней опасности оказалось куда выше, чем для многих из тех, кто любил до путча разглагольствовать о «чистоте нации». Так кто же истинный россиянин в такой ситуации? Ответ, думаю, напрашивается сам собой.

В. ЮСОВ
Ярославль

■

Одна моя знакомая, вернувшись из поездки в Польшу, рассказала, что, продав на варшавском базаре поллитровку, купила себе фирменную футболку, за которую здесь отдала бы получку. А везла она в братскую республику отнюдь не одну только водку.

— Эдак и диктофон можно на тушенку выменять,— выдал я свою сокровенную мечту. На что и получил компетентный ответ: тушенка там самому сгодится, чтобы не тратиться на продукты. А на деньги, вырученные, скажем, от продажи фотоаппарата, можно кое-что подыскать...

И вот, загрузившись сэкономленной на заказах-талонах тушенкой да водкой и прихватив с собой «Зенит», я отправился по ту сторону Буга. Интерес, сами понимаете, сугубо меркантильный: купить так необходимый в работе диктофон, недоступный в Москве по коммерческим ценам. Собственно, никто из тургруппы и не скрывал своих «внешнеторговых» целей. Да и как скроешь: наполненные товарами баулы, тележки, рюкзаки — все выдавало их с головой.

Главную трудность маршрута — таможню — мы миновали, отделавшись легким испугом. Совершая сделки по типу «рубли — товар — злотые — рубли», наши соотечественники фактически меняют доставшийся им в Союзе дефицит на доллары. По подсчетам работников польских обменных контор, совгражданин приобретает в Польше товаров на сумму до 500 долларов США. Именно долларов, поскольку одним из главных результатов экономических преобразований в республике стала внутренняя конвертируемость злотого. К слову сказать, один доллар стоит там 11 тысяч злотых. Издержки, связанные с обилием нулей на дензнаках, не смущают инициаторов экономической реформы в стране. На мой взгляд, она прогрессирует. Тем, кто был в Польше во времена борьбы с «Солидарностью», наверняка запомнились пустые прилавки государственных магазинов, очереди за колбасой и недоступное изобилие в коммерческой торговле. Как все это напоминает наш сегодняшний день!

Вы скажете: цены там баснословно высоки. Да, но средняя зарплата в Польской Республике составляет полтора миллиона злотых в месяц (цена приличной дубленки). Однако она представляется совершенно фантастической по отношению к нашему с вами заработку, равному примерно 10 долларам в месяц.

Вот и едем туда, чтобы хоть както поправить финансовое положение. Все «побочные издержки» в нашем неизбалованном сознании окупаются сторицей: привозим ведь взамен видеомагнитофоны, кожанки и дорогую посуду... Вот и диктофон я себе приобрел. Правда, кассеты у него нестандартные. Ну да не беда: съезжу еще раз. Тушенку собирать уже начал...

В. КОРНЕЕВ
Москва

Александр Воронцов

ПРЕТЕНДЕНТОВ МНОГО, ПРИЗ ОДИН

Снова «Огонек» объявляет конкурс на лучшего вратаря. Уже сейчас ясно, что круг претендентов достаточно широк, и возглавляет его прошлогодний победитель, 28-летний вратарь московского «Спартака» Станислав Черчесов.

Есть выражение — «вратарь от Бога». Вряд ли оно применимо к родившемуся в северо-осетинском Алагире Станиславу. Конечно, способности у юноши были, иначе не пригласили бы его сначала в «Спартак» в Орджоникидзе (ныне — Владикавказ), а затем и в «Спартак» московский, ворота которого блестяще защищал тогда Ринат Дасаев.

Черчесов начал учиться. У Дасаева, у других вратарей. Работал как проклятый, до изнеможения. Сосредоточенно в видеоклассе разбирал игру лучших голкиперов мира.

Пока Дасаев в воротах, много не наиграешь. И Черчесов с благословения тогдашнего тренера «Спартака» Константина Ивановича Бескова ушел в «Локомотив», где стал основным вратарем и лицом к лицу встретился с лучшими нападающими страны. Это была отменная школа, особенно если учесть, что «Локомотив» не отличался высококвалифицированной обороной, способной уберечь своего «первого номера» от серьезных испытаний.

Дасаев уехал в «Севилью», Черчесов вернулся в «Спартак», и коэффициент надежности спартаковской защиты с его приходом отнюдь не снизился, пожалуй, наоборот, стал выше.

У каждого голкипера есть суперматчи, есть и провальные игры. В сезоне 1991 года у Черчесова были «супер» (можно вспомнить мадридский «Реал», игру за сборную в Норвегии), но не было провальных.

В воротах сборной Черчесов заменил 31-летнего московского динамовца Александра Уварова, который в первой половине августа уехал в Израиль, где по контракту работает в одном из клубов. Отъезд этот, однако, не является основанием для того, чтобы вычеркивать фамилию Уварова из списка кандидатов на звание лучшего вратаря сезона.

Любопытная цифра: Уваров, который находился в штате московского «Динамо» с 1978 года, к нынешнему сезону провел в основном составе всего 84 матча.

Он все время был вторым, все время тренеры вынуждали его находиться за чьей-то спиной. У Уварова было три пути: уйти в другую команду, благо предложений было достаточно; смириться с судьбой и «пребывать»; тренироваться так, чтобы в любой момент выйти на поле и доказать всем, на что способен.

Его выпускали на поле. На матч, на два, на несколько. Потом он вновь оказывался на скамейке запасных и тренировался, тренировался, тренировался... Участь второго вратаря незавидна. Даже в дубле ему не всегда находится место — там «обкатывают» молодежь. Но динамовский «голодный паек» не отпугнул Уварова, как, наверное, отпугнул бы другого футболиста. Выросший в Орехово-Зуеве, Александр «болел» московским «Динамо» с детства, другой команды для него не существовало.

Звездный час Уварова наступил после того, как ему исполнилось 30 лет. В прошлом году, когда стал первым в «Динамо», Валерий Лобановский пригласил его в сборную на чемпионат мира в Италию и до сих пор сожалеет, что не поставил его в ворота на первый матч с румынами.

Уваров автоматически перешел в сборную, которую возглавил Анатолий Бышовец, и огромна заслуга вратаря в том, что советская команда захватила безоговорочное лидерство в третьей отборочной группе чемпионата Европы, не пропустив ни одного мяча в московском матче с норвежцами, в римском — с итальянцами и в будапештском — с венграми.

В 1990 году Черчесов обошел Уварова в конкурсе «Огонька», Уваров Черчесова — в традиционном списке 33 лучших футболистов страны, заняв первое место в группе вратарей. Будет ли в этом году основной спор между ними или в него вмешается кто-либо третий?

Им может стать 31-летний Валерий Сарычев из московского «Торпедо», 30-летний Валерий Городов из «Днепра», 35-летний Юрий Курбыко из минского «Динамо», 26-летний Андрей Мананников из душанбинского «Памира», 29-летний Виктор Гришко из «Черноморца».

Валерий Сарычев — один из самых надежных вратарей в советском футболе. Его простая рациональная игра позволяет торпедовцам постоянно пребывать в числе команд, пропустивших наименьшее количество мячей. Сарычев до «Торпедо» выступал в «Памире» и был короткое время в ЦСКА. На него так и не обратили внимания тренеры сборных, однако в матчах европейских клубных турниров он доказал, что ему вполне по силам была бы и защита ворот сборной СССР.

Сарычев относится к той довольно редкой категории вратарей, которые берут свои мячи, зачастую выручают защитников и не пропускают «пенок». Понятно, что в свое время он прошел и через «пенки», но сейчас, пожалуй, ни один из пропущенных торпедовцами мячей не может быть отнесен на оплошность Сарычева, хотя он, как и любой голкипер, переживает каждый гол, забитый в его ворота.

Если бы не трагическая гибель вратаря ЦСКА, 23-летнего Михаила Еремина, он, безусловно, стал бы одним из главных претендентов на приз лучшему голкиперу. Высокая техника, прекрасные физические данные, огромная работоспособность, «чтение» игры — все это ставило Еремина в один ряд с Черчесовым, Уваровым, а учитывая его молодость, заставляло верить в незаурядное будущее армейского вратаря.

Кто станет лучшим после окончания сезона 1991 года? Решать читателям журнала, писем которых мы ждем, и специалистам.

Дмитрий Харин, Лев Яшин, Александр Уваров

Станислав Черчесов

Фото Анатолия БОЧИНИНА

ТЕЛ. 285-77-09

ВАШ БИЗНЕС БЛОКНОТ №10

ЭСКАРТ

«Биржа-ЭСКАРТ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ УНИКАЛЬНУЮ УСЛУГУ! Вам не нужны торги — приобретите ежемесячный международный каталог «Рынок-91». В нем есть все! Выбирайте из 2000 наименований товаров — от гвоздей до самолетов. Включайте свою продукцию в наш каталог.

Телефоны: (095) 356-93-52, 330-80-05, 356-54-12, 214-63-31.

ИНИЦИАТИВНЫЕ И ПРЕДПРИИМЧИВЫЕ! Есть сложная работа на домашнем телефоне!

Телефоны: 356-54-12, 330-80-05, 356-93-52.

ХУДОЖНИКИ ВСЕХ НАПРАВЛЕНИЙ, СКУЛЬПТОРЫ, МОНУМЕНТАЛИСТЫ, ДИЗАЙНЕРЫ! Спешите включить свои работы в международный журнал-каталог «Русская коллекция». В начале следующего года этот каталог в прекрасном полиграфическом исполнении ляжет на столы менеджеров в области культуры всех англо-франко-немецкоговорящих стран мира. Ваши произведения увидят и оценят сотрудники аукционов, музеев, галерей, частные лица.

125319, Москва, ул. Усиевича, 3. Телефон:(095) 151-07-58.

ВНИМАНИЕ! Фирма «НОРД-ПИЛИГРИМ» совместно с гостиницей ЦДОР предлагает иностранным туристам, представителям фирм размещение в гостинице, а также предоставляет автотранспорт. Оплата в рублях.

Справки по телефону: (095) 459-09-60.

БРОКЕРСКАЯ ФИРМА «КАРАТ», аккредитованная на Российской товарно-сырьевой и Тюменской товарно-фондовой биржах, предлагает услуги по покупке или продаже МЕТАЛЛОВ, БУМАГИ, ЛЕСА, АВТОТРАНСПОРТА, ЦЕННЫХ БУМАГ.

Телефоны в Москве: 450-97-72, 450-06-62.

СП и НПК «Варяг-ВТ» предлагают ДЕКОДЕРЫ НА МИКРОСХЕМЕ «ФИЛИПС» (215 руб.). Высылаем наложенным платежом. Оптовым покупателям предоставляется скидка, возможна оплата по безналичному расчету.

103287, Москва, а/я 3. Телефон: (095) 443-07-01.

ВАША ЖИЗНЬ СТАНЕТ СКАЗКОЙ, если вы начнете сотрудничать с брокерской фирмой «НАТА». Для вас по первому звонку мы купим и продадим товары, сырье, оборудование, недвижимость. Мы работаем на крупнейших биржах страны. С нами для вас доступно все — от леса до нефти, от пива до пассатижей. Срочно звоните нам по телефонам в Москве: 281-30-59, 272-56-98, 272-49-24, с 10 до 16.

1 ОКТЯБРЯ НАЧАЛАСЬ НОВАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА «КАРУСЕЛЬ». С 1 по 30 октября проводится набор участников игры. Для того, чтобы попасть в их число, необходимо не позднее 30 октября отправить почтовым переводом 10 рублей по адресу: 129010, Москва, а/я 828. По мере поступления платежей составляется список участников, который вводится в компьютер. После 30 октября компьютер по специальной программе из полученного списка выбирает каждого десятого, потом еще раз каждого десятого, еще раз — и так до тех пор, пока не останется тысяча финалистов, между которыми будут разыграны 100 призов игры: 10 автомобилей, 10 мебельных гарнитуров, 10 наборов мягкой мебели, 10 видеомагнитофонов, 10 телевизоров, 10 кухонных комбайнов, 10 холодильников, 10 срубов, 10 ковров, 10 компьютеров. А также главный приз игры — МИЛЛИОН РУБЛЕЙ! Все финалисты вызываются в Москву для участия в шоу-розыгрыше призов, трансляция которого будет вестись по телевидению. Торопитесь, игра уже началась!

ТОВАРНО-ФОНДОВАЯ БИРЖА «БИЗОН», КРУПНЕЙШАЯ БИРЖА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, представит ваши интересы в этом регионе. Торги каждый вторник и четверг!

680000, Хабаровск, ул. Запарина, 67. ТФБ «БИЗОН».

Телефон: (факс) 33-22-17.

ПРЕДЛАГАЕМ В ЛЮБОМ ГОРОДЕ ОБМЕН, АРЕНДУ, СДАЧУ, увеличение, уменьшение, куплю-продажу жилплощади и любого другого движимого и недвижимого имущества, приглашаем брокеров, диллеров, инвесторов.

103031, Москва, а/я 814.

Телефоны: (095) 292-70-00, 203-89-31.

БРОКЕРСКАЯ КОНТОРА ГМПП «Альтернатива», аккредитованная на МТБ и ОТБ, поможет вам в продаже и приобретении необходимых товаров на выгодных для вас условиях. Предлагаем СТРОЙМАТЕРИАЛЫ и ОБОРУДОВАНИЕ, АВТОТРАНСПОРТ, ЭЛЕКТРООСВЕТИТЕЛЬНУЮ АППАРАТУРУ. Приобретаем НЕФТЕПРОДУКТЫ, АВТОТРАНСПОРТ.

Телефоны в Москве: 142-22-48, 449-65-54.

ОТЛИЧНЫЙ ИНТЕРЬЕР — ОТЛИЧНОЕ НАСТРОЕНИЕ — ОТЛИЧНЫЙ БИЗНЕС. Настенные панели с металлической и кожаной отделкой, подвесные алюминиевые потолки золотистых и белых тонов, оригинальные светильники в том же стиле придадут вашему офису, кафе, дому отдыха современный и нестандартный вид. Наша продукция легко монтируется, удобна в эксплуатации и долговечна. Мы уверены: в помещениях, интерьер которых создан фирмой «БИККС», вам будет удобно!

129223, Москва, ВДНХ СССР, магазин №5 «Союзпечать».

Ассоциация «БИККС», тел. (095) 193-84-03, 289-21-31, 283-32-42.

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕАЛИЗУЕТ ПО ФАКТУ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНУЮ И ОРГТЕХНИКУ, в том числе: телефаксы «Мурата М5» — 18 000 руб.; PC/AT (США, ВГА) — 45 000 руб.; тонер 1215 — 800 руб.

Телефоны: (095) 408-75-63, 408-46-53, 408-44-98.

ПРЕДЛАГАЕМ: ВИДЕОФИЛЬМЫ ПО ПСИХОЛОГИИ БИЗНЕСА — теория раскрывается через программы американского тренинга, моделирование ситуаций и упражнения. (За рубли.) Обучение бизнесу в учебных центрах США (за СКВ). Обращайтесь в Москву: 246-61-51 и 246-22-11 — СП «Экопси» (RHR International и МГУ им. Ломоносова).

КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК «РАЗВИТИЕ» ПРЕДЛАГАЕТ ВСЕ ВИДЫ БАНКОВСКИХ УСЛУГ: депозиты на выгодных для клиента условиях; операции по расчетно-кассовому обслуживанию; кредитование приоритетных научно-технических и производственных программ; факторинговые и лизинговые операции.

Москва, ул. Каховка, 12-б. Тел.: (095) 121-90-20, факс 121-73-11.

ВНИМАНИЕ — ПОДПИСКА!

Дети и родители! Дедушки и бабушки!

Те, кто собирается иметь детей! И те, кто сами были детьми!

Издательство «Самовар» проводит подписку: Эдуард УСПЕНСКИЙ *«ЛЕКЦИИ ПРОФЕССОРА ЧАЙНИКОВА»* — очень веселый учебник по радиотехнике из серии *«ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ»*.

Любой человек от 6 до 60 лет после прочтения лекций становится крупным радиоспециалистом.

Принципиально новый тип учебника — если вы чего-нибудь не поняли или ни разу не засмеялись, «Самовар» возвращает деньги (шутка!).

Книга в твердом целлофанированном переплете, с цветными иллюстрациями, 97 стр. Цена 12 рублей.

Подписывайтесь на «Лекции» до 15 декабря. Книга поступит к подписчикам в январе 1992 года.

Оформите подписку так: отправьте письмо с заявкой и своим полным почтовым адресом в наше издательство по адресу: 127018, Москва, а/я 90.

Не забудьте вложить в конверт квитанцию об оплате — 12 рублей + 2 рубля (пересылка и налог с продажи). Деньги перечислите на расчетный счет 107140, Москва, р/с 468200, кор. счет 161272 Прогрессбанка МФО 201791 в МГУ Госбанка СССР.

В СКОРОМ ВРЕМЕНИ В СЕРИИ *«ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ»*:

«Задачник» («Ненаглядное пособие по математике») Григория Остера,

«Мои географические открытия» Андрея Усачева,

«Школа клоунов» Эдуарда Успенского.

РУССКИЙ ЮМОР НАЧАЛА ВЕКА

Юмор — это своеобразное зеркало эпохи: многое в нем видно даже яснее, чем в подробных свидетельствах летописцев. Но чем больше всматриваешься в такое «зеркало» России начала века, тем четче там проступает день сегодняшний. И, казалось бы, несерьезные строчки заставляют всерьез задуматься...

Публикация Тамары АЛЕКСАХИНОЙ

ГРАФУ ВИТТЕ
(Премьер-министру)

Ох, высиживает Витте
Министерское яйцо,
И какое, посмотрите,
«Вдохновенное» лицо!

«Радикальнейшие» меры
Для спокойствия страны.
Но боимся, у премьера
Выйдут только «болтуны»!

(«Шрапнель» № 1, 1905 г.)

* * *

— Вы кто такой?
— Депутат.
— Стыдитесь! Здоровый человек! Лучше бы работать шли.

ОБРАЗЦОВАЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ

— Опять у вас кворума нет?
— Заказан, ваше превосходительство!

и- а- о

(«Сатирикон» № 10, 1908 г.)

В ЧАЙНОЙ

— Слыхал? Турецкий султан туркам конституцию дает!
— Так им и надо, нехристям!

Медуза-Горгона

(«Сатирикон» № 15, 1908 г.)

В МАГАЗИНЕ

Приказчик (любезно даме):
— Может, из предметов роскоши желаете: мыло или зубная щеточка?

(«Сатирикон» № 35, 1908 г.)

В 24 ЧАСА

Что это только творится,
В толк я никак не возьму:
Плети мужик не боится,
Дали свободу уму,—
Митинги, речи, союзы.
Все о свободе кричат,
Пали молчания узы,
В моду вошел демократ...
Если б была моя сила,
Я бы творил чудеса:
Всех «этих» — тихо и мило
В двадцать четыре часа!

Жаль, что теперь я в опале.
Стал мой не нужен совет,
Если бы волю мне дали,
Спас бы страну я от бед.
Духом спокойный и твердый,
Дал бы я грозный приказ:
«Бить всем крамольникам морды!»
Смута тогда б улеглась.
Я усмирил бы стихию,
Я бы творил чудеса
И расстрелял бы Россию
В двадцать четыре часа.

Н. Сокол

(«Шрапнель» № 1, 1905 г.)

НА ТОЛКУЧКЕ

— Стреляет ружье?
— За рупь двадцать ты бы хотел, чтобы оно тебе еще и вальс «Дунайские волны» играло?! Проходи!..

(«Сатирикон» № 18, 1908 г.)

* * *

— Хочу вам предложить дельце.
— А деньги верные?
— Как в государственном банке.
— Тогда позвольте мне подумать...

(«Шрапнель» № 1, 1905 г.)

* * *

Я пришел к тебе с приветом
Рассказать, что депутатов
Распустить желают летом,
Чтоб потешить бюрократов.

Осевед

(«Защитник» № 49, 1908 г.)

НАШИ ДРАМАТУРГИ

— Урра! Еще одну драму написал!
— Какой сюжет?
— Без всякого сюжета.
— А как же?
— Что: как же?
— Как ты ее написал?
— А очень просто: купил несколько лекций об алкоголизме, да и разбил их на действия — вот и все.

(«Шут», 1907 г.)

ОДНО И ТО ЖЕ (ЗА БУФЕТОМ)

— Скажите... Вы не из Союза русского народа?
— Нет, но выпить всегда могу.

(«Сатирикон» № 32, 1908 г.)

ФРАЗЫ ДЛЯ ПЕРЕВОДА НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

— Имеете ли вы каждое утро свежую булку?
— Только в те дни, когда не бывает забастовки.

— Ваша добрая родственница уехала ли уже на юг лечиться виноградом?
— Нет, ее отправили для поправления здоровья в Туруханский край.

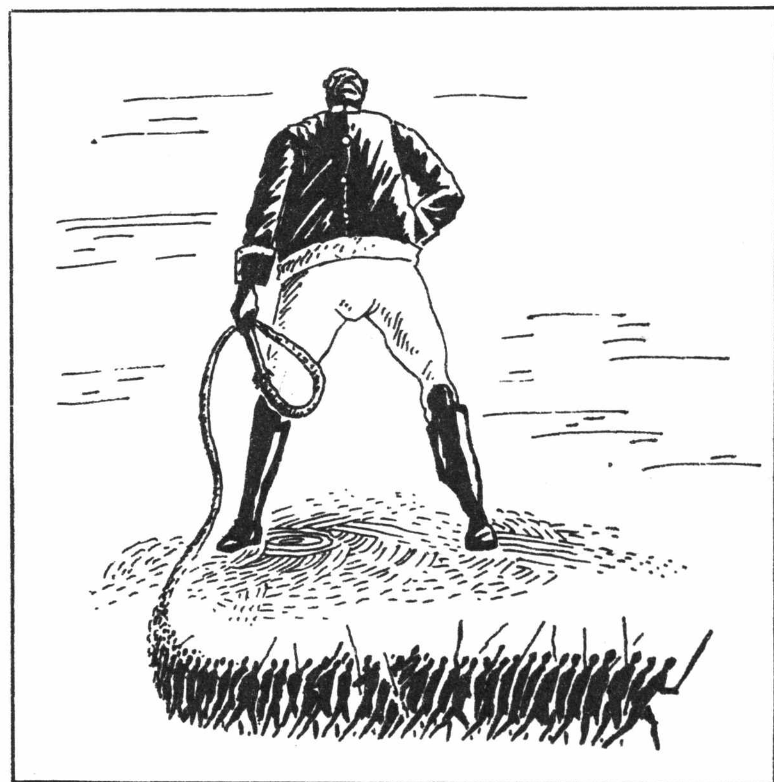
— Присутствовали ли вы когда-нибудь на митинге?
— Да, я еще хожу с перевязкой.

(«Патрон» № 52, 1908 г.)

ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ

— Вчера я обедал у Карамышева, на Невском... Ничего, очень прилично, даже ложки подают серебряные.
— Да что ты?! А ну покажи!

(«Сатирикон» № 16, 1908 г.)

Ведет рубрику Игорь ДВИНСКИЙ

Рисунки Алексея МЕРИНОВА

АМЕРИКАНСКИЙ БАЗАР

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Американским так базаром
Народ весь восхищен...
Ведь магазины есть другие?
— Голубчик, цены там большие,
И всяк, зайдя, смущен,
Когда с него целковый просят,
Взамен ему гнилье подносят.
Чем каждый возмущен...
В Американском же базаре
Духи, игрушки, портсигары —
Все лучшей доброты...
Щипцы, подносы, вазы, сетки,
Ножи, аршины, статуэтки
Изящной красоты...
Коль четвертак звенит в кармане,
Иди — не будешь ты в обмане,
Доволен будешь ты!
И знай, племянничек, что я,
Твой дядя, самых честных правил,
Однажды чуть не занемог,
Когда рубля достать не мог,
Чтоб магазин тот посетить
И туалет свой обновить.

(«Штык» № 2, 1908 г.)

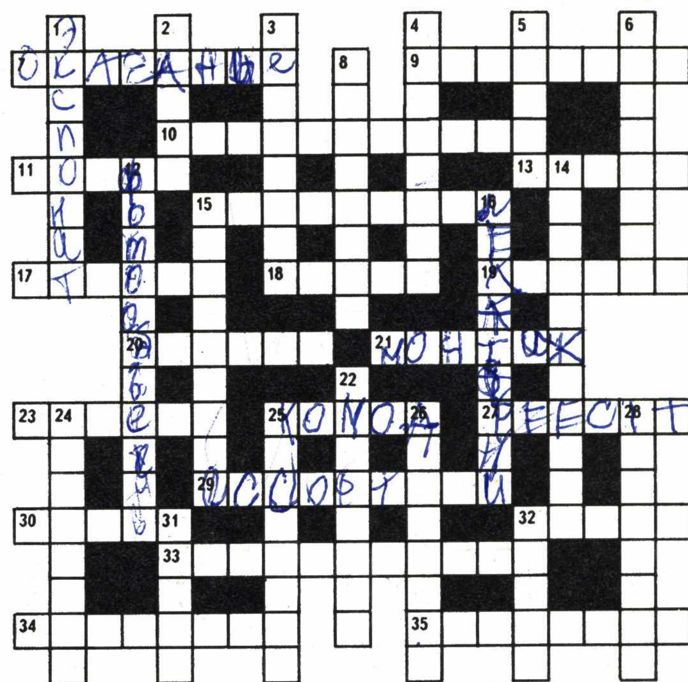
КОНСТИТУЦИЯ
(Романс обывателя)

Я «помню чудное мгновенье»:
Явилась ты среди невзгод,
«Как мимолетное виденье»,
Как вестник радостных свобод.
Сулила ты свободу слова,
Сулила гражданам права.
Звучали гордо, смело, ново
О правде громкие слова!
Пришла в восторг толпа слепая,
Надежду светлую храня...
Но ты... «исчезла, утопая»
В кошмаре нынешнего дня...

Реф.

(«Злободневный раешник» № 12, 1907 г.)

КРОССВОРД № 41

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Предания, легенды в фольклоре. 9. Полевой шпат, сырье стекольной и керамической промышленности. 10. Краткая увертюра к опере, балету. 11. Льняная ткань. 13. Научно-популярный журнал для старшеклассников. 15. Раздел педагогики. 17. Правовое положение гражданина, юридического лица. 18. Химический элемент. 19. Архипелаг в Красном море. 20. Духовой инструмент. 21. Сборка и установка конструкций, сооружений, машин. 23. Разновидность тюленя. 25. Низкий шкаф с ящиками для белья. 27. Список, перечень, опись. 29. Подготовка театральных, эстрадных, цирковых выступлений. 30. Жанр публицистики. 32. Река в Алжире. 33. Наличие сортов товаров. 34. Украинская певица, народная артистка СССР. 35. Предприятие связи.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Предмет, демонстрируемый на выставке, в музее. 2. Древнеримский историк. 3. Приток Дона. 4. Игрок спортивной команды. 5. Представитель народа, населяющего Камчатку. 6. Лекарственное растение, кустарник, растущий на Дальнем Востоке. 8. Бальный танец. 12. Оптическое устройство, применяемое в фотографии. 14. Подъем на горную вершину. 15. Работник, регулирующий из центрального пункта ход работ предприятия. 16. Помещение для чтения лекций. 22. Подражатель. 24. Боковая часть корпуса музыкального инструмента. 25. Навесная машина для транспортировки сена и соломы к местам скирдования. 26. Единица измерения длины. 28. Стихотворение А. С. Пушкина. 31. Сторона прямоугольного треугольника. 32. Горизонтальная горная выработка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Михайловское. 5. Одарка. 6. Аган. 7. Гимн. 9. «Маскарад». 13. Венера. 14. Иридий. 15. Пеле. 16. «Раймонда». 17. Спринтер. 18. Ниас. 21. Кролик. 22. Морена. 23. Атабаска. 26. Торф. 27. Заря. 28. Скачки. 29. Тетеревятник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Чакона. 2. Исфара. 3. Муравей. 4. Еврипид. 6. Александрит. 8. «Неизвестная». 9. Малиновка. 10. Степанова. 11. Ренессанс. 12. Диаграмма. 19. Кларнет. 20. Аркалык. 24. Тустеп. 25. Кристи.

1 руб. Индекс 70663